

Библиотечная серия Всемирного клуба петербуржцев

Библиотечная серия «Без границ»
издательства Союза писателей Санкт-Петербурга

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

6/2012

Санкт-Петербург – Хельсинки
2012

Работа международной творческой группы «Тайвас»
и проекта «Под небом единым» осуществляется при поддержке:

Посольства России в Финляндии;
Партии «Центр» (Suomen Keskusta r.p.) (Финляндия);
Союза писателей Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург);
Всемирного клуба петербуржцев (Санкт-Петербург);
Издательства Союза писателей Санкт-Петербурга

Руководитель проекта «Под небом единым» –
Елена Латина-Балк

Учредители альманаха – *Елена Латина-Балк*, *Александр Житинский*
Шеф-редактор – *Елена Латина-Балк*
Соредакторы альманаха – *Валерий Попов*, *Сергей Арно*

Редакторский совет альманаха «Под небом единым» №6, 2012 г.:
Алексей Филимонов (Россия, Санкт-Петербург),
Наталия Крофтс (Австралия, Сидней),
Лютель Эдер (Израиль, Ашкелон),
Елена Латина-Балк (Финляндия, Эспоо).

Наш адрес:
pod-nebom-edinym@yandex.ru
Наш сайт:
www.pod-nebom-edinym.ru

Издание осуществлено при поддержке Правительственной комиссии
по делам соотечественников

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

ISBN 978-5-4311-0019-2

© Авторы, тексты, 2012
© «Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга», оформление, 2012
© Маркина О., обложка, 2012

К читателям

Перед вами новый номер альманаха мировой русскоязычной диаспоры – «Под небом единым», существующего уже шесть лет. За эти годы на его страницах было опубликовано много талантливых произведений. Коллектив авторов все время пополняется новыми именами. Выпуск этого альманаха, безусловно, нужен российскому читателю, которому интересно, как живут, о чем думают наши соотечественники, разбросанные по всему миру. Оказавшись за рубежом в чужой среде, они пишут по-русски для того, чтобы сохранить в себе русское начало. Притом новые, неизведанные обстоятельства жизни влияют на них, и получаются неожиданные, интересные произведения, с особым языком, стилем, с обостренной эмоциональностью. Язык имеет свойство постоянно изменяться: уходят слова, которые были в обиходе десять-пятнадцать лет назад, на смену им появляются новые – язык живой организм. Постоянно находясь в России, мы не всегда замечаем эти изменения, но, читая произведения соотечественников, живущих за рубежом достаточно продолжительное время, часто удивляемся тому, что они сохранили уже забытые нами словосочетания, интонации языка и соединили их с чисто эмигрантским новоязом. Эффект порой получается самый удивительный. Судьбы наших зарубежных соотечественников сложилась по-разному, но в душе каждого из них сохраняется внутренняя связь со своей страной, и быть прочитанными на родине для них очень важно.

В этом номере под нашим единым небом русской литературы собраны русскоязычные писатели восемнадцати стран мира (впервые авторы из Болгарии, Новой Зеландии, Кипра, Молдавии) – это не только поэты и прозаики, но и литературоведы, литературные критики, переводчики.

За время существования альманаха в нем были напечатаны произведения более чем 80 русскоязычных авторов, проживающих за рубежом. Участие в альманахе дает возможность многим молодым поэтам и прозаикам заявить о себе впервые, опубликовав здесь свои стихи и рассказы рядом с произведениями известных признанных авторов, а не замыкаться в отдельной книжке. Здесь, в альманахе, отчетливее видно, куда и к чему нужно стремиться молодым в своем творчестве.

В шестом номере альманаха продолжен начатый в 2011 году журнальный цикл «Города, города...». В 2012 году в Афинском университете состоялась конференция на тему «Русская культура без границ», полностью посвященная проекту нашего альманаха.

Она была организована доктором отделения славистики Еленой Андрейченко (Афинский университет) и шеф-редактором альманаха Еленой Лапиной-Балк. Авторы альманаха приехали на конференцию из разных стран, и благословенная Греция встретила их радушием и теплом.

В 2012 году литературным альманахом «Под небом единым», выпускаемым Международной творческой ассоциацией «Тайвас» – «Небо» (Финляндия, Хельсинки) при поддержке Союза писателей Санкт-Петербурга, Всемирного клуба петербуржцев (Петербург, Россия), университета г. Альмерия (Испания), Дагестанского государственного университета (Махачкала), старейшей русскоязычной газетой Австралии «Единение» и Французским набоковским обществом (Франция) учреждена премия имени Владимира Сирина (русского Набокова).

В новом выпуске альманаха публикуются произведения Галины Гампер (Россия), Вячеслава Лейкина (Россия), Норы Крук (Австралия), Майи Шварцман (Бельгия), Константина Мелихана (Россия), Михаила Садовского (США) и других признанных мастеров. Представлено в нем и творчество талантливой молодежи: Дмитрия Суйканена (Финляндия-Россия), Виктории Чембарцевой (Молдавия), Наталии Пейсонен (Италия-Финляндия), Светланы Кочергиной (Франция).

Очень важно, что альманах является совместным проектом Финляндии и России. Хочется пожелать его авторам творческих успехов!

*Валерий Попов,
председатель Союза писателей Санкт-Петербурга*

Елена Лапина-Балк (Финляндия)

Родилась в Санкт-Петербурге. Окончила ЛИТМО, факультет квантовой физики, и отделение журналистики ФОП в Санкт-Петербурге. Около тридцати лет живет в Хельсинки. Автор пяти поэтических сборников, в 2011 г. вышел сборник прозы «Тропы судьбы» издательство СП СПб. Участник различных периодических изданий в России, Европе и США. Член международного ПЕН-клуба-финское отделение. Член СП СПб.

УЛЯ*

(отрывок из повести)

Май 2000 г.

... а у вас весна теплее? Уже всё в цвету? Ну, тогда точно такая же, как и у нас!

... а почему японский сад? А, ну да, ты же всегда у нас экзотику любила – экибана, фенгшуй, мейхуа...

А вот послушай...

Из телефонного разговора

СТРАСТИ ПО-ЯПОНСКИ

Четыре недели жили на МЫСЕ НАХОДКА, а потом сообщили, что на следующей неделе из порта отходит пароход в Магадан. Ну наконец-то – скоро едем!

Вещей ни у кого не было, значит, и собираться было легко!

Софья Михайловна принесла из библиотеки карту и показала нам всем маршрут путешествия: порт Находка – Японское море – пролив Лаперуза – Охотское море – Магадан (2590 км.).

---

* Продолжение. Начало повести читайте в альманахе «Под небом единым», № 4, 2010, № 5, 2011.

Игорь с Зиной пытались даже вычислить, сколько путешествие займет времени; это Софья Михайловна такую задачку придумала, но задачку мы решать поленились.

В назначенный день все отправились в порт. Там стоял огромный белый пароход.

Стали проверять документы: паспорта, приглашения, разрешения на въезд в Магадан, билеты на пароход. И тут говорят: «Пароход переполнен. Вас не возьмут на борт, возможно».

Как?.. Что? Никто не может объяснить. Говорят только: «Ждите!»

Вера с Игорем в слезах – по трапу на борт. Софья Михайловна уже наверху. Да и все наши на борту. Кто же мог предположить, что так случится, что мы опять окажемся «бедными родственниками»?

Посадку закончили, и металлические трапы убрали.

Полчаса томления. Мы, не отрывая взгляда, смотрим наверх, пытаемся рассмотреть, что же там на борту. Подумала тогда: не вынесу, если пароход уйдёт без нас...

И вдруг Вера сверху кричит: «Шура! Зина! У нас в каюте два места есть!!!» Тут же Игорёк рядом с Верой возник: «Зиночка! Давай скорее сюда, это я, я устроил!»

У меня слёзы глаза заволокли, всё расплывается, слышу только, как вороны в порту кричат, будто и они обрадовались такому известию.

Подошел к нам офицер в морской форме, говорит: «Всё в порядке, зачем боялись? Счастливого плавания!» Тут матросы вещи наши подхватили, подвели к верёвочной лестнице:

– Поднимайтесь, – говорят.

– Так я же в юбке, как же я могу?..

– Какая к чёрту юбка! Скажите спасибо, что место нашли, – говорит матрос.

Я Зину первой пропустила, она руками схватилась, ножки болтаются – маленькая же ещё. Поднялась немного, вниз не смотрит: голова, видимо, кружится, плачет, кричит...

Ой, чего уж тут рассказывать, еле докарабкались...

Каюта была на четверых. Сразу Софья Михайловна к нам прибежала, Зину стала обнимать... А мы были усталые от переживаний, молчали, даже есть не могли.

К вечеру того же дня мы с Верой уже покоряли сердца офицерского и матросского состава. Мы были ещё молодые, несмотря на наши жизненные истории. Вере было двадцать семь, а мне двадцать два; она – красивая кареглазая брюнетка, я – голубоглазая блондинка с двумя толстенными косами. О стройности и не говорю: все женщины, и молодые, и пожилые, были тогда стройными. Нас приглашали даже ознакомиться с капитанским мостиком! Мы были нарасхват. А сколько предложений руки и сердца было получено!

Софья Михайловна взяла шефство над Зиной и Игорьком и занимала их своими уроками. Какая же она была чудная учительница! Мне, окончившей три курса педагогического, это было заметно: дети даже не догадывались, что это были уроки. Она с ними просто беседовала, рассказывала истории из прошлого Японии, Дальнего Востока. О чем она никогда не говорила, так это о Сталине...

Весёлые и шумные, мы врывались с Верой в каюту. Зина сразу же становилась серьёзной, морщила нос и заявляла: «Вам бы только веселиться, а в стране война, кругом Японское море, полное агрессоров – империалистических японцев – и мин...» Мы переглядывались с Верой и хихикали. Да, уроки Софьи Михайловны не проходили даром.

Игорёк был очень спокойным мальчиком, а Зина всё бурчала. Думаю, в её маленькой жизни уже столько произошло страшного и горького, что она разучилась быть весёлой. Она панически боялась оставаться одна. Вера ей как-то в шутку сказала: «Зиночка, ты свекровь, что ли? Все нотации нам читаешь». После этого о ней мы все так и говорили: «...А что свекровушка скажет? ... как наша свекровка решит?..»

... море как море – Японское, одним словом. Знаешь, это была какая-то эйфория: мы будто находились в нейтральной жизни, где не было прошлого, а будущее обещало только мир и счастье....

... не помню, почти ничего не помню – помню только, кружились вихрем по белому пароходу, мы были очень красивыми!

Из телефонного разговора

В громкоговоритель объявили, что пароход входит в японские воды. Всем приказали зайти в каюты и даже не высовываться: В любой момент может подойти японский военный корабль и начать досмотр.

Нас с Верой об этом уже раньше предупреждали офицеры поклонники. Говорили, заберут в плен целый пароход, если что-то подозрительное заметят. А особенно забирают без объяснений красивых девушек.

Так и случилось. При входе в прилив Лаперуза наш пароход был-таки остановлен. Японцы тщательно досматривали пароход, заходили в каждую каюту. Зашли и к нам: в каюте – двое испуганных ребятишек и две бабки-кулемы (это мы с Верой платки завязали старушечьи и черники поели, чтобы зубы чёрными стали). Один на плохом русском что-то пытается сказать: «...Некласивый какой луский зенсин, такой не хасю...» Потом стал чихать и громко сморкаться. Мы же сидели, как застывшие перед опасностью кролики.

Наконец-то хлопнула дверь каюты – японцы пошли дальше.

Игорёша сердито: «Тоже мне красавцы нашлись империалистические, сморкаются, как в трактире...»

Зина тут же встряла, как же без неё: «А когда чихал, рот платком не прикрывал...» – и пальчиком погрозила.

Мы с Верой скинули платки и сразу начали приводить себя в порядок...

Осматривали долго. Потом японский корабль провел пароход через минные заграждения; опять долго стояли, и наконец-то мы вошли в Охотское море.

Через час пароход ожил.

К нам в каюту перебралась Софья Михайловна. Рассказала, что их тоже досматривали. Мы с Верой удивлялись, почему так долго досматривали, а Софья Михайловна: «Знаете, сколько там, в трюме, этих бедных несчастных?..» Мы, конечно, понимали, о чём говорила София Михайловна, но не хотели на этом заострять внимание детей.

Знали и то, что наш маршрут полностью совпадал с маршрутом заключённых, предназначенных для Дальнего Востока: поездами до Владивостока, оттуда до Находки, где перегружаются на пароходы и следуют морем на Магадан, в колымские лагеря. Разница была только в том, что мы ехали в сказочный край Колыму, а они...

Вскоре началась качка. Мы с Верой бегали по палубе как ошалелые, сидели в кают-компании с офицерами, улыбались матросам. Вот что значит молодость. Нам дали, как сейчас помню, трёхлитровую банку кислой капусты, чтобы легче переносить качку. Отнесли мы эту банку в каюту к нашим. Детям действительно было очень плохо, Софья Михайловна держалась молодцом.

Шторм был восемь баллов, мы то лежали на полке, то стояли на стене. И тогда Софья Михайловна сказала, что надо молиться. Все пятеро мы стали повторять молитву: «Отче наше, иже еси на небеси...» Зиночка добавляла: «Ну очень тебя прошу, Боженька... я никогда больше шалить и ворчать не буду... и будет воля твоя, и будет... – ну пожалуйста, нас же папа ждёт...»

И Бог нас услышал!

Шторм закончился, и уже до самых берегов Магадана был штиль...

Молодые матросики и офицеры постоянно приносили в нашу каюту то яблоки, то жареные котлеты, то солёные огурцы, то... записочки с признаниями. Есть мы уже не могли, но Зина хранила обещание и не ворчала.

Прибыли в порт. И вдруг заметили, что здесь зима. Начались приготовления к высадке пассажиров. Все вышли на палубу, ну и мы протискиваемся: интересно же, кто там внизу, кто пришёл встречать!

А на пристани ни души... Потом рассмотрели одинокую фигуру. К пароходу приближался мужчина.

На этот раз спускаться нам позволили по металлическому трапу. Предупредили: не расходитесь и ждите, пока последний пассажир покинет пароход. Стоим, ждем.

Зина толкает в бок и спрашивает:

– Шура, а посмотри, кто это? – и на мужчину показывает, который приближается к пароходу.

– Не знаю, наверное, начальник какой-то.

Разглядываю: длинное кожаное пальто, высокие белые фетровые бурки, большая меховая шапка.

– Шура, это папа?

– Не болтай, – а сама начинаю всматриваться.

– Зи-и-на-а! Это же па-а-па-а!!!

И мы бросились к папе.

Мы не виделись три года. Зина была как дохлый цыплёнок, я – повзрослевшая до неузнаваемости, а отец не изменился. Спокойный, уравновешенный и какой-то очень уютный.

Обнимались. Зина, как обычно, щебетала, я обнимала обоих. А потом все вместе заплакали: мама, Толя и бабушка не дожили.

Пассажиры парохода собрались на пристани, нам разрешили перейти в зал ожидания. А зал был уже переполнен встречающими. Нас с Зиной отец повел к машине, и мы поехали в гостиницу, которая находилась в десяти минутах езды.

Мы уже были в гостиничном номере и прыгали на кроватях от радости и свалившегося на нас счастья: такая долгожданная встреча с отцом и чувство

защищенности... И вдруг здания затряслись от взрыва. Мы выглянули из окна и поняли: в порту что-то случилось!

Из соседнего номера пришёл отец, бледный, руки трясутся. Медленно стал говорить, что вот... только что... позвонили...

– Сообщили... нет-нет... все живы, все успели сойти с парохода... Уму не постижимо, это судьба... Мины, говорят, были ко дну прикреплены, взорвались с запозданием... Они хотели взорвать мирный пароход с людьми... Какое зверство...

Он сидел, раскачиваясь, обхватив голову.

Зазвонил телефон, отец взял трубку. Он долго говорил о чем-то непонятном. Стал куда-то собираться, достал из кармана деньги, положил на стол:

– Обедайте в гостинице, сходите, ну там... в кино... Я на работу, буду поздно.

Мы сидели со слезами на глазах, онемевшие... Я пришла в себя первой, говорю Зине:

– Ты помнишь, что тебе всегда бабенька говорила: «Бог любит троицу»? Вот и считай: на пароход не хотели брать, японцы остановили, а теперь ещё и пароход взорвали... Всё, кончились наши мучения. А Зина мне:

– Да, я думала, они уже раньше... кончились... Это бабенька нас оберегает... Помнишь, она обещала?

– Зи-зи, куда пойдём?

– Пойдем гулять и в кино.

Тамара Скобликова (Россия)

Родилась в Ленинграде. Окончила отделение журналистики филологического факультета Ленинградского государственного университета. Пресс-атташе Всемирного клуба петербуржцев. Работала журналистом в газетах, на радио, на телевидении, несколько лет была главным редактором пресс-центра мэрии Санкт-Петербурга. Член Международной федерации журналистов. Заслуженный работник культуры России. Награждена медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

«ИЗ-ЗА ОСТРОВА НА СТРЕЖЕНЬ...»

В Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина мне показали маленькую рукописную книжку. Она убрана в старинный цветной переплет, называемый павлиньим пером. Черные крупные буквы отчетливы, легко различимы. Может, ее держал в руках и Петр Великий? Во всяком случае именно он, увидев в Голландии книжку Яна Стрейса «Три путешествия», приказал сделать ее перевод. Царский приказ выполнил в 1701 году «иноземец Венедихт Шиленг».

... Одно из своих путешествий парусных дел мастер Ян Стрейс совершил по Волге летом 1669 года. Волею судьбы он оказался не только свидетелем, но и невольным участником драматических событий, разразившихся в Астрахани. Там он трижды встречался с казацким атаманом Степаном Разиным...

Что заинтересовало Петра I в этой книжке? Россия глазами иностранца? Ведь Стрейс многое видел: проехал от Новгорода до Астрахани, участвовал по приглашению царя Алексея Михайловича в постройке первого русского судна «Орел». Или заинтересовало царя описание «Стенькина бунта»? Автор книги был в плену у казаков, чудом спасся. А может, царь почерпнул в этой книге сведения, дотоле ему неизвестные?

Так или иначе, но, проследив цепь событий, приходишь к неожиданному выводу: именно Петру Первому мы обязаны появлением столь популярной песни «Из-за острова на стрежень...».

Книга Яна Стрейса «Три путешествия» проделала непростой путь, прежде чем оказалась на полках Публичной библиотеки. В 1834 году она была приобретена у известного собирателя графа Ф.А.Толстого. Откроем же книгу.

«17 июля, несколько часов спустя после отъезда из Казани, мы сели на мель и едва сошли с нее. Затем мы стали на якорь в Саратове...»

«Увидели остров Загру, где очень дешево купили отличной рыбы. Продававшие ее рыбаки сообщили нам, что 1000 казаков, живших на Донцу, находились на острове четырех бугров, лежащем в устье Волги. <...> Здесь они поджидали приезжих, на которых нападали, грабили и поступали бесчеловечно».

«Московитяне неохотно живут в Астрахани. Как бы ни были хороши кушанья... но если при этом нет водки, то им постоянно кажется, что с ними дурно обращаются. Напиток же этот так редок в этом городе, что почти вовсе нет его».

А между тем Астрахань наполнена казаками Разина.

«Люди его мало-помалу стали продавать городским купцам то, что они награбили в продолжение четырех лет у Москвитян, Персиян, Татар. Они уступали вещи так дешево, что можно было иметь очень большую прибыль... За золотую цепь, длиною в сажень, заплатил я им только 40 рублей».

В городе ходили легенды о Степане Разине. Рассказывали о его храбрости, щедрости, отцовском отношении к казакам. «... Смотрели на него, как на обыкновенного человека; поэтому наш капитан пожелал его видеть вблизи, и я был в числе тех, которых он выбрал себе в спутники».

Голландцы застали Разина в шатре. Прежде всего он велел спросить, что за люди, откуда прибыли, с какой целью. Пригласил выпить. Но глубокого интереса к иностранцам не проявил, и это огорчило Стрейса, потому что ему «хотелось разговориться». Правда, атаман любезно пригласил навестить его еще. «Действительно, мы еще раз посетили его и застали на реке в лодке, выкрашенной и вызолоченной. Здесь он пил и веселился с некоторыми из старшин. Около него сидела Персидская княжна, которую он увез с ее братом во время последнего набега».

Именно в книге Стрейса описан тот драматический эпизод, который лег в основу знаменитой песни «Из-за острова на стрежень...». На его глазах Стенька Разин бросил в Волгу персидскую княжну. Никакой другой источник этого факта не сообщает.

Несколько лет назад научный сотрудник Публичной библиотеки П.А.Медведев наткнулся на сюжет о княжне в польско-немецкой рукописи. Он хотел выяснить, насколько самостоятелен этот источник. И пришел к выводу, что это пересказ книги Стрейса. История с персидской княжной в рукописи подробно описана: «Будучи сильно пьян, он облокотился на край лодки и, смотря задумчиво на Волгу, вскричал: «Я обязан тебе всем, что имею, и даже тем, чем я стал. Ты отец и мать моей чести и славы... я до сих пор не принес ничего в жертву тебе». Он схватил княжну, «разодетую в жемчуга и драгоценные камни, одетую в золотую парчу», и бросил в воду». Стрейс считает, что это действительно был дорогой для Разина человек. А «она была прекрасная и благолепная девица, но его за неволею, страха ради любила. И во всем угождала».

Выдержки из этой рукописной книжки, появившейся в России по желанию Петра, были в 1824 году напечатаны в «Северном Архиве», а в 1880 году – в «Русском Архиве». Помимо «иноземца» Шилленга, был у нее и русский переводчик – Петр Осипович Юрченко. В 1883 году самарский поэт Д.Н.Садовников прочитал пересказ этой книжки в журнале «Нива» и написал

стихотворение «Из-за острова на стрежень...». Так оказывается, что этот «чисто русский сюжет» сообщил нам иностранец.

Ну, а что же Стрейс? Ему еще раз пришлось встретиться с Разиным, но уже пленником. Казаки чуть не убили его, он бежал от них на шлюпке по Каспийскому морю, попал в рабство в Дагестане, был выкуплен польским посланником. Но вот загадка: Россия всегда была притягательна для иностранцев. В 1675 году Стрейс снова поехал в Московию простым конюхом в свите Кунраада фан Кленка – чрезвычайного посла Генеральных штатов Голландии, принца Орлеанского...

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

– Срочное задание, – сказал редактор, – юбилей у народного артиста Николая Симонова. Знаете такого?

Ну, еще бы. Кто же не знал Петра Первого или Федора Протасова? Это был не только всемирно известный, но и всенародно любимый артист. Я только что окончила Университет, и это было мое первое серьезное задание. В душе я ликовала: подумать только, я увижу Николая Симонова, буду брать у него интервью! И я, не без трепета, набрала номер его телефона. Мне ответил голос, который был хорошо известен всей стране. Этот голос, идущий из какой-то неведомой глубины, нельзя было спутать ни с каким другим. Я быстро изложила свою просьбу.

– Никакого интервью я вам давать не собираюсь. Я с советскими журналистами лет двадцать уже ни о чем не беседую, – и повесил трубку. Я была ошеломлена. Ну почему, почему не беседует? Что такого сделали ему советские журналисты? И при чем тут я, журналист без году неделя? И тот факт, что я журналист молодой и вовсе не ответственный за моих предшественников, показался мне спасительным. Я снова набрала номер телефона.

– Я не волшебник, я только учусь, – попробовала отшутиться фразой из кинофильма «Золушка». – Я журналист, только начинающий...

– Плохо начинаете, – сказал мне тот же волшебный голос. – Вы выбрали омерзительную, продажную профессию. И не смейте мне больше звонить.

Послышались гудки, которые означали полную безнадежность выполнить редакционное задание. Почему-то вдруг всплыли слова песни: «И вышли, как всегда, «Известия» и «Правда», и «Красная звезда», а журналист погиб». Они с беспощадностью напоминали о том, что журналист обязан выполнить редакционное задание любой ценой. Но – какой? Этого я не знала. В коридоре Дома Радио я встретила Сашу Матушевского – редактора «Невской волны».

– Кто это тебе дал такое невыполнимое задание? Всем известно: Симонов интервью не дает.

Была поздняя пятница. Дом Радио был пуст. И я уныло поплелась домой, забыв даже оставить в редакции магнитофон «Репортер-5». Всю субботу слонялась из угла в угол. Мама спросила:

– Ты чего это сама не своя? Завтра великий праздник – Вербное воскресенье – Христос въезжает в Иерусалим...

Моя мама была человеком верующим. Но я, воспитанная в советской школе, в советском высшем учебном заведении, хоть и не была атеистом, но

о Вербном воскресеньи ничего не знала. Из маминых слов я поняла, что это добрый праздник, когда верующие приветствуют друг друга веточками вербы. В этот день царит мир и согласие.

К вечеру меня начали посещать какие-то смутные мысли. Что-то шевельнулось в голове. Мне вдруг показалось, что человек, не желающий разговаривать с советскими журналистами, может быть, верующий... На следующее утро к восьми часам я была уже на ногах. Никакого четкого плана у меня не было...

У Финляндского вокзала я купила веточки вербы. «Репортер-5» лежал в хозяйственной сумке. Ровно в 10 часов утра я позвонила в мастерскую народного артиста Советского Союза Николая Константиновича Симонова. Страх не было. Но и ни одной сколько-нибудь достойной мысли не было тоже.

Дверь открыл сам хозяин. Я протянула ему букетик вербы и сказала:

– Поздравляю Вас с Вербным воскресеньем.

Он удивленно посмотрел на меня, но букет взял. Вот теперь меня обуял страх.

– Хорошо, что современная молодежь помнит об этом дне. Моя поклонница? Входи.

Вид у меня был, наверное, совсем дурацкий. В свои двадцать два я едва выглядела на семнадцать.

– А как ты думаешь, почему Иисус въехал в Иерусалим в это воскресенье на осле?

В вопросе звучала некая хитреца.

– Может, потому, что на конях въезжают завоеватели? – откуда-то из тумана услышала я свой голос.

– Именно. Ну, входи, – повторил он свое приглашение.

Не знаю почему, но я поняла, что должна объясниться у порога.

– Николай Константинович, – еле слышно прошептала я, – может, Вы не захотите, чтобы я вошла.

На меня смотрели удивленно знаменитые симоновские глаза.

– Понимаете, это я звонила вам в пятницу. Я из радиокomiteта, журналистка.

Взрыв смеха, искренний, залиvistый, потряс всю лестничную площадку.

– За смелость и находчивость – хвалю, – сказал Симонов и широко распахнул передо мной дверь.

Мы проговорили два часа. Это была незабываемая встреча. Стоит ли говорить, что я была на седьмом небе от того, что выполнила такое трудное редакционное задание. Но история на этом не закончилась. Я решила назвать свой очерк «Скрипка Энгра». Дело в том, что у французов не существует понятия «хобби». Они говорят «скрипка Энгра», когда хотят сказать о таком увлечении человека, которое является его второй натурой. Второй натурой Николая Константиновича Симонова была живопись. Поэтому в моем радиоочерке речь шла о картинах артиста, о том, насколько живопись помогает ему найти «краски» драматургического образа. Ни о чем этом не хотел слышать тогдашний председатель радиокomiteта Александр Филиппов. Он сразу «зарубил» заголовок. «Какой еще Энгр? Это что за выпендрей? «Вторая натура» – вот какой должен быть заголовок!» Бывшему секретарю обкома партии, отвечавшему за сельское хозяйство, волею судьбы

оказавшемуся на посту председателя радиокomiteта, ничего доказать было невозможно. А я ни за что не соглашалась на «вторую натуру». Мое поведение, конечно же, было вызвано молодостью и обостренным чувством справедливости. Кроме того, мне так трудно достался этот материал, я его считала лично выстраданным. И такое грубое вмешательство в «мое» творчество мне казалось возмутительным. Потом кто-то из журналистов постарше все же объяснил Филиппову, кто такой Энгр и его скрипка. К чести Филиппова надо сказать, что он умел соглашаться.

Первый телефонный звонок, который раздался после того, как в эфире прозвучала передача «Скрипка Энгра», был звонок Николая Константиновича Симонова. Своим удивительным голосом он сказал:

– Пожалуй, я погорячился. Ты свою профессию выбрала правильно.

Екатерина Асмус (Россия)

Родилась в Санкт-Петербурге. Образование – высшее художественное. Работала в разное время журналистом, постановщиком шоу-программ, декоратором, директором собственного арт-клуба, концертным администратором формата рок-н-ролл. С 2000 года по 2008 год работала в кино ассистентом режиссера. С 2009 года – член редколлегии и спецкор литературного альманаха Лоры Кутузовой «Параллели Судеб». В 2010 году в издательстве «Любавич» вышла первая книга прозы – сборник «Избыток подсознания». С февраля 2011 года – ведущая авторской программы «Миг удачи» на Радио Санкт-Петербург.

ЧУЖИЕ КОРНИ

С благодарностью – моей троюродной бабушке Нине, которую, к несчастью, мне знать не довелось.

Толпа серых с винтовками схлынула, как легкая волна. Грузовик с солдатней, набитой в кузов, вынесся из крепости. А генерал, в парадной белой форме, украшенной золотыми аксельбантами, остался лежать, словно тряпичная кукла, с вывернутой неестественно шеей, и – будто бы вылили сверху банку красного брусничного варенья – алые пятна на белом мундире растекаются, шевелят щупальцами, как медузы в море...

Нюточка на море была недавно и боялась там с медузами играть: они скользкие, похожи на тряское желе, но вовсе даже не красные, а просвечивают. Вздохнув, поковыряла пальчиком краску на большой дубовой оконной раме, покрутила латунный шпингалет. Затем опустила белую кружевную занавеску затейливого плетения. Пойти бы спросить у мамы, зачем на генерала банку варенья вылили, а боязно, потому что приказано из детской не выходить и в окна не выглядывать. Но ведь ску-у-у-чно-о-о! Взрослые в последние дни говорят полупшепотом и из дома – ни ногой. Потому что какая-то «леворюция». Так вроде бы. Нянечке Корине строго наказано: малышку из дома не выпускать. И вот грусти тут в одиночестве. Куклы хоть и нарядные, но надоели и вовсе глупые. А мебель в кукольном доме уже десять раз переставлена!

Уютную детскую свою Нюточка любила. Но уже давно в гости никто не приходит, а одной играть не интересно. Спросить бы, когда же кончится она, эта «леворюция»! В прошлом году у малышей – кузенов Томиных – была корь. Их тоже никуда не отпускали, и к ним нельзя было. Целый месяц! Но потом зато устроили чудеснейший детский праздник к именинам старшего братца, Иленьки! В большом особняке на Фонтанке, в зимнем саду, была устроена настоящая Африка! Пальмы с бананами, ананасы, апельсиновые деревья в кадках и море невиданных цветов. А как пахли! Детям разрешили самим срывать плоды с деревьев! Потом играли в прятки. А потом было представление с настоящими артистами! Нюточке они очень понравились, особенно когда девочка, примерно ее возраста, исполняла танец ангела. Беленькая, хрупкая, вся в кисее и с настоящими крылышками! И впрямь – ангелочек с рождественской елки! На сладкое вынесли торт, высотой ровно с младшего, Мишеньку Томина, а маменька тогда все бледнела да покашливала, а потом так посмотрела на папеньку, что тот покраснел.

Потом дома разразилась настоящая буря. Нюточке даже подслушивать не пришлось, и так все было ясно.

«Зачем только я вышла за вас, Николая! Я погубила свою жизнь, я подписала себе смертный приговор! – бушевала маменька, – Алексис Томин, граф, красавец, так умолял меня выйти за него, так умолял! И не только он! Ах, скольким я отказала ради вас! Ваша карьера казалась такой быстрой, такой успешной! Маман меня предупреждала... Я думала, вы богаче будете Алексиса Томина!»

А папеньке и слова-то не удавалось вставить, он только и повторял: «Но Лелюшка, родная...», – а потом снова: «Но Лелюшка, родная!»

«Так вот, – Нюта раздумывала, сидя одна в детской, – вот когда кончится «леворюция», то, может быть, папа тоже устроит детский бал, и...» Но помечтать не успелось. За дверью послышались взволнованные родительские голоса. И очень хотелось подслушать. Все знают, что это нехорошо, но уже неоднократно Нюточка убеждалась, что иначе все самое важное и интересное пропустишь. Дождавшись, когда голоса удалятся, Нюта решилась на отчаянный шаг. Тихонечко приотворив дверь в коридор, она прокралась к дверям маменькиного будуара и затаилась в складках тяжелого бархатного занавеса с кистями и «бомбошками», украшавшего дверной проем.

– Боже! – срывающийся от слез и тихой истерики голос маменьки. – Что же теперь с нами будет? Мы же все погибнем!

– Шшш! – это уже папенька, – тише. Леленька, родная, доверься мне, я найду выход...

– Выход! Разве вы можете найти выход!... Генерал Мертенс до дверей не успел дойти, как они набросились на него и разорвали в клочья. А потом вошли в дом и расстреляли всех, даже малышей! И вынесли из дома все ценное имущество, драгоценности, ордена, пожалованные генералу за заслуги!

– Послушай, Лелюшка, – голос папеньки дрожит, – послушай, я пытался связаться с моей тетей в Варшаве, она могла бы укрыть нас, но письма не доходят...

– Ну хватит! – маменька уже не плачет, она сердится. – Хватит. Я знаю, что вы, Николая, не способны принимать решения! Год назад нужно было уехать, должно было догадаться...

– Анеточка! Идите молоко пить!

От неожиданности Нюта вздрагивает – это голос нянечки, ой, сейчас не поздоровится, если только быстро-быстро не добежать до столовой. На цыпочках, стараясь быть абсолютно бесшумной, Нюта мышкой шмыгает во второй коридор и там, уже приосанившись и чуть отдышавшись, отвечает: «Я иду, Кориночка».

* * *

Муська, по прозвищу «худая», старательно копалась в мусорной куче. Старая, потрепанная алкоголичка, она получила свою кличку за исключительную худобу, присущую зачастую сильно пьющим людям. Ее усохшее желтое длинное тело казалось совсем износившимся, мятым, а лицо – будто пожеванным. Однако, несмотря на преклонный возраст и удручающе порочный образ жизни, Муська была еще крепка и вполне самостоятельна. Во всяком случае ежедневный обход помоек она не пропускала. Ну, разве что дружки приносили водки на несколько дней, и тогда она устраивала себе запойные «выходные». Муська держала «хату». То есть пускала постояльцев на занимаемую ею по закону жилплощадь. За еду, за выпивку, а иной раз и за некоторые иные услуги. В огромной захлавленной коммуналке, кои никогда не выведутся в Петрограде, как его ни назови, около черного входа располагались ее апартаменты, общей площадью в шестнадцать квадратных метров. Поскольку имущество Муську не обременяло – давным-давно все было пропито – места собутыльникам хватало. Тут стоял в прошлом белый, а ныне невразумительного цвета пластиковый стол, покрытый стародавней газетой; четыре колченогих стула, с сидениями до того грязными, что садящийся буквально прилипал к обивке; а на полу валялись клочковатые матрацы, на которых вечно кто-то спал, завернувшись в нечто, смахивающее на бывший настенный коврик. На подоконнике громоздилась стеклотара в ожидании сдачи в приемный пункт. В этом райском уголке зачастую фасовали травку и кокс или делили ворованное, а то и били кого-то смертным боем, а после тихо ночью выносили подальше со двора. Соседи волком выли от Муськиных гостей, несметное множество раз жалобы писали в прокуратуру да в различные судебные инстанции. Но все впустую. Менты Муську покрывали, регулярно выпивали у нее «на халяву», да и с дружками ее проворачивали какие-то темные делишки. Ну, и потом, Муська уже много лет районное отделение обслуживала, а считалась она бабой горячей, неумной и «готовой на все», несмотря на возраст. Сидела она всегда во главе стола, как генеральша, напялив блондинистый свалявшийся длинноволосый парик, при полной боевой раскраске, как в прошлые, героические, свои времена, когда была еще молодой актрисой, да не просто начинающей, а уже блеснувшей, схватившей славы и овадий. Красовалась Муська, надев все свои пластмассовые драгоценности, любовно собранные по помойкам, парадное люрексовое мини-платье «с напуском», не скрывавшее варикозных худых и не слишком чистых ног ее, и туфли с золотыми облезлыми каблуками. Царицей возвышалась над разношерстной, замызганной компанией опустившихся маргиналов и пьянчуг. Смотрела она на сожителей своих снисходительно, попивая водку из граненого стакана, помада (всегда алая) размазывалась по подбородку, а зеленые тени собирались в углах морщинистых век. Если кто-то из мужичков ей хоть в

чем-то возражал, Муська презрением обдавала провинившегося и цедила: «Да я тебя целиком шас сюда запихну!» И похабным неоднозначным жестом раздвигала длинные и тощие свои ноги под угодливый сальный хохот остальных прихлебателей. Но, вообще, баба она была добрая, никогда для дружков денег не жалела. Каковы, кстати, у нее водились. Потому как обход помоек давал Муське постоянный доход. Она выскивала в бачках разное барахлишко, а потом продавала в переходе у метро. И ведь почти новенькие вещички иногда попадались!

– О! – хвасталась она, примеряя очередную шмотку, – смотри-ка, какую красоту выбрасывают «новые русские»! Если б каждый день такое находить, так уже бы я миллион заработала!

Мысль о миллионе давно терзала Муську, ни на минуту не отпуская ее. Ей все казалось, что фортуна улыбнется, подкинет шанс, а с миллионом-то хватит на пропой пожизненно, да еще и на шикарные похороны останется.

О нем же, о миллионе, думала Муська и теперь, исследуя очередную помойку. Добыча предыдущих трех дней была не ахти. Но соседка сверху, промышлявшая милостыней в переходах, дала адресок у нового кооперативного дома. С утра раненько Муська двинулась на разведку. И вправду, куча у бачков выглядела внушительно: видно, мусоровозка дней десять не приезжала. Муська внимательно оглядела фронт работ. В первую очередь, привлекла ее внимание старая ободранная прикроватная тумбочка. Подергала Муська ящик, глядь – а он на замке. Муська аж испариной покрылась от ожидания: замком-то ее было не удивить – первый муженек профессиональным взломом занимался. Привычно согнув выдернутую из прически шпильку, Муська недолго боролась с ящиком, пока наконец тот не разявил свою деревянную пасть... Полную денежных бумажек, закончивших свое хождение лет пять назад. Смачно плюнула Муська в сердцах, да прямо на бумажки. Бабка какая-нибудь безумная, змея подколодная, видно, от родственников деньги прятала, а потом гознаки поменяли и – тью-тю бабка твои накопления... Да еще и под замком хранила.

– Ну, народ убогий, – возмущалась Муська, продолжая копать в окружающем тумбочку мусоре. – Ни жить красиво не умеют, ни помереть!

Вновь представила она свои похороны: в дубовом гробу, в розах, да на литераторских мостках, в толпе знаменитостей (в том случае, если с еще не найденного миллиона останется достаточно). И с удвоенной силой начала рыться в куче тряпья, старательно проверяя каждый карман выброшенных юбок, брюк и пиджаков. Шмотки, кстати, попадались хорошие – хоть сразу на продажу, видно, и впрямь в дом «новые русские» заселились – не обманула соседка-попрошайка. Муська заоглядывалась кругом в поисках тары для выноса добычи. Наконец на глаза попало нужное: из переполненного бачка торчал довоенный фибровый чемоданчик, изрядно помятый, но задорно поблескивающий никелированными уголками и защелками. Хищно оглянувшись, Муська бросилась к добыче. Не раз слышала она от товарок, что вот в таких-то невзрачных чемоданишках находились жемчуга и бриллианты, спрятанные за обшивкой чокнутыми одинокими старикашками. Быстренько собрав шмотье в первый подвернувшийся, почти не рваный полиэтиленовый пакет, она прихватила чемоданчик и направилась в сторону дома, чтобы в спокойной обстановке хорошенько рассмотреть находки.

В родной халупе Муську поджидала тепленькая уже компания: лучшие и ближайшие дружки – Мент, Дикий и Семенов.

Мент – Муськин сосед по подъезду, пожилой, обрюзгший мужик, лысый и неряшливый, – и впрямь являлся бывшим ментом. Служил он в органах еще при Оське Рябом, о ком отзывался всегда с благоговением, будто о святом угоднике. Одевался Мент обычно в стародавние синие треники, драные войлочные тапки и непременно в форменную гимнастерку, изрядно засаленную и потертую. Фуражка Мента всегда находилась при нем, и ежели не была нахлобучена на лысину, то лежала рядом, посверкивая тщательно начищенной кокардой.

Высокий и тощий Семенов – нынешний Муськин хахаль – выражение лица имел нагло-угодливое, а змеиная улыбочка, пробегавшая по тонким губам, и стальные щелки глаз делали физиономию этого профессионального тунеядца особенно неприятной. Последним штрихом являлась мини-швабра плохо стриженных, грязно-серых усов, торчащих из-под длинного хрящевого носа.

Дикий же, недавно откинувшийся уголовник, целиком и полностью являлся портретом к собственной кличке. Черные бешеные глаза сверкали из-под спутанной копны таких же черных волос, под бледной, в синеву, кожей щек гуляли желваки. Дикая сила и дерзость улавливались во всем его поджаром теле.

Троица мирно играла в картишки, попивая теплую водку. Закуска, состоявшая из вяленой воблы и черствого хлеба, аккуратно расположилась на свежей газетке. Довершал натюрморт облупленный эмалированный чайник, из носика коего игроки по очереди прихлебывали воду. Муська со свежепринесенным барахлом водворилась на своем законном месте – во главе стола. Пропустив стаканчик с дороги, она вновь принялась перебирать и разглядывать хабар. Производя тщательную ревизию каждого предмета, Муська раскладывала добычу по кучкам, систематизируя. Фибровый же довоенный чемоданчик с никелированными углами до поры до времени упокоился под столом.

Наработавшись, Муська налила себе водки и скомандовала: «Ну-к, Семка, включай музыку, да повеселее! Сейчас показ моделей сделаю вам!»

Семенов подскочил марионеткой и стал яростно выкручивать ручку дряхлого радиоприбора. Наконец воюющие звуки популярной мелодии полились из динамика и Муська зафланировала по комнате, демонстрируя наряды, словно заправская манекенщица.

– Ух, красота какая! – подыгрывал Семенов своей любовнице. – А тебе идет! «Путана, путана, путана, пятнадцать долларов, ну кто же виновата-а-а-т...» В таком зачетном прикиде запросто миллион заработаешь!

На что Муська кокетливо отвечала: «Поговоришь шас! Я тебя проглочу и не подавлюсь. Только язык твой поганый выплну и вон Менту на закуску дам».

На эту реплику Мент мечтательно закатил глаза под остатки бровей.

– Да уж, покروшили мы язычков в свое время, есть что вспомнить. Эх, времена были... А Отца все одно не уберегли. Контра, проклятая, отравила. А уж сколько мы их на вечную мерзлоту перевели... Осиротили страну, сволота...

Заканчивая тираду, Мент начал звереть и шумно дышать ноздрями, но тут к беседе подключился Дикий. Он развернулся к Менту и прорычал с демонстративным уголовным пафосом: «Ладно, волк позорный, брехать-то.

Если б вы только контру, так вы честный русский народ по тюрягам да зонам гноите. Братва на лесосеке гниет, а ты тут жируешь!»

Его выпрєнную речь прервало гадкое ехидное хихиканье. Дикий обернулся и увидел змеиную улыбочку Семенова.

– Это кто тут героический русский народ? Ты, што ль, Дикий? Последняя твоя героическая ходка за что была? Бомбанул ты сейф, говорят, жирный. А денег-то так и не нашли вроде? Вот ты откинулся и чо? Где денежки-то, Дикий?

– Ты, падла, откуда знаешь?

Рука Дикого уже потянулась за хлебным ножом, но тут встрял Мент.

– Тихо, тихо, мужики. Щас все соседи сбегутся бабки ваши искать. Вши поднарные. И потом – других дел навалом. Абдулла вчера заходил. Порошок есть, нужно канал наладить.

Мент внезапно весьма проворно вскочил и, схватив со стула Муську, начал вальсировать с ней, напевая: «И заработаем мы миллион и коньяк с шампанским будем пить!»

– Хрен тебе с шампанским, гражданин начальник! – хохотала Муська. – Да что ты видел-то в жизни, кроме коммуналки с тараканами! А я в таких ресторанах отдыхала, с такими мужиками!

Муська, оттолкнув Мента, потянулась за бутылкой.

– Эх, где мои шестнадцать лет! Красавица была... Розы – корзинами носили!

Семенов, чокнувшись с Муськой и закинув водку в горло, съехидничал: «Розы корзинами! Вся страна, значит, голодала, а у тебя розы корзинами! Буржуйка ты, оказывается, Муська». После чего подсел поближе к подруге и начал щекотать ее морщинистую шею своими усами, похожими на мышь, торчащую под носом. От приятного занятия его отвлек существенный тычок в спину, произведенный Ментом. Семенов обиженно дернулся.

– Ты чо, совсем?

– Нет, это ты совсем, клоп сутулый, ну-ка брысь под лавку и хайло прикрой. При Отце когда это страна голодала? Позоришь Родину, сволочь! Память отшибло? Да, бывало трудно! Но мы были вместе! Всю страну Отец из руин поднял, ни днем, ни ночью покоя не знал! Так жить стали, что мировой капитализм зубы в порошок стер от зависти. А сейчас подняла гидра империалисская снова голову, но погоди!

Муська, которой были до лампочки политические пристрастия Мента, да и всего остального человеческого поголовья обширной Родины, пнула его ногой.

– Политику не хаваем, гражданин начальник! Эх, быдло ты, деревенское! Ты хоть раз в театре-то был? Да что я тебе объясняю... Разве можешь ты понять, дворняжка подзаборная? Да ты со мной, породистой овчаркой, за столом и сидеть-то не должен. Тридцать лет назад я таких, как вы, и ботинки свои чистить не допустила бы! Я тогда впервые Офелию сыграла... Как меня хвалили, как хлопали! Носили на руках! Розы... Корзины... Шампанское...

Муська пригорюнилась над своими воспоминаниями, казалось, вот-вот пьяная слеза потечет, размывая комки туши на ресницах. Мент тоже притих: пригрезилось былое величие.

А Дикий в сей момент зашептал Семенову: «Муська про хабар наболтала?»

– Сорока на хвосте принесла!

Глядя не мигая прямо в наглые серо-стальные шелки, Дикий тихо и значительно произнес: «Скажи своей сороке, чтоб крылышки поберегла. Враз отчикаю, нечем размахивать будет».

Семенов раззявил рот, чтобы ответить обидчику достойно, но тут очнулась от мечтаний своих Муська и вклинилась в разговор.

– А чтой-та никто не наливает?! Семка! Етишкин корень, ну-ка быстро за дамой ухаживай!

– Да я чего? Я завсегда галантный кавалер. «Мурка, ты мой Муреночек, Мурка, ты мой котеночек! Мурка, Маруся Климова, прости любимого!»

Семенов, словно заправский половой, перекинув через руку какую-то грязную тряпицу на манер полотенца, пошел вокруг стола, наливая. Освежая жидкость в стакане Дикого, Семенов даже поклонился.

Муська, налюбовавшись вдоволь кривлянием хахала, вновь придвинула к себе кучку со шмотьем: «Ладно, хорош базарить. Я еще не всю красоту рассмотрела! Ну, все, оставляю себе только это, – она нахлобучила кокетливо, набекрень, ярко-красную пляжную шляпу из вязаной полиэтиленовой нити, – и вот этот кардиганчик, во, вишь: от Диора...»

– Ага, сам Диор на эту помойку шмотье выбрасывает, а-ха-ха! – заржал Семенов.

А Мент припечатал: «Моя б воля, я б всех Диоров ваших на одной березе...»

Сдавая карты по новой, Дикий ухмыльнулся: «Ну, воля твоя, начальничек, теперича на пенсии. И век тебе ее не видать».

– Точно Диор! – сунула им под нос бирку Муська. – С Ленкой-маленькой вчера в переходе у Сенной вместе стояли. Она обычно просто попрошайничает, а тут бабка у нее заболела, которая петушками торгует, леденцами, значит, на палочке. Бабка их в ванной варит, леденцы эти, ни помыться, ни подмыться, ни постираться – вот и ходит Ленка грязнулей нечесаной. Хотя для попрошайки-то в самый раз! А я сапожки прихватила, три дня назад на нашу помойку вынесли – хорошие совсем, только пряжка оторвалась. Ну, я вторую тоже вырвала и стою, торгую. А Ленка и говорит, что у нового многоквартирного дома шикарная помойка открылась. Там новые русские квартиры покупают и шмотки отличные выкидывают.

– Пряма так и отличные?

– Да! Всего раз наденут, а на второй, понимаешь, им запахло уже в одном и том же ходить. Они себе новое в универсамах самообслуживания приобретают. Да вот взять хоть эти чулки-сетку! Наимоднейшая вещь! И чего: всего четыре дырки, а уже выбросили новые русские! Не обманула Ленка-то. Роскошный бизнес будет, если каждый день так затариваться. Скоро точно миллион заработаю. Вон еще чемодан не открывала. В таких, говорят, старинные клады находятся!

* * *

Нюточка взяла большое игрушечно-красное яблоко и, пока няня Кора судачила о чем-то с горничной Томиных Дарьюшкой, пошла искать чудесную девочку в костюме ангелочка.

Самое трудное – не заблудиться в коридорах. Упаси бог в людскую попасть: то-то переполох начнется! И тебе попадет, и нянюшке, а горничной

Дарьюшке тем паче, потому что «робенка одного, без догляду, отпустили». А уж маменька как посмотрит! Нюточка даже вздрогнула, вспомнив пронзительный взгляд матери, предназначавшийся каждому провинившемуся, не исключая и отца. Под землю провалиться хочется немедленно: вот как маменька смотрит в гнев. Однако уже больно охота на девочку вблизи поглядеть, а может, и подружиться получится? Такая она хорошенькая – прямо прелесть!

Успешно миновав большую лестницу (все лакеи в праздничной зале заняты), проскользнув мимо буфетной, откуда доносились голоса, причем один явно распекал, а другой – умоляюще попискивал (ух, и строгий же здесь дворецкий Пал Иванович – жуть), Нюта добралась-таки до искомого. Двустворчатые двери вели в небольшой овальный зал, где иногда Томины давали камерные фортепьянные концерты. Как-то под Новый год, когда вся ребятня участвовала в домашнем спектакле, в этом зальчике была устроена раздевалка и гримерная – вот и подумалось Нюте, что артистов тоже могли там разместить. И не зря ведь подумалось, недаром Генрих Карлович по арифметике всегда хвалит за сообразительность. Из-за дверей доносился смех и веселое многоголосье. Нюта немного помедлила: и войти боязно, и в коридоре стоять долго опасно – заметят и заругают. Тихонько толкнув створку, она проскользнула внутрь. Актеры сидели за столом, не иначе как домоуправитель Томиных получил распоряжение подать им праздничный обед в честь тезоименитства отрока Илии. Трапеза поминутно прерывалась взрывами смеха, вероятно, был среди присутствующих хороший рассказчик с целым ворохом веселых историй.

А чуть поодаль от взрослых, у красиво задрапированного окна, на высоком табурете, сидела та самая девочка в костюме ангелочка и расчесывала деревянным гребнем свои длинные бледно-пепельные волосы. Игрушечно-красное яблоко, точно такое же, как и у Нюты в руках, лежало перед ней на столике. Тоненькие ножки в белых чулках трогательно болтались, не доставая до блестящего паркета. Еще раз бросилось в глаза, какая она хрупкая и маленькая.

Нюта стала потихонечку подбираться к девочке поближе, стараясь не шуметь, чтобы взрослые не заметили. Девочка глянула в зеркало и увидела Нюту в отражении. Обе замерли.

Но не произнесли ни звука. Тогда Нюта подошла совсем близко и смущенно встала у кресла. Когда задумала знакомиться, – все было просто, а теперь? Ну что говорить? Как начать? Подумав, она молча протянула девочке яблоко. Та посмотрела на него, потом на свое, такое же, лежащее на столике, и обе засмеялись.

– Ты кто? – первой спросила девочка, отсмеявшись. Голос у нее оказался высокий и какой-то взрослый, уверенный.

– Я – Аннета. Сегодня у моего кузена день ангела, и мы с маменькой и папенькой в гости приехали... – вежливо начала Нюта, но девочка перебила ее:

– А почему ты торт красивый есть не пошла? Я видела: вынесли, такой розовый весь... – и она мечтательно улыбнулась.

– Да ну его! – воскликнула Нюта. – Надоели уже сласти, а потом ведь слушать заставят, как Мишенька маленький стихи читает, а он запинается все время – скучно! А ты торт попробовать хотела? – вдруг спохватилась Нюта, жалея, что не прихватила с собой кусок.

– Нам не полагается, – важно сообщила девочка. – Артисты должны фигуру соблюдать, особенно балетные. Сама посуди, после тортов какой же партнер мне поддержку в па-де-де сделает?

Нюта не все поняла из сказанного, особенно насчет «па-де-де» и «поддержки», но прониклась уважением к серьезности занятий, не позволяющих есть вкусные торты. Она наконец осмелела и решилась спросить: «А тебя как зовут?»

– Магдалина Дали! – нараспев, как на сцене, объявила девочка.

– Так ты настоящая итальянка? – округлила глаза Нюта.

– Нет, это мой сценический псевдоним, – гордо заявила Магдалина. – А по-настоящему я – Мотя Данилович. Но ты можешь называть меня Мадя, так меня дома зовут.

– А где твой дом? – заинтересовалась Нюта.

– А здесь, – расхохоталась Мадя, указывая рукой на группу взрослых за столом. – Мы – знаменитая группа Дали: папаша мой – и директор, и режиссер, и пьесы пишет, а маман – актриса, переезжаем из города в город, где есть ангажемент, там и живем. Эту зиму вот в Петербурге прожили, а на лето к морю поедem, в летних театрах комедии играть.

– И ты играть в комедии будешь?

– А как же без меня? Почитай, половина пьес для меня и для маман написана! Мы – актрисы ведущие! – сообщила Мадя, явно рисуясь перед новой знакомой. – Если нет меня, то все спектакли отменяются! Мы когда прошлым летом по Крыму гастролировали, то папаша меня в Ливадии на вокзале забыл! Ну, приехали они в театр, уже в Массандре – глядь, а меня-то и нету! Так все спектакли отменили и катер нанимать пришлось папаше, чтобы срочным образом меня к следующему вечеру привезти.

Рассказывая эту историю, Мадя беззаботно хохотала, а Нюта только цепенела и млела от такой беспечной удалы. Вот если б с ней такое приключилось! Да она бы тотчас со страху умерла!

– И ты не испугалась? Одна, в чужом городе???

– Поначалу немножко, конечно, испугалась, – подумав, призналась Магдалина. – Но потом вспомнила! Выручку-то всю с Ливадии папаша в мою куклу зашил! А значит, скоро хватится меня и искать поедет! Поэтому я спокойненько пошла в вокзал и стала лимонад шипучий пить и мороженое есть. Полдня там просидела, все роли повторила, а к вечеру – слышу – двери вокзальные хлопают, суэта какая-то, беготня и папаша страшным голосом, как в спектакле про Отелло, кричит: «Признавайтесь, сатрапы, кто дочь мою родную выкрал, восходящую жемчужину Императорского театра!» Императорского! Умора, да и только! Ну, я и вышла к нему, чтобы он весь вокзал не разнес, ни за что же не признается, что сам виноват.

Нюта слушала как зачарованная. Все это абсолютно не походило на жизнь человеческую в Нютином представлении. Забыл дочку на вокзале! Как такое вообще может быть???

– Да как же такое вообще могло случиться? – не выдержала она. – А маменька твоя тоже не заметила, что нету тебя в поезде?

– Маман в это время платье новое мерила, к премьере. В нее портниха сто булавок воткнула – куда ж ей за мною-то смотреть! Остальные сундуки да костюмы спешно грузили, а папаша... – тут Мадя замаялась, но ненадолго. – Выпил он, понимаешь... ну, лишнего выпил. Когда в Ливадии спектакль

последний отыграли, а все наши вечера с аншлагами прошли, директор театра с папашей так расчувствовались, что никак из буфета выйти не могли. Сами шампанское пьют и друг другу: «Вы лучший в Империи режиссер!» «А у вас лучший в Крыму театр!» Потом новую бутылку откроют и опять давай друг друга нахваливать. Досидели до того, что к поезду стали опаздывать, так что все бегом да кувырком, а извозчика пришлось просить, чтоб папашу на себе до поезда доволол и в вагон погрузил.

– А ты-то что ж в поезд не села? – не успокаивалась Нюта.

– А я на шляпки загляделась, – беспечно заявила Магдалина. – У вокзала французский магазин был с новыми модами. Дай, думаю, посмотрю, пока вещи выгружают. А потом, когда оглянулась, – уже наших никого не было. Когда вырасту, из Франции шляпку такую себе выпишу, с вуалью и белыми перьями.

В этот момент дверь неожиданно распахнулась и домоуправитель Томиных Пал Иваныч явился на пороге. Нюта только и успела юркнуть за тяжелую портьеру и тряслась там мелкой дрожью: видно, ее хватились и ищут по всему дому! То-то будет скандал! Но криков почему-то не последовало. А просто подошел Петр Ильич к сидящим за столом, пошептался о чем-то с представительным мужчиной, обладателем крупной породистой головы, получил от того утвердительный кивок на свои речи и застыл у дверей в ожидании чего-то.

– Встань, Магдалина Дали! – раздался мужской звучный, уверенный голос. – Ступай с Павлом Ивановичем к их высочествам. Видеть тебя желают. Так порадуй их своим великим искусством.

А Мадя-то! Вот уж воистину – актриса! Сидела как ни в чем не бывало – глазки долу, а услышав эти слова, чинно встала и направилась к двери, покачивая ангельскими крыльями. И ни словом, ни жестом Нюточку не выдала, вот молодец!

Выждав немного, Нюта выглянула из своего укрытия. Артисты продолжали болтать и смеяться, слышался звон бокалов и веселый перестук ножей и вилок. Нюта на цыпочках юркнула к двери, с замиранием сердца отворила ее и выскочила в коридор – на самый свой страх и риск. Однако же, видно, день сегодня был везучий: обратный путь не чинил препятствий, и, пролетев пулей все коридоры, Нюточка тихонечко прошмыгнула обратно в бальную залу.

А тут стоял такой шум, суета и веселье, что смешаться с ребячьей толпой не составило труда. Чуть отдышавшись от пробежки, Нюта стала высматривать, куда же делась Магдалина. И увидела: Мадя в своем костюме ангелочка стояла в центре залы, вокруг нее крутились нарядные и раскрасневшиеся от игр ребятишки, а перед ними, непрерывно тараторя по-французски, суетился юркий черноусый господин. Наконец он пристроил невиданный ящик на трех длинных ногах, накрыл его зачем-то черной тряпкой и встал, явно чего-то выжидая. Нюточка завертела головой, желая у кого-нибудь спросить, что же это будет – неужто фокусы, как вдруг услышала болтовню старшей дочери Томиных, красавицы Лизаньки, и ее закадычной подруги Ольги Штольц.

– А маменька-то что сказала?

– Да что маменька! Засмеялась только и говорит: «Вольно ж сыну моему в день ангела делать все, что захочется!» И дальше танцевать пошла – у нее все вальсы расписаны, разговаривать ей недосуг.

- А гранд-маман теперь что сделает?
- Недели две с маменькой разговаривать не будет! А той этого только и нужно, дня не проходит, чтобы они не поссорились.
- Бедный папенька ваш, как же ему с ними трудно!
- Да нет! Он как из присутствия вернется, так отобедает и говорит: «Я работать, дорогие мои, должен, так что прошу не беспокоить». В кабинете запрется – только его и видели!

Ольга Штольц рассмеялась: «Ох, Лизанька, счастливые вы: все балуют и никто не строжит. У нас бы дома нипочем не разрешила маменька с артисткой на фотографическую карточку сняться!»

Ах, вот оно что! Вот тут-то Нюта все и поняла. Фотографические карточки! Не так давно, на ее собственные именины, ездили они с маменькой и папенькой на Невский проспект, в фотографическое ателье Иоганна Карловича Метте. Все утро наряжались (особенно маменька – целый час ее в карете дожидались). А когда зашли в ателье, Нюте сказали, что скоро вылетит птичка. Правда, потом оказалось, что птички не будет, а только искры вспыхнули с шипением так, что Нюта вздрогнула, испугавшись, но все равно ей понравилось: и белая с позолотой мебель, и бархатные занавеси, и сам Иоганн Карлович, колдовавший под черной тряпкой в огромном деревянном полированном ящике. А карточка эта в рамке сейчас на стене в гостиной висит.

А недавно приезжал маменькин младший брат – молодой дядя Буша. Он очень умный, в круглых блестящих очках и все-все знает. И рассказывал, что самая новая мода – это приглашать фотографического мастера на балы, дабы запечатлеть все празднество целиком. Маменька тогда удивлялась: как такой большой аппарат привезти? а дядя Буша сказал: «Большой и не нужен, потому как теперь есть размер «пти», специально для вояжей».

Вот, значит, что! Вечером беды не миновать. Маменька до ночи в обморок падать будет и плакать, потому что опять у Томиных новшество самое модное, а папенька – извиняться и утешать.

А тем временем Дарьюшка привела абсолютно счастливого Илюшу, смотревшего на Мадю неотрывно и с таким обожанием, что Нюта даже обиделась: недавно, на осеннем балу, они тайно покаялись друг другу в вечной верности! Маленький Мишенька бежал за ними, явно что-то канюча и ни слушая никаких возражений. После недолгих пререканий между братьями (победа явно осталась за младшим), Дарьюшка подвела обоих к Магдалине, и они чинно встали по обе ее руки, а точнее – по оба крыла, ровно перед черноусым французом, который колдовал в своем аппарате, не умолкая ни на минуту. Шипение, треск, фейерверк искр – и блики озаряют бледное личико Мади и совершенно счастливые мордочки братцев Томиных.

И тут Нюточка не выдержала. Она ринулась к черноусому и, присев вежливом реверансе, быстро проговорила по-французски: «Месье, сделайте мне тоже, пожалуйста, фотографическую карточку с ангелом». И, мгновенно оттеснив кузенов Томиных, она встала рядом с Мадей, молясь, чтобы француз полыхнул своим огоньком до того, как опомнится маменька и велит няне Коре немедленно оттащить непослушную дочь от аппарата. Шипение, треск, искры – и в дыму улыбающееся лицо черноусого произнесло: «Фотокарточки для мадмуазель будут доставлены на дом».

А дальше произошло то, чего и следовало Нюте ожидать. Няня Корина, вся бледная, подошла и сказала, что они срочно вынуждены уехать домой.

Маменьке неожиданно стало дурно, да настолько, что ей немедля надлежит лечь в постель.

* * *

Медленно тянется чинный семейный обед. Маменька упорно соблюдает этикет даже в самых не подходящих для этого условиях. В путешествиях, на даче, где бы то ни было – всегда и всюду – полная сервировка, серебро и хрусталь, свежие розы, крахмальные салфетки с вышитыми гладью вензелями-монограммами, причудливо вплетенными в узор заглавными «К». Нюта, которой положено в это время играть у себя и не мешать взрослым, тихонечко прокрадывается в коридор и занимает позицию в темной нише на огромном старинном резном дубовом сундуке. Очень удобное место: с одной стороны, слышно, что взрослые говорят в столовой (да, да, подслушивать, конечно, нехорошо, но в последнее время такое кругом творится, что можно умереть от любопытства и неведения!). А с другой стороны, всегда успеешь юркнуть в соседний коридорчик, ведущий в детскую, ежели кто из прислуги направится из кухни в столовую. Но, скорее всего, не пойдет никто. Самое надежное время – это когда супницу уже унесли, а до кофию еще дело не дошло. Маменька с папенькой будут как всегда долго спорить, все в доме знают, что входить в это время в столовую – наживать лишние неприятности, все одно маменька потом отругает за то, что разговору помешали. А посему, как горничная горячее подаст, так вся прислуга на кухне собирается – посудачить о своем, и точно полчаса никто оттуда и носа не покажет. А уж потом забегают с кофием, сливками, пирожными и кексами. Маменька после споров обычно не в духе, так что раз пять блюда обратно отошлет: то нужно подогреть, то остудить или еще что-нибудь.

Сегодня разговор у взрослых и вовсе неожиданный и странный.

Маменька: – Искать нужно фамилию из прервавшегося рода, но непременно дворянскую, и чтобы не было сомнений в том, что семья исконно русская.

Папенька: – Шшш... Тише, дорогая, прислуге об этом знать нет необходимости!

Маменька (раздражаясь и повышая голос): – Господи, ну за что мне все это! Почему я не вышла за графа Томина! Вы разбили мое сердце, Николая, украли мою молодость и ничего, кроме попреков, я от вас не вижу! А теперь еще и жизнь моя под угрозой, по вашей милости!

Папенька: – Но дорогая! Кто же знал! Кто же мог знать! Ведь всегда в фаворе были уроженцы немецких земель при Российском дворе! И карьера моя была бы неминуемой, если бы не война и народные волнения!

Маменька: – Нас растерзают, расстреляют, ограбят! Теперь, когда иностранцев так ненавидят!

Ее голос прерывается судорожными всхлипываниями.

Затем – тишина. Только чинно звякают серебряные вилки и ножи о края драгоценных севрских фарфоровых тарелок.

Екатерина Муртузалиева (Россия – Дагестан)

Родилась в городе Веймар (ГДР) в 1970 году. Живёт в городе Каспийске (Дагестан, Россия). Закончила филологический факультет и аспирантуру ДГУ. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ДГУ. Пишет стихи и прозу. Печаталась в сборнике стихов «Лепестки ромашки» (2008), в журнале «Лит-э-лит» (2010, 2011), в альманахе «Под небом единым» (2009, 2010, 2011), в журнале «Лава» (Харьков, Украина, 2011). Заместитель главного редактора журнала «Лит-э-лит» и сайта «Арт-э-лит»; член литературной ассоциации «Тайвас».

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДОВАЯ ЛИРИКА КАВКАЗА

Памяти Александра Фёдоровича Назаревича

Песня... Она сопровождает нас на протяжении всей нашей жизни и начинается с колыбельной, которая звучит над кроваткой младенца... Песня стала неотъемлемой частью национальной традиции: ритуалов, праздников, обычаев, частью народного уклада жизни... Так было испокон веков... Так было, когда ещё не существовало письменности и литературы. Фольклор, устное народное творчество в самых разных жанровых формах отражали душу народа, его самосознание. Но с каждым днём мы всё дальше и дальше уходим от своих обычаев и традиций, а ведь Расул Гамзатов в «Моём Дагестане» предупреждал нас: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки»...

А мы не только не знаем сегодня всех обычаев и ритуалов, но и лишаем себя драгоценных минут общения с нашими бабушками и дедушками, не знаем своего родового древа и только со временем, теряя родных и близких, начинаем понимать цену родовой памяти, традиций семьи (тухума). Проще всего сказать – «меняется ритм жизни, приоритеты», но стоит ли удивляться потом тому, что исчезают языки малочисленных народов, а их история уходит в прошлое, народы ассимилируются, теряют свою национальную аутентичность?

В рамках моего проекта, посвящённого свадебным традициям Дагестана, мне хочется рассказать вам, мои читатели, о свадебной обрядовой

лирике двух народов моего края – русских казаков и кумыков, – ведь песни, частушки были неотъемлемой частью этих традиций. Но прежде всего мне хотелось бы выразить признательность кандидату филологических наук Айханум Абдулатиповой, оказавшей мне помощь в подборе материала, связанного с кумыкским фольклором и сделавшей переводы-подстрочники песен и частушек; Заире Базиевой и в целом НИИ филологии и журналистики, функционирующему на базе филологического факультета ДГУ, его руководителю и декану факультета – доктору филологических наук, профессору Шабану Абдулкадырвичу Мазанаеву.

Не могу не рассказать о славной истории НИИ филологии и журналистики, преобразованного из студенческого научно-исследовательского института фольклора и литературы (НИИФЛИ), единственного в нашей стране студенческого научно-исследовательского института, созданного в 1962 году заслуженным деятелем науки Дагестана, членом союза писателей Дагестана и РСФСР Александром Фёдоровичем Назаревичем (позже институту было присвоено имя его создателя). В истории института – выпущенный печатный сборник «Детский фольклор Дагестана», более миллиона записей песен, сказок, легенд, загадок; написанные и защищённые диссертационные работы (12 кандидатских и 1 докторская). Уже к двадцатилетнему юбилею института насчитывалось 17 научно-этнографических студенческих экспедиций в казачьи станицы Дагестана и Чечни, в другие районы нашей республики.

Фонды института сегодня – поистине сокровищница казачьего и дагестанского фольклора, и сложно передать чувства, охватывавшие меня, когда я брала в руки папки дел с отчётами и материалами фольклорных этнографических экспедиций 60-х – 70-х годов минувшего века, читала записи песен и как будто бы слышала голоса из прошлого, голоса женщин, родившихся в самом начале XX века, проживших трудную и длинную жизнь... Рассказавших о себе ещё тогда, когда меня и на свете не было...

В июле 1974 года состоялась экспедиция в станицу Старогладковскую (ЧИАССР), в ходе которой студенты второго курса русского отделения филологического факультета ДГУ познакомились с Фёклой Родионовной Зеленской, 1913 года рождения, коренной казачкой родом с Дона. Её прадед, дворянин Кузьма Гурьев, участвовал в Кавказской войне, за что царём ему были пожалованы земли на Кизлярщине. Впоследствии род Гурьевых обеднел. Отец Феклы Родионовны участвовал в Первой мировой войне, после революции был назначен начальником отряда самообороны в Дубовской; бандиты дважды устраивали покушения на него. Когда Фёкле исполнилось 18 лет, её отдали замуж за станичного казака Андрея Зеленского. Муж после Великой Отечественной войны в семью не вернулся, бросив жену с пятью детьми. Фёкла проработала в колхозе 38 лет, воспитала одна двух дочерей и трех сыновей. Любила читать, а ведь проучилась в школе всего 3 месяца! Была авторитетным человеком в станице. Фёкла Родионовна рассказала о свадебном обряде, бытовавшем в их станице.

Свадебный обряд начинается с вечеринки, куда приносят три ведра. В одном ведре – вино, в другом – солянка, в третьем – пирог. Родственники жениха угощают родственников невесты. Поётся песня.

<i>Перепёлка молодая, (2 раза)</i>	<i>Одну ночь ночевати, (2 раза)</i>
<i>Лю-ли, лю-ли, молодая.</i>	<i>Лю-ли, лю-ли, и ночевати,</i>
<i>Вкруг тепла летала,</i>	<i>С подружками говорити, (2 раза)</i>
<i>Лю-ли, лю-ли, летала,</i>	<i>Лю-ли, лю-ли, говорити</i>
<i>А набила-пробивала,</i>	<i>И её всю не спати, (2 раза)</i>
<i>Лю-ли, лю-ли, пробивала.</i>	<i>Лю-ли, лю-ли, не спати.</i>
<i>Золоты крыльцы-перильцы,</i>	<i>Кавалер мой чернобровый, (2 раза)</i>
<i>Лю-ли, лю-ли, перильцы.</i>	<i>Лю-ли, лю-ли, чернобровый,</i>
<i>Родного батюшку будили</i>	<i>Не садися против меня, (2 раза)</i>
<i>Лю-ли, лю-ли, будили.</i>	<i>Лю-ли, лю-ли, против меня,</i>
<i>«Уж ты встань ты и проснися,</i>	<i>Люди скажут, любишь меня, (2 раза)</i>
<i>Родной ты батюшка, родимый,</i>	<i>Лю-ли, лю-ли, любишь меня.</i>
<i>Лю-ли, лю-ли, родимый,</i>	<i>Если любишь, так люби же, (2 раза)</i>
<i>Родной ты батюшка, родимый,</i>	<i>Лю-ли, лю-ли, люби же!</i>
<i>Лю-ли, лю-ли, родимый.</i>	<i>А не любишь – откажися, (2 раза)</i>
<i>Мне не годик годовати, (2 раза)</i>	<i>Лю-ли, лю-ли, откажися.</i>
<i>Лю-ли, лю-ли, годовати,</i>	

* * *

*Лесом, лесом лебединым
Рано, рано душу мою
Выбегало стадо коней,
Как из лесу выбегало рано, рано,
Выбегало душу мою.
Как из леса выбегала утром ранним,
Что Ивана конёк вперед бежит Семёныча,
Ещё его конь вперед бежит
Рано, рано,
Еще чей выбегает конь рано, рано,
Из чего конь выбегает, душа моя,
Из плёточки, из винтовочки рано-рано,
Из плёточки, из винтовочки, душа моя,
Из девушки Марышки-души
Рано, рано,
Из девушки Гавриловны, душа моя.*

На следующий день подруги и очень близкая родственница одевают невесту и сажают за стол, поют песню. С ней сидит подружка.

*Да налетели серы гуси через сад,
Да ведь кликали Катерину на посад.
Щеголёчек, щеголёчек, вот щегольник
Иван Семёныч,
Вай, лю-ли, лю-ли,
Белая, хорошая Катерина Ивановна.*

Приезжает жених, ему поют песню:

*Ой, налетели, ой, налетели,
Ой, полетели, ой, полетели...
Ой, все гусары, ой, все гусары.
Все гусары из походу идут...
Ой, маво* дружка, ой, маво дружка
Во колясочке везут...*

Затем выкупают невесту. С невестой рядом сидит мальчик, который требует выкуп. Его спрашивают: «Сколько за место?» – и поют:

*Сел брат на колесницу,
Продаёт сестрицу
За рубль, за полтницу,
За золотой гривень.
Просит за сестрицу
Червоного князя
Со храбрым поездом.
Продал брат сестрицу за дары. (2 раза)*

Жених садится рядом с невестой. Женщины-свахи спрашивают, можно ли повеличать жениха и невесту. Затем выводят невесту и поют песню:

*Оглянися, мати, оглянися, мати,
На свою на хату.
Твоя хата без мила дитяти.
В садике, в садике да в неволе
Да, вай, лю-ли, лю-ли,
Зеленый, вай, виноградик.
Там стояли во саду яблоньки,
Да, вай, лю-ли, лю-ли, яблоньки,
Да на яблоньке да два яблочка,
Яблочка да яблочка два садовых, (2 раза)
Два садовых, два медовых.
Медовых да по блюдечку катают (2 раза)
Да ровно сахар рассыпают.
Ровно сахар, ровно слёзный мёд
Как на первое яблочко
Алексей, душа Михайлович,
Вай, лю-ли, лю-ли, (2 раза)
На вись на второе яблоко
Ксения Николаевна.*

Когда провожают жениха – поют:

*Селезень, мой селезень,
Селезенёчек молодой,
Ой, почто ты, мой селезенёчек,*

---

* Маво – моего. Простореч. Прим. автора.

*Невесёленький сидишь,
Сидишь, вай, сидишь?..
А как же мне, селезню,
Весёлому мне бытиш? (2 раза)
Поутру ранёшенько
Утица со мной была,
По вечер со мной позднёшенько
Утица прострелена.
Что ж ты, мой молодой,
Невесёленький сидишь?
А как же мне, молодцу,
Весёлому быть?
Мне быть, по утрам ранёшенько
Девца со мной была,
По вечер со мной позднёшенько
Девка просватана.
Вот просватана бы девка за меня,
Но жалко просватали за злодея моего.*

Невесту привезли к жениху. Её встречают отец и мать жениха. Отец с хлебом и солью, а мать – с иконой. Молодые целуют отца и мать, затем их заводят в комнату, где стоит стол, а на столе – курица, пирог и вино. Жених с невестой должны отведать угощения. Два дружка идут за невестиными гостями и приводят их в дом. Все поют песню:

*Ой, по двору широкому, ой, люли,
Там хороши девушки шутили,
Вокруг этих девиц
Удал добрый молодец,
Удал добрый молодец Николаевич.
Уж он пишет грамоту,
По белому бархату.
Отсылают грамоту к родимому батюшке.
Родимый мой, батюшка,
Жениться мне хочется.
Женись, моё чадушко.
Возьми себе девицу,
Ближнюю соседушку,
Ближнюю соседушку, Марию Степановну.
Вот она работница,
Вот она помощница.
У нас на дворе,
На широком дворе
Выросла травушка шёлковая,
Да ходит по травушке
Сизый павлин,
Да сизый павлин Михаил,
Да сизая павлинушка Марина...*

* * *

*Выйду за ворота да я выйду,
Ой, где лужонки зелёные, (2 раза)
Ой, ночью милой порою,
Ой, и не идёт ли мой миленький...*

*Да ночью порою
За чужой шельмою, ой, женою,
Да и чем она краше,
Чем же чужа жена лучше?
Или личиком краше беленьким
Или бровью черней?*

На вечеринке поют ещё одну песню:

*Не спала, не спала
Млада, не дремала.
Ничего во сне не видала,
Ничего не видала.
Только видела одну девку,
Полонянку девку-дворянку.
На восточной была сторонке.
Подымались буйны ветры с вихорами.
С вихорами, с вихорами со младами.*

*Со тюрем верхи посорвали,
Посорвали во быстру речку побросали,
Побросали, быстро речка уносила,
Ко белому шатру приносила,*

*У белого шатра злой татарин,
Злой татарин, злой татарин-басурманин.
Перед ним стоит красна девка,
Она плачет всё, да рыдает.
Злой татарин унимает,
Всё унимает, злой татарин унимает:
Не плачь, девка, не плачь красна,
Я куплю тебе шубу,
Обложу её парчою,
А парчою не простою,
А парчою золотою...*

Редко свадебные песни были весёлыми и шутливыми. Обычно они как будто предупреждали молодую жену о трудностях, горестях и бедах, стремились уберечь от иллюзий и разочарований. Так, в одной из песен пелось о невесте-сиротинушке, а её брату предлагалось отправиться на церковную колокольню, чтобы звоном поднять из-под гробовой доски батюшку, матушку и они бы благословили свою дочь...

Во время экспедиции 1963 года Анна Абрамова, 1913 года рождения, исполнила студентам две песни:

*Говорила Манечка,
Что замуж не пойду,
Посеяла василёчков
В зелёном саду.
Растить, растить василёчки,
Буду поливати...
Полюбила Ванечку,
Буду целовати.*

Эту песню поют подружки невесты при свадебном обряде, когда невеста ходит приглашать на свадьбу. Она идёт впереди со старшей подружкой, остальные идут рядами. Невеста говорит: «Приглашали папа и мама, и я зову ко мне вечером на свадьбу».

ШУТОЧНАЯ СВАДЕБНАЯ

*Прыгнула коза с печи,
Да й боярам на плечи,
Да й бояре попугалися,
Да й в солому поховалися*
И выглядят из соломы,
Как мыши из половы.
Старший боярин горбатый,
До стенки припятый,
Гвоздиком прибитый,
На девок сердитый...*

Свадебная старинная песня гребенских казаков (ст. Курдюмовская, ЧИАССР), экспедиция 1971 года, записано от Самсоновой А.А., 1902 года рождения

*Уж ты пташечка, пташечка,
Пташечка вольная,
Вольная пташечка-перепёлочка,
Сине море перелётывала,
Частёшенько перепархивала,
Среди моря на камушке
Она слушала песенки.
По красе девушка плакала
По заре.
Ты краса моя, красотишка,
Красота моя девичья,
Ты кому краса достанешься?
Доставалася красотишка девичья
Мужу старому, ревнивому.
Не пуцает муж на улицу гулять,*

---

* Поховалися – спрятались. Прим. автора.

*Хотя пустит, сам в окошечко глядит:
Не стоит ли молодая жена с кем,
Не говорит ли да про старого?
Уж ты старый, старый муж,
Погубитель ты мой,
Погубил мою головушку.
Погубитель, не любитель ты мой
Погубил мою головушку,
Всю девичью красотушку...
Красота с лица скаталася,
Чёрной грязью замаралася,
Чёрной грязью самородною землей
Да за что это за милья за такой (2 раза)
Да сердца за душечкой его
Часто ходит мимо моего двора,
Мимо моего высокого терема.
Показалася походочка твоя,
Походочка безнастненькая,
Разговоры твои, ласковы слова,
Ты комочка, комочка моя,
Крупнатошка моя...
Не давайте развертываться,
Ни атласу и ни бархату,
Ни тому сыну казачьему...
Вон казачий сын волоюшку берёт,
Вон Авдотьюшку за рученьку берёт,
Вон берёт её за правенькую,
За колечушку серебряную.*

СВАДЕБНАЯ ВЕЛИЧАЛЬНАЯ

1974 год, (станция Дубовская, ЧИАССР)

*По полю травка стелется,
Молодой Коля женится...
Ой, ли, ой, люли, ой, люли,
Молодой Коля женится,
Молодую себе Зиночку берет,
Молодую да хорошенькую,
Белоличку, чернобровенькую,
Ой, ли, ой, люли, ой, люли,
Белоличку, чернобровенькую.
А у Коли только думушка одна,
Чтобы Зина его жёнушкой была.
Ой, ли, ой, люли, ой, люли,
Чтобы Зина его жёнушкой была.
Да не по морю,*

*Не по морю, морю синему,
Там плыла лебедь с лебедяточками,
Там плыла лебедь с лебедяточками,
Дитяточками, да с малыми,
Ой, с малыми со дитяточками.
Да отколь взялся, да отколь взялся
Тай орел, тай ушиб, убил,
Он ушиб, убил лебедь белую,
Белую, тай он пух пустил.
Ой, по морю, да тай пошли девки,
Пошли девки белый пух собирать,
Пошли девки белый пух собирать
Самойловне на подушечки,
Самойловне на пуховые...*

(Продолжение следует)

Наталья Крофтс

Родилась в Херсоне (Украина), окончила МГУ им. Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия) по специальности классическая филология.

Автор двух поэтических сборников, «Осколки» и «На маскараде душ». Стихи, рассказы и переводы публиковались в русскоязычной периодике и коллективных сборниках (в журналах «Юность», «День и ночь», «Слово/Word», «Австралийская мозаика» и др.). Стихи на английском опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях («Speaking of Love», «The Colour of War», etc).

Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе – «Согласование времён», «Золотое перо Руси», «Цветавская осень», «Музыка слова», «Музыка перевода-II», турнира переводчиков «Пушкин в Британии».

Живёт в г. Сидней, Австралия.

НОЧНОЕ СВИДАНИЕ

Похоже, Юльку он привёл сюда целоваться. Место было пустынное, романтичное: на плоском листе искусственной гавани жёлтыми ёлочками лежали огоньки от обступивших её небоскрёбов. Тускло поблёскивали ещё тёплые перила набережной, за ними, чуть снизу, чернела вода. Жара спадала, угоняемая ленивым ветерком Персидского залива.

Но, с другой стороны, может, кавалер хотел просто погулять: мест для прогулок здесь немного, да и трудно найти хорошую компанию, чтобы согласилась и просуществовать полчаса без кондиционера, и передвигаться без машины. К тому же, как известно, безлюдность безлюдностью, а всё-таки целоваться посреди Дубая – дело рискованное. Романтиков, нарушающих местные законы, случалось, отвозили в кутузку.

На эти законы все жаловались. Ни тебе начала бурных романов в кафе и ресторанах, ни тебе возможности заранее прощупать предлагаемый «товар» до решающего момента. Так что убить вечер в случайной компании здесь не позволял местный колорит. А Юлька – наверное, дура всё-таки – была рада. Гулять можно было без опасений, к стенке тебя никто не припирал, и всегда было время не спеша оценить ситуацию. Ведь бывает же, попадётся отличный материал и можно из него вылепить друга на всю жизнь, а глупость какая-

нибудь в самом начале всю картину смажет, и – адию потенциальный верный друг. Или – ещё хуже: какой-нибудь хмырь живёхонько окрутит, а потом сама же жалеешь, и неловко перед в общем-то порядочным отражением в зеркале. Ну а благодаря этим самым местным законам, Юлька наслаждалась «свободным плаванием».

Вот и этот, «Дон Жуан», собеседником был неплохим. Весёлым. Неглупым. Об общих знакомых говорил очень наблюдательно, поругивал Дубай, его скуку и одиночество.

«Дона», конечно, Юлька мысленно добавила, а имя – это ему уж от любящих родителей досталось, рядовое в общем-то имя. Но кличку он пока оправдывал, так как за девушкой ухаживал со знанием дела. Сначала привёл в уютный и неброский тайский ресторанчик, тем более понравившийся, что в этом блестящем царстве позолоты такие места – редкость. Потом повёз потанцевать в клуб, деликатно пригласив ещё пару приятелей. И хотя танцевал только с Юлькой, других дам не приглашая, но напряжения не было: мол, мы здесь в компании, все свои, все друзья.

Но была и заковырка. Ещё при знакомстве «Дон Жуан» честно сказал Юльке, что у него есть невеста и через год будет свадьба. И хоть невеста, она там, в Испании, да и потом «невеста» – это ещё не жена и мать троих детей, а всё-таки горячку пороть не стоило. Да Юлька и не порола: неспешно присматривалась к новому знакомцу.

И сейчас, когда он оперся о перила и наблюдал за стройкой, кипевшей при ночной прохладе на противоположном берегу, Юлька искоса поглядывала на кавалера, пытаясь определить, что же всё-таки за фрукт этот «Дон Жуан». Фрукт повернулся к стоящей рядом Юльке, ласково улыбнулся и медленно провёл пальцем по её предплечью.

– Вечер добрый, – произнёс рядом тихий голос.

«Дон Жуан» чуть отпрянул от дамы и повернулся к говорящему. На пустой набережной стоял невысокий индус средних лет. Сандалии на босу ногу, пижамного вида сероватые штаны, светлая рубашка, в руках – целлофановый пакетик.

– А я тоже люблю это место, – сказал нежданный гость, чуть покачивая головой и тихонько улыбаясь в усы.

– Да, красиво, – вежливо откликнулся «Дон».

Индус протянул руку и представился каким-то сложным именем, которое Юлька тут же забыла.

– Жуан, – сказал испанец, отвечая на пожатие.

– Юлия, – представилась его спутница, первой протянув руку. Женскую руку индус взял осторожно-почтительно и пожал почти незаметно.

Довольный знакомством, пришелец неожиданно ввинтился в небольшое пространство между Юлей и Жуаном, благо атлетичностью телосложения он не отличался. Они постояли молча, глядя на чернильную воду и разноцветные огоньки. Новый знакомый, казалось, был полностью умиротворён и ничего большего от этой жизни не желал. Так они и замерли, как на фото, на пустынной набережной Марины Дубая.

Наконец Жуан заёрзал, метнул на Юльку иронично-недоумевающий взгляд, и похоже, собирался, деликатно откланявшись, увести даму от этого материализовавшегося ниоткуда «третьего-лишнего». Но индус уловил движение и сказал, как будто продолжая прерванный разговор:

– Вы знаете, я даже фотографирую это место, – и неожиданно добавил: – Хотите посмотреть?

«Дон» медленно кивнул, почти скрыв полное отсутствие энтузиазма.

Из целлофанового пакета появилась целая пачка фотографий, перекочевала из рук индуса в руки испанца. Жуан посмотрел на первое фото, передал Юлии.

Вечер на фото был очень похож на сегодняшний: тёмный задник с огоньками, ненатурально-белые от вспышки перила... Действительно, место было то же. В кадре был сам индус, а рядом с ним стояла пухленькая дама средних лет, в спортивном костюме и с холёной москской на поводке. Таких в Марине было множество: и мосек, и европейского вида дам, убивающих время, пока супруг зарабатывает копеечку где-то у себя в офисе.

– А это? – спросила Юлька, осторожно указывая на даму. Индус был явно «разнорабочим», так что дама вполне могла быть хозяйкой в доме, куда он понарядился мыть и пылесосить.

– Мой друг, – закивал индус.

Ну «друг» так «друг», удобный в общем-то ответ. Ни к чему не обязывает.

Жуан передал Юльке второе фото, глянул на третье, и его брови поползли вверх. Он поймал Юлькин взгляд, и вид у «Дона» был недоверчиво-смешливый, как будто ему вдруг стало что-то ясно, но он ещё не мог убедить себя в собственной догадке.

Второе фото отличалось от первого только одним: составом персонажей. Рядом с индусом стоял какой-то высокий улыбчивый парень, на вид не то американец, не то австралиец.

Юлька уже без слов вопросительно взглянула на пришельца.

– Тоже друг, – подтвердил индус.

На других фотографиях «на том же месте в тот же час» улыбались – кто залихватски, кто смущённо – десятки разномастных лиц, от табунка хрупких корейцев до раздобревших седых американских пар, от грудастых африканских женщин до тощих альбиносов-северян. И рядом с ними на каждом фото стоял неприметный, как призрак, маленький человек в дешёвых сандалиях на босу ногу.

В молчании они долистали пухлую пачку. Юлия, смотревшая фото последней, с полупоклоном отдала владельцу его драгоценную коллекцию.

– Спасибо, – выдавила она из себя, внимательней вглядываясь в это лицо.

– Жалко, что у меня сейчас камеры нет, – покачал головой странный знакомый. – Я бы очень хотел с вами тоже сфотографироваться.

– Ну, ничего, – утешила его Юлька. – Вы же часто здесь бываете, и мы тоже, так что как-нибудь ещё сфотографируемся.

Индус с улыбкой покивал, не то соглашаясь, не то по привычке.

– Вы извините, нам пора: поздно уже, – наконец решился «Дон Жуан».

Они простились и медленно пошли по набережной. Оглянувшись, Юля увидела неподвижную тощую фигурку в неприметно-серых одеждах. Призрак стоял, опершись на серебристые перила, и смотрел на огоньки в воде. В руке он всё ещё сжимал своё главное богатство – пачку «друзей».

– Вот это да, – выдохнула Юлька после долгого молчания.

– А что, в общем-то он ничем не отличается от нас, – сказал Жуан. – Каждый борется с одиночеством, как может. Считаю, что это у него портативный счёт какого-нибудь «Фейсбука», куда тысячи одиноких людей

записывают сотни абсолютно ненужных им чужаков. Зато откроешь – сердце радуется: у тебя, оказывается, 699 друзей. Вот и его греет та стопочка фотографий.

Жуан обнял Юльку за плечи, и они пошли дальше, две фигурки в непролазной гуще духоты и ещё чего-то, невидимого, но отчётливо различного. Одиночество.

Оно висело над Дубаем, как душное облако песчаного бурана.

Оно заполняло людьми бары, и каждый в толпе, поцеживая напиток, чуть подёргиваясь под музыку, вертел головой, как будто постоянно ожидая: вот-вот, сейчас, ещё чуть-чуть, ещё немножечко – и появится Тот Самый Человек. И тогда одиночество убежит, поджав хвост, расплавится в духовке дубайской ночи.

Хотя очень может быть, что в других городах оно тоже плелось по пятам, цепляя людей, как мух на булавочку. Просто в этом городе гигантоманий и чрезмерностей даже одиночество стало чрезмерным.

Утонувшую в казуистике Юльку «Дон» довёл до самых дверей подъезда и незаметно глянул: не предложит ли подняться «на кофе»? Не предложила. Напрашиваться он не стал, а троекратно расцеловав в щёки, тихо, как бы для себя, прошелестел:

– Ну, значит, не судьба.

Он пошёл по безлюдным улицам в свою пустынную квартиру, а девушка поднялась в свою, уже любимую: совсем недавно там, к Юлькиному огромному восторгу, каким-то чудом поселилась прозрачная, робкая и одинокая ящерка-геккон.

О ГЕНАХ

*На развалинах Трои лежу, недвижим,
в ожиданье последней ахейской атаки...*

Ю. Левитанский. Эволюция

На развалинах Трои лежу в ожиданье последней атаки.

Закурю папироску. Опять за душой ни гроша.

Боже правый, как тихо. И только завыли собаки

да газетный листок на просохшем ветру прошуршал.

Может, «Таймс», может, «Правда». Уже разбирать неохота.

На развалинах Трои лежу. Ожиданье. Пехота.

Где-то там Пенелопа. А может, Кассандра... А может...

Может, кто-нибудь мудрый однажды за нас подытожит,

всё запишет, поймёт – и потреплет меня по плечу.

А пока я плачу. За себя. За атаку на Трою.

За потомков моих – тех, что Трою когда-то отстроят,

и за тех, что опять её с грязью смешают, и тех,

что возьмут на себя этот страшный, чудовищный грех –

и пошлют умирать – нас. И вас... Как курёнка – на вертел.

А пока я лежу... Только воют собаки и ветер.

И молюсь – я не знаю кому – о конце этих бредней.

Чтоб атака однажды действительно стала последней.

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ ИЛИ О ГЕНАХ

Знать – судьба. Не уйти.
Губы с дрожью прошепчут: «Осанна!»
Но темнеет лицо.
И беда понесётся вразнос.
Волокуют.
Кровь на белом снегу.
Крики ужаса.
Бой барабанный.
«Нам бы крови да слёз, молодцы,
нам бы крови да слёз!»

Видно, гены у нас –
от лихого, шального смутьяна.
Что-то тихо? Вставай!
Сочинить ли со скуки донос?
Кто наврал,
что у нас благодать, мол, нужна и желанна?
Нам бы крови да слёз, молодцы,
нам бы крови да слёз!

И уютно живя
возле ласковых вод океана,
в жилах чую метель,
да пургу, да ядрёный мороз.
Бунты. Раж. Топоры.
Да на рельсы опустится Анна.
«Нам бы крови да слёз, – я шепчу. –
Нам бы крови да слёз».

* * *

Таврии, земле Херсона и Херсонеса

Черноморские дали.
Дикий храп кобылиц.
Звон отточенной стали.
Кровь.
Я падаю ниц.
И на тунике белой –
тёмно-липкий узор.
Принимай моё тело,
Херсонесский простор.
Белокаменный град мой,
смесь народов и вер,
я вернусь. Я обратно
обязательно вер...

Полонянок уводят
босиком по стерне
на чужбину, в неволю.
Крики.
Топот коней.
Уж и ноги ослабли,
не шагнуть мне, хоть вой.
Янычарские сабли –
над моей головой.
Я крещусь троекратно.
Добивай, изувер...
Я вернусь. Я обратно
обязательно вер...

Вот и всё. Докурили.
Чай допили. Пора.
Расставания, мили...
Может, это – игра?
Полсудьбы – на перроне.
Путь веревочкой свит.
И – без всяких ироний:
«Приезжай». – «Доживи».
О измученный град мой,
смесь народов и вер,
я вернусь. Я обратно
обязательно в-е-р...

АРАБЕСКА

*«Ты – моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру*

С. Есенин

На беду, на беду – не иначе –
Завилась, как змеёныш, стезя...
Я лицо под покровами прячу:
Мне любить чужеземцев нельзя.

Твой скакун набирается силы,
Скарб уложен, рубахи чисты...
Мой единственный, суженый, милый,
Я узнала тебя. Это – Ты.

По стезе, по дорожным камням
Я иду меж утёсов и скал.
Вопреки сокровенным знаменьям
Ты меня в темноте отыскал.

Вопреки вековечным устоям
Ты чадру отведёшь от лица...
Мы заплатим – слезами и стоном –
За любовь. За начало конца.

На беду, на беду – не иначе...
Ты уходишь. Приходит беда.
Под чадрую я черною плачу.
Я теряю тебя. Навсегда.

* * *

Мы подводим черту. Разумно. И вот итог.
Это бред, дорогой. Забудем. Закроем двери.
И мечту о любви, как нищенку, – за порог.
Да хранит тебя Бог – в которого ты не веришь.

ЗВОНОК ПО СКАЙПУ

За грош продашь и явь, и хладнокровье.
Зачем тебе их скучный мир, поэт?
Назад, назад, туда – в средневековье,
где «дама сердца» – лишь стихи и свет.

И светится экран – и «страсти пылки»...
А может, и не страсти. Всё равно.
Меня – шелчком, как джина из бутылки, –
за много вёрст, за много миль, за мно... –

ты вызываешь... и путём астральным –
не затеряться б! – на луче лечу...
меж миром виртуальным и реальным –
стихов и снов – и выдуманных чувств.

Сергей Ерофеевский

Родился и вырос в Ростове-на-Дону. Окончил Машиностроительный институт. Работал на заводе, затем в газете. С 2000 года живёт в Австралии, в Сиднее. пишет в разных жанрах – стихи, рассказы, пьесы.

ВЕСНА – ОСЕНЬ

Весну сменила ты на осень,
И в марте листья опадают,
Как много зим, никто не спросит,
Как мало лет, никто не знает,
И сколько звёзд в небесной чаше
Мечты роняют в сновиденья,
Они с годами станут краше,
Но и короче, к сожаленью.

НЕУЗНАВАЕМО

Неузнаваемо переменялся парк,
Где клён теряет листья-эполеты,
Под ним мы целовались невпопад,
Роняя воду с алого берета.

Неузнаваемо переменялся день,
Что был вельможно-пасмурным когда-то,
Он ныне разделён на свет и тень,
Лиловый фон и жёлтые заплаты.

Неузнаваемо переменялась ты,
Семь лёгких ветров, шевеливших чёлку,
Ушли искать сожжённые мосты,
А мы остались, крутимся без толку.

Ограда парка, красные цветы.

ОДА ДОЖДЮ**1**

Сегодня дождь, я не пойду на бал,
Тем более никто не приглашал,
И не было в округе нашей бала
Уже сто лет, в обед, и в ужин,
Один не шёл, другой не звал,
Но хлещет дождь, и мне никто не нужен.

2

Сегодня дождь, мне не в чем выйти в свет,
И незачем; размыты свет и тени,
Кидает в дрожь стихи и куст сирени;
Мой силуэт в окне сквозь рябь капли
Смакует грусть под ливня трели.

3

Сегодня дождь, не время для утех,
Расстроены корриды, карнавалы,
Пьют горькую шуты и зазывалы,
Октавой ниже – колкий женский смех,
Сманённый похотью в сивушные подвалы,
А тех, кого здесь нет,
Не рвут на части мокрых древ цимбалы
И не корёжит клавишный дуэт
Дырявых крыш и водяного шквала.

Лишь я не знал, что праздник отменён,
И, как болван, танцую под дождём.

4

Сегодня дождь, такие времена,
Улыбки спрятались под чёрными зонтами,
Не до цветов, малыш, идёт война,
Вода и ветер движутся фронтами.
На нас? Не думаю, мы за стеной,
На ту берёзу, взмокшую от страха,
На иву у реки идёт волной
Гроза, и синюю рубаху
Рвёт на груди...
Такие времена,
И я тебя слепил из винных капель,
Война, малыш, слёз горьких пелена,
А я люблюсь, как ни есть – предатель.

Нора Крук

Поэт и переводчик. Родилась в 1920 году в Харбине, с 1942 года работала журналистом в Шанхае и позже – в Гонконге. С 1976 года живёт в Австралии. Русские стихи печатались в журналах и в антологии «Русская поэзия Китая» (Москва, 2000). Автор трёх сборников английских стихов, призёр Содружества австралийских писателей (1993) и Ассоциации австралийских писательниц (2000).

* * *

В моих стихах
весь смысл как на ладони,
хотя ладонь моя
полна секретов;
все эти линии –
следы агоний
и ожиданий
роковых ответов.

* * *

Рождество... то... которое... Помнишь?
Нет.
Как же так ты не помнишь?
Всё это бред.
И пеоны? И томик стихов Тагора?
Опьянение полночного разговора?
Обещанье запомнить и день и час...
А потом...
Ты не помнишь, как свет погас?

* * *

Белые, чистые хлопья на этой панели
В грязь превращаются. Белые, чистые – в грязь.
Город жестокий украсить они не посмели,
Он ненавидит всё чистое, не таясь.

Вот он – Шанхай. Над чудовищным месивом грязи
Льется из окон высоких прикрашенный свет,
Судьбы людские без смысла, без цели, без связи
Прячут от жизни нарядные тюль и жоржет.

Климат душевный тяжёл, ограниченны дали,
Страшно, что вакуум жизни уютен и чист.
Люди и сами смертельно уютными стали,
Тянет в болото безжалостный город-садист.

* * *

На дереве этом трезвом,
    большом, узловатом, прочном,
Как сон, расцвели, как чудо,
    немыслимые цветы.
И стало дерево новым –
    нетронутым и порочным,
Раздвоенно-человечным
    и снова юным, как ты.

* * *

Зеркала... мы писали о них с придыханьем,
Их таинственный мир был прекрасен и молод.
Все обиды лечились волшебным касаньем,
Врачевала улыбка наш тайный голод...

О предательстве зеркала всем известно:
– Кто блей и румяней?
– И та, и эта...
Опасаясь, что мненье зеркал нелестно,
Не прошу у стеклянной судьи ответа.

Но порой... Проходя близ зеркал нескромных,
В голове подбирая стишок по слуху,
Я ловлю чей-то образ... Неужто маму?
Нет, не маму, а чуждую мне старуху.

Майя Шварцман

Родилась в Свердловске (ныне Екатеринбург), окончила Уральскую государственную консерваторию им. Мусоргского, скрипач. До отъезда из России в 1990 году работала в оркестре Театра оперы и балета.

Автор сборника стихов «За окраиной слов», книги прозы «Георгий и Александра», детских стихов «Кошкина азбука» и «Стихи для Саши»; русского перевода либретто оперы Гретри «Турецкая гробница» для постановки на камерной сцене (1988). Стихи публиковались с 1984 года в различных изданиях и странах. Живёт в Бельгии, работает в Симфоническом оркестре Фландрии.

* * *

Вилли Брайнину-Пассеку

Всё в Зальцбурге соль: и мельканье заснеженных лиц
прохожих, едва оживляющих обморок утра
январского, и осыпающаяся с косиц
крутых париков положительно белая пудра,

и мятые, влажные хлопья бумаги, и нот
дробинки на ней; и фермата, как пастырь над паствой,
клонясь и качаясь всей чашей, как колокол, лъёт
вибрацию света, судьбы безымянное «здравствуй»...

О, было бы легче, когда произнёс бы его
возникший из снега, покрытый крупичами кварца,
вошедший шагами гранитными тот роковой
посол, что по зову и праву традиции Schwarzmänn.

Но он затаился под маской ферматы внаём
и, жить вынуждая с напрасной оглядкой на двери,
сам рядом – везде – ежечасно – в обличье любом,
и в каждом живёт собутыльнице верным Сальери,

в глухом равнодушии к музыке лучших стихов,
в чужом языке эмиграции, в злых переулках
её Вавилонов, в густом изобилие голов,
где пусто и пыльно, как в немзыкальных шкатулках.

О, если бы мне, двойнику его, тёжке, взамен
в твой утлый проникнуть уют, где ты празднуешь ныне
свой новый январь средь надменного нищенства стен,
поэзии раб и всегда потому – именинник;

войдя – задержаться, стряхнуть возле двери в тени
кристаллы солёного снега, чтоб не уколоться,
и аркой проёма, ферматой, продлить твои дни,
воскликнув с порога, с мороза: да здравствуешь, Моцарт!

Повернувшись затылком к себе, я пишу тебе на
обороте листка с осуждением на жизнь, что веду я.
За спиной – спина.

Одиночная камера с зеркалом вместо окна
заставляет невольно собой заниматься вплотную.

На вопрос о привычке, скажу: если есть в этом плюс,
то один, нарисованный мною взамен переплёта,
но теперь тороплюсь
затереть его, ибо моё отраженье как что-то
безнадежное вычеркнул он, – вот такие заботы.

Впрочем, если моим зеркалам превратить монолог
не под силу в беседу, сиять же блестящей заплатой –
небольшой в этом прок, –
зачерню их совсем, для симметрии с дверью глазок
лишь оставив: смотри Полифемом, слепой соглядатай.

Вот теперь в темноте – разбираешь ли нынешний мой
неустойчивый почерк? Прости, я отвыкла от писем.
Это ж, левой рукой,
если зеркалу верить, написанное шлю на твой
прежний адрес, целую. Итак: Зазеркалье, Алисе.

* * *

Девочка в палевом платье,
с дымчато-длинными косами...
Время к ней женственно ластится
и не терзает вопросами.
Дни междометьями катятся,
в пыль рассыпаясь белёсыми
буквами, быстрой невнятицей,
прозою простоволосою.
Жизнь, будь ей вечно соратницей,
семь ли ей лет, трижды восемь ли, –
девочке в палевом платье,
русой свече моей осени.

* * *

За тобою, встречающим утро, как грудью шрапнель,
за тобой, уходящим из комнаты, словно из жизни,
устремляясь вослед, успевая в предсмертную шель
расставанья протиснуться выдохом, бликом от призмы,
ибо больше ничем не проникнуть в заветный полон,
раздирая засовы запекшихся кровью покоев, –
только тем, что стучится в ключицах и просится вон,
только дрожью соблазна утратить, ещё не присвоив,

только тем, что назвать не под силу ещё никому,
кроме голоса, в прах полустёртого долгою сухью,
что, царапаясь, тщится уходу вослед твоему
через мускулы воздуха и паутину удушья
выйти лазом, тесней родового прохода, на свет,
запинаясь о звуки, – туда, в освещённую рощу
безмянной души, где сиротства безмолвия нет
для познавших блаженство в раю разговоров на ощупь;

за тобою, душа, порываясь ослабшим лучом
озарить узнаванием твой бессловесный подстрочник,
домогаясь коснуться и, лишь ушибаясь лицом
о дыханье твоё, о серебряный твой позвоночник;
за тобой, уходящим из комнаты, снова в юдоль
возвращающимся, промолчавшим опять на пороге,
закрывая глаза, узнавая последнюю боль,
понимая вослед: это боги на промысле, боги...

* * *

На небе – месяц, на календаре –
сентябрь, и непорочный круг природы,
объятие сомкнув на сентябре,
им, как стеной, обвёл то время года,
в котором счастье было нам к лицу,
как будто палец впору был кольцу.

Торжественными зодчими весь год
выстраивая замыслы из лучших,
мы позабыли настоящий вход
создать, и вот, мой призрачный попутчик,
мы свой собор снаружи обошли
по щиколотку в золотой пыли.

Растерянность, прозренья пустоцвет,
сжимает горло, словно тесный ворот.
В пространстве, где для нас иллюзий нет
отныне, воздух кажется распорот,
а там, где ты, вожатый мой, вчера
ещё существовал, – сквозит дыра.

Замкнув орбиту, нас привёл разрыв
к концу, где нет ни выхода, ни входа,
туда, где честный фокус перспектив, –
а он и называется свобода,
считали мы, пока давали крюк, –
стал точкой, до которой сжался круг.

ДОЧКЕ САШЕ

Ещё росток,
ещё дичок,
ещё молочно и нескладно
звучит твой певчий голосок,
и оперенье заурядно –
непритязательный пушок...
И беспощадно
тебя гоняют тут и там
по палисадам и кустам,
отмахиваются досадно...
А ты громадный тарарам
устроить ярко и нарядно
по всем жилищам и дворам
мечтаешь жадно
и покидаешь свой шесток,
когда прохладно...
Когда в дома
придёт зима
в чаду печей и сковородок
и все закроют терема,
храня здоровье носоглоток –
вот разве позовёт корчма...
Тогда-то, слёток,
ты, оперенье отрастив,
затеешь свой речитатив
голосовых забав, щекоток.
И молодого пенья взрыв
весь перебудит околоток,
а ты порхнёшь, дразняще взмыв,
под визг молодок, –
тогда придёт твоя пора,
мой зимородок.

* * *

Водоворот, каскад, калейдоскоп.
Будильник в шесть.
Давай.
Давай скорее.
Коса. Ещё коса. Теперь сироп
от кашля, быстро.
Шарф на батарее.
Кто встретит после школы?
Как, опять?
Тогда сама. Нет, ненадолго. Что вы
как маленькие?
Взять да размешать.
Не знаю, кто доел.
Откройте новый.
Ты поздно?
Кто уложит? А бассейн?
Собрание. И завтра. И в субботу.
А ужинать? Опять на колбасе.
Нет, не могу. Мне тоже на работу.
Ремонт. Весной. Там у меня дня три.
Во вторник краску.
Мы ещё хотели
могилу подновить. Ты посмотри,
уже малы.
Им надо до апреля
всё оплатить.
Да, ласточка, куплю.
Скажите папе: снова из архива
звонили.
Если можно, к февралю.
Ты на экзамен? Химия? Счастливо.
Нам дали ноты – принтер на ходу?
Налоги, да. А если из опеки
им письма переслать?
Я отведу.
Мне всё равно потом ещё в аптеку.
Зашить коленки. Посмотреть финал:
высокая позиция, бемоли.
Покупки. Банк. Костюм на карнавал!
У них опять какой-то праздник в школе.
Соседка. Шерстяной. За полнены.
Забрать сейчас?
Оставить до полочки?

Как мы беспечны.
Как ослеплены.
Как угрожающе благополучны.

Христо Граматиков

Поэт, бард, театральный деятель. Родился в 1947 году в г. Поморие, Закончил Московский институт нефти и газа инженером по автоматизации (1970) и Бургасский технологический институт. Около 35 лет проработал на Нефтехимическом комбинате в г. Бургасе инженером и руководителем. Сейчас на пенсии. Выступал в театре нефтехимиков, руководил театральной студией. Издал несколько сборников стихов, в том числе в самиздате – переводы из Роберта Рождественского. Отмечен высокими наградами Болгарии за литературную деятельность и как автор-исполнитель.

ТЕНИ

* * *

Еще в детстве
Выучил я весь алфавит
Разлуки.

* * *

Высыхают раскрытыми
Смоковницы –
Глаза лета.

* * *

Солнечный круг
Пересекает птица
Простреленная.

* * *

Поглощает песок
Волны,
Целовавшие Итаку.

* * *

Полуночный полдень
Губит тени.
Луна огромная.

* * *

Твое присутствие
Удар кинжалом
Подкашивает ноги.

* * *

В душе моей спокойно и зелено,
Когда мне снилась ты.
И разбудили.

* * *

Почему ж я не трава?
Чтоб ты по мне ступала!
Куда ж ведет дорога эта?

* * *

Влетает птица в мой полдень,
И я вмуровываю тень ее
В мой храм.

* * *

Перекрещенные судьбы
На замолкшем евангелии кровати.
Старейшая клятва. Нежный сон.

* * *

В едино слитые! И навсегда!
Далекие миры. Вселенные...
А сколько боли остается в нас.

* * *

Лишь день без тебя –
И я себя не узнаю.
А тысячи нас ожидают. Пропасть.

* * *

Внутри я весь похож на рану.
От любви.
    День догорает. Осень.

* * *

Закрываю глаза – и бескрылая память
В моей душе алмазы роет.
На улице дождь. Когда я жил?

* * *

Раскалывает утро колокольный звон
И сердца наши, полные любовью,
Когда уходим.

Перевод Христо Граматикова

Христо Бонджолов (Болгария)

Христо Бонджолов – филолог, литературовед, славист. Родился в 1960 г. Декан филологического факультета и руководитель Международного центра болгаристики Великотырновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия. Автор пяти монографических исследований: «Текст и прототекст в романе Пастернака «Доктор Живаго»» (1993), «Номо balcanicus как ludens» (2003), «Грузинская сага» (2005), «Сны для счастья» (2010), «Славянские этюды» (2012). Соавтор «Истории южнославянских литератур» (2012). Имеет около ста научных публикаций. Его произведения посвящены известным славянским писателям, предназначены специалистам и широкой аудитории.

ХОД КОНЁМ

Символизм, который возвращается громом и молнией, закутанный лиловым и посыпанный цветом сирени, после более 100 лет глухоты, забвения, пыли и патины, делает неожиданный Ход Конём.

Преображение? Нет, это Воскресение выстрадавшей русской души, вопль против виртуального существования, против мещанства и вульгарно-материалистических капканов времени, в котором мы живём.

Бунт интеллектуалов, поднявших новое Знамя и новую Идею в походе к свету. Для тех, кто не ждет конца, не несет опустошения, не мыслит категориями катастрофы, не кидается в бездну; для тех, кто еще верит в царство красоты и видит его во сне; этот символизм – приют для души. Закрытый для жизни «вихрей враждебных», пленительно манящий и блистательный, как «*башня из слоновой кости*», отчитывающий мгновения на дороге к вечности. В нём есть что-то из далёкой Византии – лиловый отблеск императорских одежд, престол и замок «Багрянородных», дух, перенесённый в город Петра Великого, в культурную столицу России.

Это и есть ВНЕВИЗМ*.

На руинах разложения и бессмысленного круговорота материи, на неспособности полного восприятия и отражения мира, на кризисе художественных идей и художественного мышления, клановости и обмельчании литературной жизни, встаёт новое поэтическое течение, провозглашающее себя новым измерением, смотрящим в будущее, ибо стремится постичь прошлое.

ВнеВизм (от слов ВНЕ и В) внутри традиций, но и вне их, буквально – идея полноводной Невы, которая даёт жизнь реке, речи, существует в очевидно особом измерении.

ВнеВизм перенимает богатый опыт русской и мировой культуры для кристаллизации и поиска структур, примыкающих к идее красоты и к красоте идеи, неразделённости идеи и символа, замысла и образа, конкретности и безличности, синтеза и воскресения, волны и воли.

Его лирико-метафизический герой находится на границе пересотворения человека в пророка либо в другое начало, необъяснимое земными словами и постижимое лишь истинно поэтической, ангельской речью.

* Алексей Филимонов. ВнеВизм. Поэтический манифест. <http://www.proza.ru/2008/04/05/290>

Этот новый язык доступен лишь избранным.

ВнеВизм – это взгляд на мир извне.

Он вне школ, течений и творческих объединений, но никаким образом не отрицает их духовного и филологического опыта.

Он – зеркало традиций, отражающихся в нём, а также их преломления в Реке Времени. В своих отрицаниях он непримиримый сторонник тезиса, что поэзия – бессмертна.

ВнеВизм – это переплетение живого смысла и инобытия в совпадении теней звуков и букв.

ВнеВизм претворяет то, что почти недоступно земному зрению и слуху, «*рождая орган для шестого чувства*» (Н.Гумилев). Его начало – в Откровении: «*И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца*» (22:1).

ВнеВизм – попытка восстановить прерванный диалог с мировой культурой, возвращение ко многим отброшенным или забытым литературным темам, таким, как Вечная Женственность, Абсолют, границы видимого и невидимого, предел материалистического восприятия мира и идей, поиск и формирование особого «метафизического языка» (завещанного А.Пушкиным), для тех, «кто имеют ухо да услышат».

ВнеВизм – это восприятие мира, инструмент познания, возможность преодолеть узкие индивидуальные рамки предметов и осмыслить природу творческого сознания.

Понятие «Вне-В-изм» введено петербургским поэтом, переводчиком и литературоведом Алексеем Филимоновым как следующий этап после античности, ренессанса, классицизма, романтизма и модернизма: степень развития литературной мысли и попытка поднять символизм на принципиально новый уровень. Нет сомнения, что он несёт и фундаментальный в своей трансцендентальности характер, опирающийся на предшествующий опыт, источник нового опыта, он формирует его и наполняет новизной содержания:

*Не веденье, не право
звонящих укоризн,
вневизм – иная лава,
сияющая жизнь.*

Как идея и практика новой литературы, ВнеВизм задуман два десятка лет назад, однако А.Филимонов считает, что он проявился «вовсе неожиданно и мог появиться только в Петербурге, противодействуя победившему в Москве материализму»*.

ВнеВизм – это, подобный набоковскому, «ход конём», молниеносный, как «Сиреневая гроза» (заголовок сборника стихов Алексея Филимонова). Сирень является символом первого трепета любви – лирический посланец, *королевский цветок*, знак нежности, молодости и здоровья, свежести, а также знак тоски и неразделенной любви. Многие из весенних обычаев и ритуалов связаны с цветом сирени. В России сирень – символ майского и июньского раздолья, красоты, любви и нежности, а также тоски эмигранта по родине. Существует поверье, что, если во сне увидишь сирень, тебе предстоит любовное пробуждение:

*O, besame mucho,
в сирени безбрежной*

---

* <http://klauzura.ru/2011/10/aleksej-filimonov-vnevizm-%E2%80%93-eto-takoe/>

*укором не мучай,
я сон самый нежный.*

(В Вечности)

Только история упорядочивает события согласно хронологии и только она создает обманное ощущение порядка в мире людей. Природа и космос не знают хронологии, там Время – настоящий повелитель. В поэзии Алексея Филимонова горизонты становятся хрупкими, а Время уничтожило границы между Мгновением и Вечностью. В ней Бог снова триедин – Сон, Синевы и Стих. А поэт скитается по свету, всё также неутолим, непреклонен и неспокоен. Его дух ищет пристанище отдохновения, витает сегодня и завтра над Невой, поднимается на время в небо, потом переступает в иную синеву и взывает своего Бога в лунном саду:

*Христос всечасно опечален:
Он в лунатическом Саду
провидит план первоначальный
сквозь постаревшую Звезду.*

(Час скитаний)

Поэт словно атлант, на котором крепятся небеса, и легко ему подняться к Творцу, и трудно разделить всемир, как в стихотворении Блока: «*И вечный бой! Покой нам только снится...*» Этот рок им полностью владеет, многочисленные терзания часто устанавливают перед ним Мир и Зеркало. И только Слово магическим усилием завязывает в гордиев узел Иова и ангела, Реку и Книгу жизни, Пушкина, Державина и Набокова, а затем – Бога, пророка и надежду:

*И мёртвый Иисус,
Забывший и презренный,
Пошёл к тебе из уст
Прощение вселенной.*

(Равный)

Лиловый цвет – это ещё знак бегства от реальности, путь к манящему миру грёз и томления, тревожный сон, «*вечерний луч в занавесе пыли*» и некий, хоть и потускневший, след на песке. Знак того, что:

*На Севере, где тишина
провидит Слово,
Христос, вставший ото сна,
зовёт нас снова.*

(Следы канала)

Со стихов Алексея Филимонова струит музыка и «*времени невидимая нота*», звучат «*Арфы ночные / и синие струны, / и в благостьни, / и те, что подлунны*». Веет ветер в «*Небесной дол – куда им нет пути*», где «*Весь воздух – двигатель ночной, / сиренев или фиолетов, / он опрокидывает зной, / оплакивая сон предметов*». В предощущении Пробуждения «*Лишь в зеркало глядятся отраженья / там, где Фонтанки медное брожение, / и фонари пред явью взаперти*», – перед той реальностью, которую приотворяет поэтическое видение.

Это ВнеВизм.

Русский ВнеВизм поэзией Алексея Филимонова нашел пристань на варненском берегу, в переводах поэта Владимира Стоянова, которые делают нас сопричастными новому Воскресению Слова.

Анна Сохрина

Родилась и выросла в Петербурге, окончила факультет журналистики университета. В 1994 году Анна с семьей переезжает в Германию. В 1996 году выходит ее повесть «Моя эмиграция», в 1999 году в петербургском издательстве «Лимбус-Пресс» выходит ее новая книга «Шанс на счастье». В 2000 году за рассказ «Дорога на Мертвое море» писательница получает литературную премию на конкурсе «Надежды лира золотая». Ее рассказы печатаются в русскоязычных изданиях Германии, Австрии, Америки и Израиля.

Дачные истории

История первая

Бабочкино и его обитатели

«Привычка свыше нам дана, замена счастию она...» Ох, прав, конечно, прав был, как всегда, великий поэт – большой знаток человеческих душ.

Привычка проводить зиму в городской благоустроенной квартире, недалеко от центра, а значит, театров, музеев, больших магазинов, в квартире с высокими лепными потолками старого фонда, чтоб свободно дышалось, а летом обязательно выезжать на дачу – осталась с Питера. А самые стойкие стереотипы – это привычки детства.

И как только волею судеб мы оказались в Берлине, я после отнюдь непростых поисков нашла квартиру в старом фонде с просторными комнатами и высокими потолками и купила небольшую дачку в окрестностях Потсдама.

И жизнь сразу приобрела привычный покой, порядок и гармонию.

Наше садоводство «Потсдамер Шметтерлинг» расположено в 12 километрах от знаменитых королевских дворцов Сан-Суси и шикарных старинных парков. Я думаю, цари выбирали для своих летних замков вовсе не случайные места и знали, где закладывать летние резиденции. Рядом с Бабочкино (от немецкого «Шметтерлинг» – бабочка), так любовно на русский манер окрестили мы наше садоводство, – живописный канал с яхтами, чистейшее лесное озеро, где все купаются в летний зной, лес, полный грибов и ягод, и маленькая деревушка, с милейшим рыбным рестораном со своей копильней. А если добавить к этому известный гольф-клуб, куда по выходным

съезжается почтенная немецкая публика на дорогих машинах, и невообразимой красоты конюшни (когда строили, я думала, возводят дворец или шикарную гостиницу – оказалось, все это великолепие – для лошадей), где племенные жеребцы стоят, как десять мерседесов, то становится понятно, что в садоводстве и его окрестностях есть чем заняться и на что посмотреть

Дача во многом спасает меня от эмигрантских невзгод и дает бодрость духа.

Главное – в нашем Бабочкино подобралась изумительная компания. Справа от нас стоит дача Рабиновича, слева – хозяйство Шапиро, по диагонали – домик Левина, чуть дальше проживает Кац.

– Когана не хватает, – сказала приехавшая из Израиля родственница.

– Коган живет на соседней улице, – ответила я.

Действительно, наше садоводство уникально: можно подумать, что кто-то хитроумный задумал некий социальный эксперимент по интеграции, но много не учел. На сегодняшний день из 200 домиков 120 купили русские еврей-эмигранты. Умные головы из садоводческого правления, где у нас есть два представителя от «русской» секции, догадались написать проект в сенат и получить неплохие деньги на интеграцию новых жителей Германии.

Кто кого и куда интегрирует, и по сей день большой вопрос.

Немцы, по-моему, и сами не заметили, как в одно прекрасное лето оказались в национальном меньшинстве.

Когда-то все дачные домики были выделены гедеэровским служащим. Потом один из них продал домик еврейской семье – семья оказалась большой и дружной, к ней на выходные потянулись многочисленные родственники и друзья, и Бабочкино пришлось всем по сердцу... Следующий освободившийся домик купила сестра мужа, еще один золовка, а потом подросли кузины брата, к ним приехали их студенческие друзья и... В общем, когда дачу купила я, то на следующий год в нашем садоводстве обосновались семьи трех моих приятельниц и коллеги сына, потому как отдыхать и веселиться на природе лучше всем вместе, в хорошей компании: тогда можно власть потреться, выпить и закусить, погрилить нежные бараньи ребрышки и полакомиться сочной черешней, сорванной прямо с дерева. Благо у них тут широта Киева и все вызревает, не то что в сыром и холодном чахоточном Питере...

Да что говорить, рай земной, особенно при хорошей погоде. И кто от такого откажется по доброй воле и по приемлемым ценам?

Наша дачная жизнь обычно протекает в коллективных формах.

– У вас тут местный кибуц! – изрекла моя израильская кузина.

В жаркий полдень на озеро с оравой детей, собранных со всех дачных улиц, отправляется сосед Фима, ему поручена почетная роль пионервожатого. Пока все заняты и лениво копаются в земле или пьют утренний кофе на верандах, Сема смотрит за детьми. Через час на пляж посылаются Гриша с большой сумкой-холодильником, нагруженный обеспокоенными еврейскими мамашами: а вдруг дети уже проголодались! Дети срочно выуживаются из воды, брызги и визг прекращаются, и на зеленой лужайке воцаряются тишь и покой, прерываемые сосредоточенным чавканьем. С опорожненной сумкой Фима благополучно уезжает, а за детьми остается смотреть Гриша.

С утра под забором на велосипедах сидят дачные кавалеры моей дочери. И вообще, если по дорожкам садоводства бегают ребенок, то он из наших семей – не ошибешься.

– Просто филиал еврейской школы... – удивилась моя дочь, приехав впервые.

– Что ты хочешь? Немцы не любят размножаться, – пожал плечами мой муж.

Своими громкими воплями и эмоциональными призывами выйти на улицу дочкины кавалеры будят весь дом. Из дома напротив вылезает невыспавшийся и помятый немецкий сосед по имени Олаф.

«Олух царя небесного» – так окрестили его мои приятельницы.

Тише! Тише! – кричит он раздраженно.

Мир после его вчерашних излияний выглядит совсем недружелюбно. Олаф вообще-то неплохой мужик и частенько помогает мне чинить травкосилку, но любит выпить, а выпимши, громко поет немецкие марши. Марши приводят в нервозность наших стариков, в чьих ушах они, сами понимаете, как звучат и что напоминают. Но малолетним внукам надо быть на свежем воздухе, а внуки – это все-таки главное. Дети по будням работают и приезжают лишь на выходные, и старики согласны терпеть.

Немец Олаф очень любит знакомиться с русскими женщинами. Как только ко мне приезжают мои незамужние подружки, Олаф, приняв на грудь стакан другой, спешит представиться. Каждой он рассказывает, что ходит в «Фольксхохшуде» на курсы русского языка и копит деньги на поездку по транссибирской магистрали. Он почему-то считает, что поездка в Сибирь (кстати, довольно популярная у немцев, считающих, что это крутая экзотика) должна быть очень привлекательной и повышать его акции в глазах русских подруг.

– Уж лучше бы на Мальдивы позвал, – вздохнула приятельница. – За те же деньги... Вот уж действительно олух.

В летний зной я не спеша иду по дачной улице.

– Изя, где Лева? – слышится из-за кустов

– Лева пошел к Фиме...

Так и живем.

Если быть объективным, то приходится признать, что немецкие участки всегда можно отличить от русских по ухоженности и красоте. Не то что наши люди совсем не любят работать на земле, а просто у них, я подозреваю, нет подобных исторических навыков, и если бы в садоводстве среди участков проводилось социалистическое соревнование, как в прежние времена, то соседи-немцы вышли бы победителями с большим отрывом.

Через забор на участке Рабиновичей раздаются громкие крики.

– Роза, где тяпка? – страстно кричит бабушка Циля своей дочери. – Ну что ты мне даешь, бестолочь! Не эту, а ту, короткую, с зеленой ручкой!

Циля уже пять лет сидит в инвалидном кресле, но неукротимый дух красной комиссарши, несмотря на парализованные ноги, ничуть не ослабел. Сейчас Циля хочет засадить грядку укропом, и бедная Роза уже битый час стоит рядом, подает инструмент и покорно толкает коляску.

– Они же все бездельники, – убедительно говорит мне Циля, бросая выразительный взгляд на своих домашних. – Роза, не стой истуканом, а налей ведро воды... Вот у меня на даче в Подмосковье выросли такие кабачки! – Циля выразительно разводит руками. – И если бы не я, – продолжает она, – то здесь бы, кроме сорняков, ничего не росло. Одна я только на этой земле и работаю...

Раз в году, летом, по участкам ходит специальная комиссия: в немецких садоводствах принято соблюдать определенный порядок – столько-то метров засеять овощами, столько-то – цветами, на участке в обязательном порядке должна быть подстрижена трава и произрастать определенное количество плодоносящих деревьев. «Орднунг мус зайн», как говорят немцы. В первый год дачевладения нам это было в диковинку.

Итак, через пару дней ожидается приход комиссии, состоящей сплошь из немцев, а значит, послабления ждать неоткуда, и мои встревоженные соседи весь вечер напряженно совещаются на предмет приведения участка в порядок. Наконец за полночь народ расходится.

– Ну, что вы решили? – спрашиваю я мужа.

– Скинемся и найдем садовника...

Вот оно – различие в ментальности.

Дачу мы купили три года назад у немца-вдовца. Надо сказать, что домик и участок были в идеальном порядке. Войдя в благоустроенные, вылизанные до стерильной чистоты комнаты, а особенно спустившись в подвал, я осознала до глубины души, что немцы таки великая нация. Каждый гвоздик и шурупчик лежал в отдельной коробочке, любовно отсортированный по качеству и формату, а сельскохозяйственной техники было столько, что я еще долго выясняла у соседа, что это и зачем нужно. Особенно меня потряс маленький пылесосик для уборки осенних листьев.

В кухне, где (учтем, дело идет о маленьком садоводческом домике в 24 квадратных метра – больше не разрешают строить строгие садоводческие правила) стояла посудомоечная машина, а над ней – полка с шеренгой моющих средств. Гели и шампуни были на все случаи жизни, а моя приятельница переводчица, тщательно изучив все надписи на флаконах, нашла даже специальный шампунь для мытья маркизы. Я, честно говоря, до покупки дачи не знала вообще, что такое «маркиза», а не только о моющем средстве, которым ее надо мыть.

В немецком хозяйстве было предусмотрено все и на все случаи жизни.

Мой муж, найдя в подвале огромное количество всяких «железок», пришел в мальчишеский восторг, с энтузиазмом стал там рыться и все рассматривать и уже через две недели навел свой «порядок». Теперь, чтобы что-то найти, надо переступить через груды разбросанных инструментов и гвоздей и, чертыхаясь, часами перерывать всю кучу.

Обычно, если в дачном хозяйстве понадобилась какая-нибудь вещь, я не спешу ее покупать.

– У немца все есть! – говорю я. – Надо просто поискать.

И всегда оказываюсь права...

На информационном стенде в центре садоводства красуется объявление по-русски и по-немецки: «25 июля, в субботу, садоводство «Потсдамер Шметалинк» отмечает свой юбилей. Всех ждем на праздник!»

Владельцам каждого домика выданы специальные талоны на бесплатные сосиски и пиво; наши домохозяйки, конкурируя в мастерстве, пекут пироги и делают ведра винегрета и салата оливье – вклад от русской секции.

В субботу на большой поляне гремит бравурная музыка, на грилях жарятся и истекают жиром сосиски и свиные ноги, в ящиках поблескивают крышки винных бутылок, а рядом, к гордости устроителей, красуется несколько бочек настоящего баварского пива – праздник обещает пройти по высшему разряду.

Народ подтягивается на поляну и рассаживается за столиками. Смех, шутки, разговоры – на немецком, русском, ломаном русско-немецком... После нескольких кружек пива и пары бокалов вина достигается полное взаимопонимание.

– Да здравствует русско-немецкая дружба! – звучит из динамиков.

– Ура! – кричат из-за русских столиков.

– Цум воль! – слышится из-за немецких.

После сытного перекуса и обильных возлияний начинаются танцы. Немцы, наряженные в народные национальные костюмы – зеленые пышные юбки, узкие брюки, шляпы с перьями, – танцуют какой-то сложный и чопорный немецкий танец, публика восторженно ревет и хлопает в ладоши и стучит кружками по столам. Всем артистам подносят по огромному бокалу пива. Далее под песню Верки Сердючки «Замуж хотела вот и залетела...» пускается в пляс русская секция. Наши люди пляшут с таким чувством, что Зураб Хацкия, не выдержав, бешено вращая глазами, с криком «Асса!» бросается танцевать лезгинку, а Боря Кацман из Бреста русскую присядку, киевлянин Шапиро пляшет гопака, а его жена Фира – 120 килограммов живого веса – томно кружит рядом. Танцы народов мира во всей красе и многообразии разворачиваются на дачной поляне.

Веселье достигает своего апогея...

Тем временем багровое уставшее солнце клонится к горизонту и скрывается за скатами крыш – близится вечер, а с ним и завершение праздника – красочный салют. В честь юбилея в садоводство приглашена специальная служба фейерверков, рослые статные красавцы – немцы в военной форме пожарных подразделений бундесвера – не спеша раскладывают свои принадлежности. Дачные мальчишки, да и их отцы, открыв рот, наблюдают за пиротехниками.

– Боже, какой красавец! – щиплет меня в бок соседка Рая, указывая на статного молодого пожарника. – Какой красавец! Надо будет обязательно познакомиться!

Главный дает команду, и в небо взлетают огненные ракеты, темный свод озаряется причудливыми узорами, сотканными из тысячи разноцветных, мигающих и переливающихся всеми цветами радуги огней. Кажется, что небо расцвело букетами диковинных цветов.

Зрелище настолько красиво, что мы еще долго стоим, замороженные и безмолвные, на краю большой поляны. В такие минуты говорят – ангел пролетел. Вспыхивает и гаснет последняя ракета, бездонное звездное небо накрывает нас теплым июльским покрывалом. Тишина, запах скошенной травы, мягкое дуновение ветра – и мне очень хочется, чтобы праздник никогда не кончался...

Усталые и довольные дачники расходятся по своим домикам – спать.

...Свежее летнее утро встречает меня солнцем и пением птиц. В шортах и майке я выползаю на веранду, потягиваюсь и шлепаю босиком по прохладной, покрытой прозрачными каплями росы траве.

Мир огромен, прекрасен и непоколебим. Как в детстве...

История вторая Чрезвычайное происшествие

Тихая, почти идиллическая жизнь нашего садоводства была нарушена ужасным происшествием...

Вернее, скандалом, или, если быть честным до конца, дракой. Причем дракой одного из членов «русской секции» Яши Френкеля с Зигфридом Штольцом – председателем садоводства и вдобавок бывшим полицейским комиссаром.

Словом, скандал, позор и все такое прочее... Но все по порядку.

Все случилось 9 мая, в замечательный день Победы русских над фашистской Германией – праздник, без преувеличения свято чтимый любым нашим человеком.

Я думаю, что эта дата во многом определила дальнейшую последовательность и стилистику событий.

Надо сказать, что один из главных героев, Яша Феркель, был совсем не из тех людей, которыми гордилась «русская» секция. Напротив, Феркель – и это знали многие – всегда отличался спесивостью, вспыльчивым и заносчивым нравом и особым авторитетом в нашей среде не пользовался. Однако существовала серьезная причина, заставлявшая многих с ним считаться и даже искать его дружбы – Яша был богат. Наш дачный сосед владел сетью автомобильных мастерских по Германии и двумя заводами в Чехии. Феркель был довольно успешным предпринимателем и мог взять человека на работу, что в эмиграции немаловажно. С ним делали гешефты, правда, поговаривая, что «заработать он все равно не даст, львиную долю заберет себе», но деньги и связи у него водились это точно.

В день Победы, пришедшийся на солнечный воскресный день, Яша с компанией дружков приехал на дачу «погулять». Веселье проходило с размахом, и на дачную террасу были выгружены ящики вина и водки, баранина для шашлыков, зелень и фрукты – то, что полагается в таких случаях, причем все из дорогих магазинов и отличного качества. Пикник на лоне природы начался, и скоро гости изрядно захмелели и стали вести себя соответственно – орать, громко петь песни, поднимать один за другим тосты:

– За победу над фашистской Германией! – слышалось за столом.

Кто-то из гостей в состоянии изрядного подпития уселся на черный джип и стал гонять по улочкам садоводства, задевая заборы и поднимая столбом пыль...

Соседям-немцам это явно не понравилось, и они отправились жаловаться на «творимые русскими безобразия» председателю садоводства Зигфриду. Зигфрид, не спеша копавшийся на своей грядке в другом конце садоводства и от того не слышавший громких криков и песен, вынужден был отложить лопату и пойти разбираться. Когда председатель подошел к Яшиному участку, праздник был в полном разгаре.

– Что здесь происходит?! – зычным голосом бывшего комиссара полиции осведомился он. – Где хозяин?

К калитке, пьяно пошатываясь, вышел сам Яша Феркель и, глянув в гневное лицо комиссара, осведомился:

– А что вам собственно нужно?

– А ну потише! Прекратить безобразия! – повысил тон комиссар.

И тут Яша, опершись для устойчивости обеими руками о забор, заорал:

– А ты, фашистская морда, заткнись! Мы вас один раз победили и второй раз победим!..

Пауза.

Я думаю, такую обиду не мог стерпеть ни один нормальный немец, а там более бывший бравый комиссар гедеэровской полиции.

И тяжелый кулак председателя врезался в морду обидчика.

– Наших бьют! – заорали нетрезвые дружки и со всех ног понеслись спасать хозяина.

Завязалась драка, на выручку Зигфриду подоспели немцы-соседи.

– Жиды порхатые! – прозвучало по-немецки в запале потасовки. – Мало вас Гитлер...

Кто-то вызвал полицию...

Стали разбираться. К счастью, дерущихся быстро разняли и никаких серьезных повреждений, кроме пары фингалов, полученных обеими сторонами, обнаружено не было. Но было кое-что посерьезнее: честь обеих сторон была задета. Конечно, как ни крути, Феркель был виноват: нарушал общественный порядок, оскорбил председателя, в момент драки был нетрезв и еле держался на ногах... Но, как известно, «слово не воробей», и произнесенное вслух просто забыть уже было невозможно.

Полиция, составив протокол, отбыла, их симпатии были явно на стороне Зигфрида, и в воздухе запахло грядущими судебными разбирательствами.

Наше Бабочкино в эти дни напоминало потревоженный улей. Садоводство в буквальном смысле раскололось на два лагеря. Русская секция, сбившись на группки, страстно обсуждало происшествие...

– Этот Феркель (по-немецки слово «Феркель» означает «поросенок») подложил нам всем большую свинью, – резюмировала бабушка Циля.

Яшу осуждали за сделанное, но забыть прозвучавшее и в наш адрес уже никто не мог.

– А ты что забыл, кто ты и на чьей земле сегодня живешь? – размахивая руками, скорбно кричал Шапиро.

– А я это никогда и не забывал... – многозначительно отвечал Рабинович.

– Вы думали, дачи купили, окопались, цветы-укропчики посадили – и уже свои? – хмурил темные густые брови Левин. – А вот вам про Гитлера уроки истории, чтоб не расслаблялись...

Мир и покой прежде дружного товарищества были бесповоротно, безнадежно нарушены.

Прежде доброжелательные и приветливые немецкие и русские семьи стали избегать друг друга, даже мой сосед Олаф больше не приветствовал меня радостно на крыльце, не рвался заводить знакомства с моими русскими подругами и даже временно ограничил потребление спиртных напитков, прекратив громко петь свои песни-марши по вечерам.

Немцы из правления, ничего не сказав членам «русской секции», уединились для тайного совещания. Результатом этой «тайной вечери» стало революционное постановление, вывешенное на общей доске объявлений. Краткое содержание его было таково: «Лица с миграционными корнями больше не имеют права приобретать здесь садовые участки».

М-да, большого подарка зачинщику скандала Яше Феркелю было сделать нельзя... До этого момента ему грозило малоприятное полицейское разбирательство, грозящее большими неприятностями и потерями. А теперь... Яша аккуратно сфотографировал объявление и отбыл восвояси уже совсем в другом настроении.

Глупые, неразумные, недалёковидные немцы – члены правления...

Тем временем в ход была пущена тяжелая артиллерия. Как выяснилось, у Яши были обширные знакомства в журналистском мире.

Через пару недель уважаемая берлинская газета вышла с сенсационным заголовком: «Иностранцам больше дачи не продают!» В статье обстоятельно, но не без внутреннего пафоса рассказывалась душещипательная история о том, как девятилетний еврейский дедушка, между прочим жертва Холокоста, праздновал знаменательный для себя день Победы на даче у своего сына Якова Феркеля. Так как дедушка был глуховат (тяжелые последствия перенесенных тягот), то пел песни громче обычного; кроме того, тосты, произносимые в его честь, тоже надо было говорить максимально громко, а то бы дедушка не услышал. А нечуткие немцы-соседи сделали ветерану войны грубое замечание, подоспевший же председатель правления, к прискорбию, бывший полицейский комиссар, вместо того чтобы спокойно разобраться и помирить конфликтующие стороны, умудрился развязать драку. Дерущихся разнимала полиция. В процессе ссоры был упомянут Гитлер в известном и позорном контексте, это указано в протоколе. Увы, обе стороны допустили оскорбительные высказывания по отношению друг к другу. Но самое печальное, что после этого, самого по себе возмутительного, происшествия садоводческое правление вынесло постановление, немислимое в сегодняшней толерантной и демократической Германии. Его текст написан в духе и стилистике страшных страниц истории Третьего рейха...

В середине статьи для наглядности красовалась крупным планом фотография исторического объявления.

Честно говоря, восьмидесятилетний дедушка, несчастная жертва нацизма, не был чистым вымыслом. Иосиф Моисеевич, отец Феркеля, и в самом деле в годы войны, будучи подростком, оказался «на оккупированных фашистским захватчиком территориях», с малолетним братом и матерью прятался в соседних деревнях, потерял родных, чудом выжил и в день празднования Победы спокойно сидел на даче. Иосиф Моисеевич 9 мая лежал на диване в задней комнате дачного домика, смотрел телевизор, постариковски задремал, и так как действительно был глуховат, то шума не услышал и все самое интересное пропустил. Проснулся он уже к вечеру, когда полиция уехала, а расстроенный Яша в подпитии ввалился к нему в комнату.

Статью на русском языке, добавив от себя сочных и будоражащих эмигрантское сердце подробностей из биографии дедушки, перепечатала русскоязычная берлинская газета.

События приобрели политический оборот. Заволновалась еврейская община, вставшая грудью на защиту своего престарелого члена, пережившего Холокост. И в грядущем судебном разбирательстве действующие лица очень быстро поменялись местами. Теперь большие неприятности уже грозили Зигфриду и членам садоводческого правления. Что делать, мы все периодически меняемся ролями на сцене быстротекущей жизни...

Иосиф Моисеевич, прочитав русскую газету, очень возмутился допущенной неточностью.

– Мне еще 87, а не 90!– кричал старик на даче и требовал написать опровержение.

Садоводческое правление, вынужденно собравшись на внеочередное заседание уже в полном составе вместе с «русскими», отправило в отставку председателя и добровольно передало бразды правления вновь избранным, более политически подкованным членам. Бывший бравый полицейский комиссар Зигфрид ходил осунувшийся и мрачный – ему сочувствовали. Русская секция также разбилась на две группы. Одни Яшу безоговорочно осуждали как провокатора и предлагали написать честное письмо в газету о действительно произошедших событиях, другие, напоминая о прозвучавших в еврейский адрес словах, говорили, что, мол, все хороши, а защищать надо своих, нечего далеко ходить за примером...

Нарушитель спокойствия Яша Феркель после нескольких дней триумфа предпочитал вообще на даче не появляться и дипломатично отмалчивался.

Прошло время, судебное разбирательство по желанию обеих сторон приостановили.

Феркель продал дачу: в конце лета заснул и не проснулся на дачной, пронизанной солнцем веранде его старенький отец. Отказало сердце...

Старика с почетом похоронили на немецкой земле.

А об инциденте постепенно забыли.

Анна Людвиг

Родилась в Санкт-Петербурге. Занималась музыкой, озвучивала на «Ленфильме» детские фильмы. В Германии с 1979 года, живет и работает в Кельне. Автор стихов, прозы и переводов. Стихи А. Людвиг публиковались в книжной серии «Литература русского зарубежья». Победитель межпортального конкурса «Точка разлома» в номинации «Поэзия» (I место). Лауреат поэтического конкурса «Четыре комнаты: лимерики и четверостишия». В 2008 году выпустила книгу стихов «Работа над собой», в 2011 – поэтический сборник «Безмолвие». Финалист международного поэтического конкурса «Эмигрантская лира» в Брюсселе, 2009. В 2012 году по итогам конкурса «О Петербурге в прозе и в стихах» признана лучшим писателем-эмигрантом.

* * *

...Именно в тот момент, когда Жан-Поль Бельмондо протягивает мне бокал коньяка, начинает дребезжать будильник.

Пять часов утра, суббота, у всех, кроме меня, – выходной. У спящего мужа – вызывающее нежность, детское и безмятежное выражение лица. Он переворачивается на другой бок и так уютно закапывается в подушку, что моя нежность несколько ослабевает от зависти, и я плетусь на кухню, посылая тихие проклятия в адрес Клары Цеткин.

Так-с. До работы нужно успеть приготовить завтрак, покормить страждущих котов и разморозить мясо на обед. Вроде ещё что-то было... дай бог памяти... ах, да – я! Сегодня вечером мы приглашены на банкет по случаю присвоения чего-то какому-то коллеге мужа, так что хотелось бы привести себя в соответствующий вид. Хорошо, что моя верная Ингрид – подружка, работающая на киностудии, – вовремя устроила мне приём у косметички, которая, говорят, чудеса творит. Смотрю в зеркало... м-да... ничего другого ей и не остаётся: не красит утренняя смена женщину, ох, не красит!

В бюро сразу начинают звонить все пять телефонов. Причём диссонансом. Неужели нельзя настроить аппараты, находящиеся в одном помещении, так, чтобы образовался эдакий весёленький джазовый аккорд?

Первый же посетитель – молодой мужчина лет двадцати пяти – горестно вздыхает:

– Вы даже не представляете себе, насколько утомительна посменная работа, тем более по воскресным дням и праздникам!

Конечно, не представляю! Откуда же мне... Только если понаслышке...

Зато рабочий день проходит быстро, теперь – пулей к косметичке!

Она придирчиво осматривает свой рабочий материал, ободряюще улыбается и с явным сочувствием во взгляде и словами «Ну, ничего» накладывает мне на лицо что-то душистое и зелёное. Это «что-то» через минуту затвердевает, что избавляет меня на время от необходимости отвечать на реплики моей спасительницы. Справедливости ради должна заметить, что она и не ждёт ответов, рассказывая мне детали из жизни её пациенток.

– Вот вы знаете такую (называет имя одной местной знаменитости)? Замечательный человек! Но... увы.. не поверите (понижает голос)... она НЕ смазывает локти лимонным соком, чтобы смягчить кожу!!!

Я мысленно поздравляю себя с тем, что на мне кофточка с длинными рукавами, и изумлённо мычу, мол, какой кошмар, кто бы мог подумать.

В общем, через два часа я выползаю из салона с волшебным макияжем и довольно прилично развитым комплексом неполноценности. Теперь – в магазин за продуктами, быстро убрать квартиру – и на банкет!

Муж потрясающе выглядит в смокинге с бабочкой и, кажется, очень доволен моим прикидом. В кошачьем взгляде, устремлённом на нас, тоже читается лёгкое одобрение: наконец-то обслуживающий персонал соизволил одеться более или менее прилично...

В банкетном зале ко мне подходит симпатичная женщина с ослепительной улыбкой и, представившись женой юбиляра, задаёт совершенно неожиданный, оригинальный вопрос:

– Мне говорили, что вы из России? А откуда именно?

– Из Петербурга...

Её глаза теплеют:

– Что вы говорите?! У моей лучшей подруги есть муж, так вот его двоюродная сестра уже ездила туда!

С ума сойти! Двоюродная сестра мужа лучшей подруги жены коллеги моего мужа действительно успела побывать в моём родном городе! Как тесен мир!

Батюшки, откуда эта моя раздражительность? Вокруг – милые, приветливые люди, веселятся, только одна такая нервная... Что же это такое происходит? Ну, правда, устала немного, хорошо бы сейчас лечь и заснуть... И, кстати, пора уже сообщить этому Бельмондо, что я терпеть не могу коньяк!

ТЮЛЬКА В ТОМАТЕ

... А летом вся семья ездила на дачу в Комарово. Наш дом был самым крайним, за ним начинался лес, куда мы ходили за грибами и черникой.

Сад казался мне, шестилетней, огромным. Там были старый колодец, которого я боялась, и масса интересных вещей. Например, синий рукомыльник, висящий под корабельной сосной. Бабушка Валя наливала туда колодезную

воду. Если плеснуть такой водой себе в лицо, то от холода на секунду захватывает дух и становится свежо и весело.

Дом был зелёным снаружи и жёлтым внутри. Под окнами – ведра и детские ванночки: мы собирали дождевую воду. Прабабушка Анна Александровна говорила, что такая вода полезна для волос. Видимо, это было правдой, так как и у прабабушки, и у её дочерей – бабушки Вали и тети Нины – роскошные косы доходили почти до колен.

Вдоль дорожки от калитки к дому росли флоксы, незабудки и тигровые лилии. Лилии я не любила: они пачкали руки и одежду и, как говорила мама, практически не отстирывались. Зато я обожала шиповник. Правда, он кололся, но из него делал для меня человечков и собак приятель троюродного брата Алик Штыкан.

Пятнадцатилетний Алик был худым, веснушчатым и казался мне самым красивым на свете. Кроме того, он мог всё. Приходя к Юрке, Алик не входил в сад, а кричал из-за калитки бабушке: «Валентина Петровна, только держите Аньку!»

В посёлке работал единственный маленький магазинчик. За остальными продуктами меня посылали на велосипеде за три километра «на станцию». Я привозила оттуда яйца и творог для нас и рыбу для рыжего красавца – кота Матвея. Как-то рыбы не оказалось, и я купила консервы «Тюлька в томатном соусе». Открыв дома баночку, мы обнаружили, что они очень вкусно пахнут. Матвей, правда, не разделял общего мнения. Он смерил бабушку и меня презрительным взглядом и принялся есть с видом уязвленного достоинства. А мы решили тоже попробовать консервы. Кончилось тем, что Мотя получил кусок мяса из супа, а тюльку ела с большим удовольствием вся семья.

По субботам приезжали мама с папой и бабушкин брат дядя Витя с женой. Её звали Зиной, она носила модные очки с острыми концами и даже на даче всегда ходила с накрашенными ярко-красной помадой губами.

А по вечерам дачники собирались у деревянной телефонной будки и ждали своей очереди, чтобы позвонить в город. Взрослые курили и обсуждали разные темы, а мы носились вокруг, играли в прятки в зарослях иван-чая и, когда темнело, пытались поймать светлячков. Иногда телефонная линия капризничала и люди не могли дозвониться. Мать Алика, артистка Штыкан, в таких случаях всегда говорила: «Не торопитесь, набирайте номер выразительно!»

...Я не была в Комарово вот уже тридцать лет. И думаю, что больше там не буду. Боюсь увидеть новые дома, другие улицы и не увидеть кувшинки на Щучьем озере, бежевую «Победу» возле дачи соседней или деревянный решётчатый павильончик «Мороженное» на станции. Хочу, чтобы всё осталось таким, каким запомнилось в детстве, ведь я до сих пор делаю человечков из шиповника, опасаясь тигровых лилий, набираю телефонные номера «выразительно» и обожаю тюльку в томате...

Михаил Левин

Родился в Нижнем Новгороде. Окончил филологический факультет Горьковского педагогического университета и Волго-Вятскую академию государственной службы. Член Союза журналистов России. Член Международной творческой ассоциации Taivas. С 2005 года проживает в Германии (Аугсбург). Дипломант Целевого капитала поддержки русской культуры (2009). Стихи и пародии публиковались в российских, русскоязычных немецких и американских газетах и журналах, в коллективных сборниках, антологиях и альманахах России, США, Германии, Финляндии. Автор книг «Лабиринт» (1998), «Хранитель» (2001), «Перелётные ангелы» (2005), «Письмо с того света» (2009), «Ледниковый период» (2012). Стихи переведены на английский, немецкий, иврит, на некоторые написаны песни. Проза М. Левина публикуется впервые.

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ

Криминальный триптих

1. Адвокат Семён Гольдберг

Уф, ну и жарница! Градусов за тридцать наверняка.

Выскочив из трамвая, быстренько ныряю в бар, беру две кружки пива и несу к ближайшему столику. Вливаю в себя добрую половину кружки. О, кайф!

– Был человек – и нет человека...

Чёрт, такое пекло с ума свести может – вот уже сам с собой вслух разговариваю. Впрочем, нет, это не я, а тот краснорожий с поллитровкой, что за соседним столиком. Господи, ну как можно пить водку в такую жару! Обхватил голову и громко причитает:

– Был человек – и нет человека...

Мистика: ведь я только что именно об этом подумал. Теми же словами. Как говорил когда-то наш преподаватель уголовного права, «мы мыслим в одном направлении».

Достаю выписки из материалов дела и начинаю перебирать листы. Дело мне не нравится. Совсем. Мне не нравится белобрысый следователь, похожий

на хорька. Не нравится стройный паренёк с длинными, как у девочки, тёмными ресницами, этот папенькин сынок – мой клиент. И его папаша-депутат, надутый индюк, косящий под английского джентльмена, тоже не нравится. Хотя на него вроде грех жаловаться: гонорар отвалил солидный. Втрое больше, чем мы обычно берём за ознакомление с делом. И дал понять, что скупиться не станет и дальше, только бы я взялся защищать его сынулю. Именно я – и никто другой. Ах, какое высокое доверие!

Заливаю сарказм ещё парой глотков. Я злюсь на себя, и неспроста. Потому что знаю, что соглашусь. Мне может сто раз не нравиться клиент, но что мне не нравятся деньги – этого я никогда не говорил. Возможно, и впрямь не в них счастье, но с ними как-то уютнее... В знак солидарности с самим собой допиваю пиво и начинаю анализировать информацию. И так, что мы имеем?

Елена Глинская, двадцати лет от роду. Красивое сочетание имени и фамилии. Глинские – старинный княжеский род. Еленой Глинской вроде звали мать Ивана Грозного. А может, жену, точно не помню. Но наша-то, во всяком случае, не царевна и не княжна, а студентка. Институт иностранных языков, четвёртый курс.

Она исчезла 30 апреля, перед самыми майскими праздниками, которые собиралась встретить с мамой и сестрёнкой в родном Клину. Накануне чувствовала себя плохо, с занятий раньше ушла, но к вечеру, когда её навестила подруга Ольга Осютина, вроде бы ей полегчало, даже уборкой занялась. И всё-таки подружка беспокоилась, стоит ли ехать, не оправившись от недомогания. Лена и слушать не хотела: уж очень по маме соскучилась... Ехать готовилась из Старгорода на ночном московском поезде, а утром в Москве её уже должна была ждать свекровь, та как раз проходила очередную столичную стажировку. Вместе они собирались поехать к Лениным родителям в Клин. Елену никто не провожал: её муж Борис ещё с утра уехал за город, к отцу. И на Московский вокзал ей предстояло ехать одной...

Первого мая свекровь ждала Лену напрасно: они так и не встретились. Встревжившись, позвонила домой. Выяснила, что 30 апреля, около девяти вечера, Елену видели выходящей из институтского общежития, где у них на двоих с мужем была комната. И всё. Как испарилась. Вот уж действительно: был человек – и нет человека...

Матери Лены и Бориса на следующее утро отправились на Петровку, 38. Но знаменитый МУР, воспетый мастерами советского детектива, отнюдь не торопился вешать на себя дело, грозящее снизить процент раскрываемости. Стали ссылаться на то, что раз Елена прописана в Старгороде, значит, её поисками должны заниматься следственные органы по месту жительства и железнодорожная прокуратура.

А в Старгороде и так всюю шли поиски. Проводникам поезда, на котором должна была ехать Елена Глинская, показали её фотографию (позже этот снимок демонстрировали и по телевидению). И проводница 12-го вагона опознала свою пассажирку! Причём точно описала одежду: яркую полосатую кофту, чёрную юбку, цепочку. И даже вспомнила, что в Москве эта пассажирка вышла.

Вообще, такую заметную девицу грех не запомнить. Я сам залюбовался её фотоснимком, когда изучал материалы дела. Роскошные светло-русые волосы, изящный слегка вздёрнутый носик, а главное – невероятной синевы

глаза, левый чуть заметно прищурен... Да уж, если что и привлекало в этом муторном деле, так это фото пропавшей. А само дело долго марिनвалось: сначала в районной милиции, затем в районной прокуратуре, потом в областной.

А там – очередные праздники, новые выборы, власть меняется... Время идёт, вот и Новый год недалёк, а Елены нет – ни живой, ни мёртвой. Пропала без вести. И ведь не где-то в «горячей точке», а в самом центре России. Впрочем, случай совсем не исключительный. Я специально поинтересовался статистикой областного УВД: в том году разыскивались 1179 пропавших без вести. Разыскать смогли 942. Лену не нашли.

В новом же году за дело взялся новый следователь, и следствие пошло в совершенно ином направлении: раз пропала жена, то виноват, конечно, муж. Но сначала были письма Лениной тётки Ксении Ивановны Невзоровой. Уж больно плохо, как она считала, ищет Борис жену, разве ж можно ограничиваться заявлением в милицию, а самому бездействовать? Поведение его стало казаться тётке подозрительным. Почему, например, он не хочет пойти на свалку, куда она его посылала, и там поискать труп? Почему не съездит в деревню Горбатовку, о которой поговаривали, что там рядом плантации какие-то, куда людей насильно завозят? Почему с такой неохотой ходил к экстрасенсам, к которым она его водила – к некоей старице Марии, что дальний поезд во Владимире узрела, да ещё к троим? А может, боится ясновидящих, боится, что они правду узнают?

Подозрение Ксении Ивановны переросло в уверенность: он знает, где труп, потому и не ищет. А почему знает? Да потому, что сам и погубил девочку. Он, Борька, это же ясно! Да и не один, а вместе с родителями, они ж у него оба врачи, знают всякие лекарства. Ленина тётка написала письмо в УВД и заявление в областную прокуратуру, в которых делилась догадками: с мужа надо начинать, с мужа... Вряд ли даже сама предвидела, насколько ко двору придётся новая версия в областной прокуратуре, где дело до поры лежало без движения.

И вот за него взялся старший следователь по особо важным делам Королёв. Тот самый, что мне хорька напоминает. Иван Петрович занялся этим делом с редкостным энтузиазмом: ещё до того, как принять его к производству, направил запросы в городские поликлиники: «Не обращались ли за лечением по поводу прерывания беременности...» – далее перечислялись фамилии четырёх молодых женщин, которых ему предстояло допросить в качестве свидетелей. Но причём тут мой клиент Глинский? Впрочем, это как раз понятно: искал на будущих свидетельниц компромат, чтобы были податливее. Следователь добивался подтверждения своей версии, что исчезновение Елены Глинской связано с её беременностью и неудачным абортom, к чему приложили руку муж Борис и его родители-врачи.

При этом никто из допрошенных ничего достоверного не знал ни про её беременность, ни тем более про аборт. Одна подруга с Леной сама не говорила, а только слышала от другой подруги; та, которая говорила, оказывается, совсем даже и не то говорила и не в этом смысле; третья и вовсе не так поняла... Словом, слухов много, а толку – пшик. Зато подробно выяснялось, кто с кем спит и кто как предохраняется. Просто поразительно, но уголовное дело, главным образом, на таких «материалах» и базируется. На сплетнях и домыслах, без неопровержимых фактических доказательств

следователь строит обвинение в тяжчайшем преступлении. О времена, о нравы!

Королёв вынес постановление, в котором чёрном по белому утверждает: Борис Глинский с помощью родителей произвёл искусственное прерывание беременности у своей жены Елены. А затем с целью сокрытия данного факта и избавления от жены совершил умышленное убийство!

Многое я помню на своём адвокатском веку. Знаю случай, когда пьяные дознаватели баловались с электротоком: подсоединили провода к яйцам задержанного. Тот обезумел от боли и выпрыгнул из окна. С третьего этажа... А Бориса этого ведь даже и не били, сам мне сегодня подтвердил. Ну и на кой ляд он следователю стал интимные подробности выкладывать? И про жену, и про баб своих. С кем, как часто, в каких позах. Тьфу ты...

А Королёв, не будь глуп, постановил: «В настоящее время выяснение обстоятельств, необходимых для предъявления обвинения, ещё не закончено, но, принимая во внимание опасность и тяжесть преступления, в совершении которого он подозревается...»

Для выяснения недостающих «обстоятельств» следователь выбрал путь хотя и не оригинальный, зато проверенный: студента Глинского взяли под стражу. Задержание прошло успешно: ни тебе розыска, ни захвата, сопряжённого с опасностью для жизни участников. Лепота! Студента «обнаружили» в институте, где он сдавал экзамен по методике преподавания физики, и на глазах у изумлённых сокурсников препроводили в серую «Волгу». Королёв на протяжении четырёх с лишним часов допрашивал парня, после чего отправил в изолятор временного содержания.

Так, ладно. Материала достаточно, чтобы жаловаться прокурору области и требовать прекращения дела за отсутствием состава преступления. Прямо «в лоб» напишу: «В деле нет никаких данных о том, что Глинский Б. В. причастен к исчезновению жены. И сам по себе факт смерти ничем не подтверждается. Исчезновение человека – это ещё не смерть, а тем более нельзя утверждать, что она насильственная».

Да и с этим предполагаемым абортom просто чушь собачья! Ну почему, собственно, следователь так уверен, что Елена вообще была беременна? Районный гинеколог такими данными не располагал. А подружки... да мало ли, что им там «казалось»? И подружки-то они не столько Елены, сколько её муженька. Причём интимные подружки...

Стоп-стоп-стоп, – осаживаю я себя. Да, парнишка, конечно, говнистый, с женщинами распущенный, да и трусливый, на язык невоздержанный: вон сколько наболтал с перепугу. Это под протокол-то! Но всё-таки изменять жене по-чёрному и убить её – это, как говаривали в Одессе, две большие разницы. Теперь там уже так не говорят. Некому...

II. Следователь Иван Королёв

Я засомневался, что удастся выиграть это дело, как только встретился взглядом с адвокатом. Думал, в переполненном зале суда на мою скромную персону в штатском и внимания никто не обратит, а поди ж ты, высмотрел меня. Кивнул даже эдак вальяжно. Вообще-то мы с Гольдбергом друг друга недолюбливаем. И пока шло следствие, у него был облом за обломом. А упорный,

чертяка! Восемь жалоб – и все отклонены, конечно. А он как думал? Приятель мой и непосредственный начальник Валя Гусев, зам. прокурора области, так добровольно и согласится, что были нарушения в ходе следствия? Фантастика полная! Да ведь он сам же арест этого поганца санкционировал, а затем трижды продлевал сроки его содержания под стражей. И обыск в квартире отца – тоже с его санкции.

Хотя непросто было его уговорить: квартира областного депутата как-никак. Но обошлось. Разве что депутатский запрос к нам поступил: на каком основании у депутата Виталия Глинского произведён обыск? Мы ответили, что он не сообщил прокуратуре о своём правовом статусе депутата. И в самом деле, не сообщил ведь. А всех этих дармоедов разве упомнишь?

Добрался я до него всё-таки. Жаль, поздновато: должен был ещё лет десять назад. Тогда как раз вышло очередное постановление об усилении борьбы с коррупцией и я расследовал дело о взятках в мединституте. Вот это было дело! Такие суммы, которые там фигурировали, в моём скромном воображении провинциального следователя просто не укладывались. Двенадцать человек тогда пошли по этапу. «Люди в белых халатах»... Двенадцать – хорошее число. А могло быть тринадцать, но профессора Глинского даже допросить мне не позволили. Областной прокурор просто руками развёл: ну никак нельзя. Обком звонит в колокол! – так, кажется, у Хемингуэя. Или почти так...

Мне то громкое дело принесло классный чин старшего советника юстиции. Я, кажется, был тогда самым молодым старшим советником юстиции в стране. В переводе на общевойсковой язык – полковником...

А на обыске, который случился-таки десять лет спустя, вёл себя Глинский ну очень спокойно, я бы даже сказал, вызывающе индифферентно. Достал из косметического набора пилочку и демонстративно занялся своими ногтями. Когда оперативники нашли несколько патронов, хозяин квартиры бесцветным тоном пояснил: это осталось от школьной коллекции сына, патроны не боевые, а от разных охотничьих карабинов, причём разряженные, никакой опасности не представляют. Тем не менее они были изъяты. Баллистическая экспертиза боеприпасами их не признала...

Но будь я проклят, если этот фанфарон с седыми баками, доктор медицинских наук, главврач центральной районной больницы, всенародный избранник и прочее, не вздрогнул, когда наши ребята наткнулись на тайник под паркетом в гостиной! Кажется, впервые я увидел на его лице беспокойство. Впрочем, длилось оно недолго: тайник был девственно чист, и эксперты не обнаружили в нём даже мельчайшей частицы оружейного масла, хотя там вполне мог уместиться не то что пистолет, но даже короткоствольный автомат, что-нибудь типа израильского «узи».

Но сынок-то не в отца характером, нет, не в отца. Кишка тонка! Только и умеет, что водку жрать да чужих баб трахать, а при первом же серьёзном нажиме почти совсем сломался, ещё бы немного – и раскололся, как пить дать. Жаль, адвокат подросел, папашей нанятый. Но всех своих женщин Глинский-младший заложить успел. И с такими подробностями, что судьи наши, с их допотопными представлениями о сексе, обалдеют, небось. А главное, мне было от чего «плясать», когда я этих шлюшек допрашивал в качестве свидетелей. И по всему выходило, что виноват наш «наследный принц» по меньшей мере в криминальном аборте, а скорее всего – и в смерти жены.

– Но вахтёрша же видела, как она ночью выходила из общежития? И как же проводница, которая в ней свою пассажирку опознала? – придирчиво допытывался Гусев, когда мы под вечер приканчивали у него в кабинете бутылку армянского.

– Да никак, Валентин Степаныч. Туфта это! Я с обеими беседовал, обознались они.

Про то, что для пользы дела на обеих слегка надавить пришлось, я заместителю областного прокурора, конечно, не сказал. Мог не так понять. Он и без того бурчит, что допросы свидетелей по четыре-пять часов подряд когда-нибудь крепенько мне аукнутся. Простой такой! Как будто не сам требует от нас результативности...

Жаль, судебный процесс куда-то не в ту сторону повернул. И Гольдберг, завидев меня, что твой боевой конь, ну просто копытом бить готов. Вырядился, как в театр: чёрный фрак с бабочкой. Рисуетя. Даже модуляции голоса меняет: то почти шепчет, то громом гремит. На суд, конечно, эти адвокатские штучки не подействуют, а вот на публику в зале – ещё как.

К тому же публика сегодня настроена не в пользу обвинения: накануне в «Комсомолке» напечатали очерк про наши дела, меня прямо-таки монстром выставяющий. Я-де чуть ли не насильно из несчастных студенток показания вытягивал! У одной – про беременность Елены выпытывал, у другой – про то, что тазик в её комнате видела, с какими-то рвотными массаами и кровью, третью даже не отпускал покормить грудного ребёнка, пока не подтвердит то, что соответствовало моей версии. Угрожал привлечь к уголовной ответственности якобы за дачу ложных показаний. Вторгался в чужую личную жизнь, требовал от свидетельниц сведений об интимных вещах. Причём каждую убеждал, что её показания – это как раз недостающее звено в цепочке неопровержимых доказательств.

Образ цепочки журналинге, чувствуется, особенно по вкусу пришёлся. Пригодился для обобщений. Я развернул вырезку: «В условиях практически полной безнаказанности у нас давно уже сложился тип следователя, для которого борьба с преступностью – очередная кампания, а судьбы полностью зависимых от него людей всего лишь незначительные звенья в цепочке собственной карьеры...» Какой пафос, боже ж ты мой! Этот очкарик, похоже, с цепочкой моей карьеры покончить решил. Наивняк! Публикация в центральной прессе мне сейчас – самое то. Всё равно, какая – положительная ли, отрицательная, лишь бы фамилию не переврали. Потому что это у них свобода слова, а у нас – свобода слуха. И моё областное начальство, и люди в Генпрокуратуре слышат только то, что хотят слышать. А кадровые выводы делают совсем не по газетным статейкам.

Да уж, на сегодняшнем процессе обвинение явно проигрывает защите. Ну разве может этот старый олух, неуклюжий мой коллега Пермяков, с его помятым мундиром, смешным фальцетом и дешёвой демагогией, тягаться с артистичным Гольдбергом? Я уже почти без досады смотрю, как адвокат, выставив вперёд ухоженную бородку, упивается собственной речью, как он с нарочитой брезгливостью цитирует обвинительное заключение: «Обвиняемый с целью прерывания беременности давал своей жене водку с неустановленными компонентами, а также иные неустановленные средства, в результате которых произошёл выкидыш».

– Невозможно охарактеризовать такое лишённое конкретности обвинение иначе, как нарушение законного права гражданина России Глинского на защиту! – это он произносит чеканно и громко. После чего добавляет совсем другим тоном, саркастично и язвительно:

– Если мой подзащитный придумал какой-то новый способ, сделал открытие, как при помощи водки делать аборт, даже если добавить какие-то «компоненты», то он достоин не наказания, а поощрения!

Публика громко смеётся. Суд удаляется на совещание. Скорее всего, дело проиграно. Впрочем, меня это уже не касается...

Очкарик-собкор ошибся: старшего следователя Королёва больше нет – я две недели как тружусь в управлении общего надзора областной прокуратуры. В должности надзирающего прокурора. А через полгода новая подвигка намечается. Но пока об этом знают только трое: я, прокурор области и управляющий кадрами Генеральной прокуратуры России, бывший мой однокурсник...

Да и никакой я не монстр, а нормальный госслужащий. Не хуже других. А с цепочкой доказательств – ну что ж, недоработка. Просто сроки предварительного следствия все вышли и я не успел представить главное звено этой цепочки – труп жертвы. А нет трупа – нет и убийства. Так, по крайней мере, у нас принято считать. На одних косвенных доказательствах сильное обвинение не выстроить. Между тем я убеждён: убийство было. И криминальный аборт был. А уж беременность точно была. Про неё я знаю из первых рук. От самой Лены, царствие ей небесное.

Конечно, я прекрасно понимаю, что злоупотребил служебным положением. В память о Леночке и нерождённом нашем ребёнке. Хотя обязан был сразу подать рапорт: мол, так и так, с потерпевшей я два месяца тайно встречался и сожительствовал, имею личную заинтересованность, прошу отстранить от ведения дела. Моя карьера после этого накрылась бы, конечно, медным тазом, но требование закона я бы выполнил. Только кому это надо? Ни загубленному моему синеглазому чуду, ни начальству. И уж, меньше всего, мне...

III. Мисс Хелен Смит

...Я уже четырежды пыталась писать тебе, Оля, но всякий раз, дописав, рвала письмо в клочья. Знаю, что и это тоже не отправлю. Потому что отправлять его мне никак нельзя. Слишком большой риск. Рисковать из-за такой суки, как ты – ещё чего! Но выговориться мне просто необходимо.

А ведь я считала тебя своей лучшей подругой! Как ты могла? Ну те, остальные, ладно. Но ты!.. Знала же, что значил для меня Борька, знала прекрасно, что он – единственный, только с ним я как женщина получала удовлетворение. Боже мой, как это меня мучило, как не хотелось ощущать себя зверьком, знающим только физическое наслаждение. Сколько раз проклинала я про себя этого бабника, моего мужа, но стоило ему пальцем поманить – и я сломя голову неслась к нему в постель.

А ты? Разве тебе мужиков не хватало? Ведь воз и маленькая тележка, мы обе это отлично знаем. Но в свою коллекцию ты захотела ещё и моего заполучить. Мерзко это, Оля! Ваш роман – ой, да разве можно эту вашу

собачью случку называть романом? – стал последней каплей. В сущности, я должна быть тебе благодарна: ты помогла мне вернуть чувство собственного достоинства, которое так долго томилось в плену у животного инстинкта. Меня, наверное, давно следовало разозлить по-настоящему. Ведь женщины – самые опасные в мире существа. Опаснее ядовитых змей – те кусают чаще всего только из самозащиты. А я мстила. Мстила тебе, за оплётанную дружбу. Мстила ему, за растоптанную любовь. Мстила его папаше. Знаешь за что? Нет, не знаешь, об этом я не рассказывала даже тебе.

Случилось это под Рождество, когда мы с Виталием Борисовичем оказались вдвоём: муж ушёл праздновать с однокурсниками, а меня как обычно с собой не взял: женщин там для него и без меня хватало. Свекровь в очередной раз повышала где-то свою драгоценную квалификацию. Борин отец откупорил шампанское, разлил нам по фужерам. Как я теперь понимаю, мне он успел подсыпать какую-то гадость. Потому что ни рукой, ни ногой, ни шеей я двинуть не могла. Всё тело отключилось. А вот сознание продолжало работать. Видимо, с дозой препарата что-то напутал, он же у нас главврач и профессор, врачебной практикой давно не занимался.

До сих пор не понимаю: неужели ему доставляло удовольствие насиловать моё неподвижное и безответное тело, по сути дела – труп? Сама я тогда совершенно ничего не испытывала, кроме холодной злости. Даже точно не помню, как долго он на мне пыхтел. А когда слез наконец, то постарался сделать так, чтобы никаких его следов не осталось. Уверен был: когда я приду в себя, даже и не вспомню, что случилось.

Но я ничего не забыла, ничего. А после ещё одно событие произошло, очень важное: я, подметая, случайно наткнулась у свёкра в гостиной на тайник. Прямо в полу, под паркетинной. А там – мать честная! – долларов столько, что нам и не мечталось. Я, само собой, пересчитала: девятьсот семьдесят тысяч с гаком! Ты знаешь, подруга моя бывшая: никогда я руку к чужому не тянула, я ж не ты, которая чужих мужей крадёт. А тут – даже ни малейших колебаний. Решение пришло в секунду: доллары эти к себе в спортивную сумку, пачку за пачкой, переложила. Потому что это справедливо. За мой моральный ущерб. За то, что телом моим этот подонок власть попользовался.

Ну, а Ваню ты знаешь, Ивана Петровича, он тебя на допросы тягал, когда меня не стало, и почти уже обвинил в соучастии. Очень интересный мужик между прочим, и помяни моё слово: быть ему большим прокурорским начальником. В постели, правда, он никакой, но мне же объективно судить трудно: оргазм я только с мужем испытывала. Ну, да имитировать-то оргазм – большого таланта не надо. А Ваня Королёв так радовался, думал, круче него в койке прямо и нет никого.

Да, я его использовала, чего уж там. С первой же нашей встречи, якобы случайной, а на самом деле тщательно мною подстроенной. А чтобы стимул у него был самому это дело расследовать да злость чтобы была на Борьку, меня погубившего, я Ивану Петровичу сказала, будто жду от него ребёнка. Хотя никакой беременности не было, конечно, этого мне только не хватало...

О том, как я новые документы себе сделала и как из страны выехала, я тебе рассказывать не буду: меньше знаешь – крепче спишь. Хотя крепкого сна ты вовсе не заслуживаешь, весь свой век должна угрызениями совести

мучиться. Могу только повторить старую истину: то, что нельзя получить за деньги, можно получить за большие деньги. И у нас, и... везде.

А сейчас я живу в портовом отеле Дармута. Это, чтоб ты знала, в Англии. Всё-таки не зря я столько лет серьёзно язык изучала – за иностранку меня тут никто не принимает. Зарегистрировалась как мисс Смит. В англоязычных странах носить фамилию Смит – всё равно что в России называться Петровой или Сидоровой.

Жаль, до жути жаль, что отомстить по-настоящему у меня так и не получилось. Читала, что Борису вынесли оправдательный приговор и прямо в зале суда освободили из-под стражи. Большая редкость между прочим для российской юстиции: Королёв мне как-то рассказывал, что в сомнительных случаях суд у нас, чаще всего, возвращает дело на доследование. Ну ладно, восемь месяцев в тюрьме – это тоже не так мало, особенно с непривычки. Да и папаше заметное пятнышко на его безупречные белые одежды. И денежки опять же тютю. Потому что платить надо. Всем и за всё.

Мне вот тоже пришлось заплатить за своё... исчезновение. Такой ценой, что вам, гадам и предателям, и в страшном сне не снилась. В той газетной публикации вскользь упоминалось, что умерла моя мама. Единственный на всей земле близкий мой человечек. Не смогла пережить мою воображаемую гибель. Так что возвращаться мне теперь не к кому. Но в Англии тоже не останусь. Больно дорогая страна, к тому же у меня такое чувство, что здесь я слишком на виду. Уеду ещё куда-нибудь, где по-английски говорят. В Австралию, например. Или в Новую Зеландию. Благо, денег мне на скромную жизнь хватит. Да и на нескромную тоже...

Елена Андрейченко

Родилась в Алма-Ате. Кандидат филологических наук. Научный сотрудник, лектор Государственного Афинского университета им. Каподистрии. С 2008 года живет в Афинах. Автор более двадцати научных работ в области теоретической русистики. Сфера научных интересов – лексикология, лексикография, история русского литературного языка, история греческого языка, языковые и экстралингвистические связи России и Греции, преподавание русского языка как иностранного. Занимается переводами с греческого. Пишет прозу. Классический балет считает венцом всех видов искусств. Авторская проза и поэтические переводы публикуются в Альманахе «Под небом единым» – 4, 5, 6 за 2010, 2011 и 2012 годы.

БЕЛОЕ НА СИНЕМ

(отрывок из романа, часть 3, продолжение)

* * *

Ее имя звучало совсем иначе, мелодичнее и мягче на юге дальнем. Там имя ее, как и ее саму, обнимал нежный ветерок и ласкала прозрачная тень оливы. Здесь же пальцы холода сжимали ее сердце. Они брали его и словно вынимали из плоти, оставляя на растерзание ледяному ветру.

Ее иссиня-черная норковая шуба ежилась на сыром холоде хельсинкского морского порта. Был январь. В этот момент в плавание до Стокгольма уходила «Симфония семи морей». Колотый лед колыхался на поверхности уставшего моря, отчаянно прижимаясь к большим и маленьким судам, входящим и выходящим из порта. Гудок и полный вперед дала «Симфония...». Казалось, что она разнесет порт своими размерами. Она стала медленно удаляться. После примерно полутора километров плавания она встретила «Викинга», корабль, принадлежащий компании «Viking Lines». Он шел в Хельсинки.

Выборг был совсем рядом, но тот, кто шагал по обледенелым дорогам, давно покинул его. Николай Федорович в данный момент был на другой стороне Земли. Он знал, что та, теперь уже красивая молодая женщина, гордо и уверенно шагает по европейским мостовым. Он знает, что ее принимает с улыбкой любое время года, что Европа, ее юг и север, стали ей уютным домом.

– Наши предки, – рассуждал Николай, сидя как обычно далеко за полночь, за своим любимым письменным столом, – строили дворцы и освобождали Константинополь, наши потомки чтут их славные победы, уважают великую культуру, ими созданную, и не утрачивают дух и волю.

За спиной у нее в свете фонарей на императорской стеле поблескивал золотом двухглавый орел, который не оставлял в покое ни Восток, ни Запад. Ее история была с ней, орел, как один из символов, всегда сопровождал ее. Николай знал, что она никогда не поступится тем лучшим, что создали и передали ей наши славные предки. Но Николай стал понимать, что ее история началась намного раньше, что история едина. Она ещё так молода, да и история не стареет.

Колонны Акрополя, сводящие с ума своим совершенством весь мир, и тихая Итака, просто зовущая домой, – вот он стержень, который не дает ей упасть, а бесчисленные купола соборов дают возможность все выше и выше подниматься.

Пенелопы дома не было. История изменила сама себе. Андреас не верил своим глазам, рукам и даже сердцу. Его любовь словно покинула его, но витала где-то рядом или далеко, оставаясь связанной с ним какими-то невидимыми нитями. И поэтому каждое движение, каждый вздох ее причиняли ему невыносимые мучения. Ее голос сейчас колот его сердце терновым венцом. А воспоминания о поцелуях хлестали по щекам и обжигали хуже крапивы. По каким мостовым сейчас она шагала? Зачем она там шла?

Он еще не знал, что она вернется уже сегодня вечером. И это не будет его фантазией. Ее будет ждать его вино и его оливки, его Итака, их дом. Андреас всегда поражался тому, как она может столь сильно любить то, что было ей недоступно, но стало удивительно понятно. Ей стали более чем родными все ветра Эгейского моря и аромат Эллады, в котором отныне заключалась ее жизнь. Мозг Андреаса как всегда перерабатывал и анализировал, но сердце, сердце так не умело. Андреас ещё не знал, что она вернется уже сегодня вечером. Он ещё не знал, что потом будут падать с неба звезды на одиноком ночном июльском пляже; что он будет курить в шезлонге, а она, нагая, будет нежиться в пене морской. Он еще не знал, что она каждый вечер в свете луны или звезд будет собирать в их саду лепестки роз и засыпать ими простыни. Он многого еще не знал, как Одиссей, вернувшийся из долгого плавания по островам жизни. Он нашел мудрость, Афина и История не позволили ему ее лишиться.

Андреас тоже сидел за своим любимым столом, но в отличие от Николая он не знал, не верил и, возможно, даже не надеялся. Вдруг звонок из холодного далека. Она шагала, она возвращалась, она несла в себе родину, она несла в себе свет. Андреас пока еще с одним, но все же крылом помчался в аэропорт.

Дорога впереди вилась бесконечную серую лентой. Было так жарко, что казалось порой, она была залита водой. Но это был всего лишь мираж. В эту поездку Андреас и Нина погрузили все необходимые вещи в двухместный серебристый BMW и летели к своей цели, в одно из самых красивейших мест Греции, на Пилию, расположенное в центральной Греции, на восточном побережье. Из Афин до Св. Иоанниса было почти 5 часов пути, поэтому необходимо было делать остановки в дороге.

Нина любит останавливаться в пути, она вообще очень любит путешествовать. Но она не просто путешествует, она все изучает. Отдыхая, она черпает знания из любого источника: даже если это будет просто колодец с водой, она попытается исследовать его устройство и определить историческую ценность. Прекрасно зная то, что Древняя Эллада восхищает его любовь больше всего в этом мире, они решили было остановиться в Неа Ахиало, где велись археологические раскопки. Это есть одно из великого множества удивительных мест благословенной страны под политическим названием Греция и поэтическим – Эллада. На месте античного храма возвышалась единственная уцелевшая колонна, увенчанная коринфским орденом. Она была настолько прекрасна и в то же время одинока, что целиком все небо хотело утешить ее своей синевой. Если смотреть на нее точно снизу вверх, – белизна ее мрамора растворялась в синей бесконечности. Благодаря кристально-чистому воздуху тех мест, мрамор сохранил свой девственный цвет, не тронутый ни войнами, ни временем. К основанию колонны, словно к алтарю, были сложены сотни осколков и осколочков. Это были великолепные виньетки резной работы по мрамору, расположенные на притворах уже православного собора и его перил. Здесь одна эпоха плавно переходила в другую. Противоречия, если таковые и были, сгладились временем, и сейчас все они грудой лежали у ног красоты и совершенства. Даже довольно хорошо сохранившаяся мозаика на полу православного собора св. Димитрия словно воспевала эlegantность форм и содержания этой прекрасной колонны.

Античные купальни сопровождают весь этот комплекс творения рук человеческих до и после Рождества Христова. По византийским понятиям чистота души должна была сопровождаться обязательной чистотой тела, в которой как душа, так и тело непременно нуждаются для разумной и здоровой жизнедеятельности.

Нина, как горная козочка, прыгала с одного осколка на другой, все подробно рассматривала и анализировала, утверждая неперемное превосходство античной цивилизации Древней Греции и в последствии Византийской империи.

– Прошло немало веков и не одно тысячелетие, а ее розовая туника все та же, она любит ванны и ароматические масла, она так хорошо себя здесь чувствует, словно не только она, но и весь ее народ жил и творил здесь! А может быть, так и есть?! – Андреас искренне, до самой глубины души любовался своей супругой, она словно бы несла в себе всю мудрость и красоту его древней земли.

– Как она, дочь бескрайних лесов и равнин, может так любить, а главное, понимать все то, что живущим здесь далеко не всегда доступно? Поистине она обрела свою родину здесь, а я обрел в ней свою; нет, не так – я стал понимать и ценить свою отчизну много больше через нее. И она же стала неотъемлемой частью моей родины, – думая так, Андреас подошел и просто обнял Нину. Затем они осмотрели выставку огромных древних амфор, в которых когда-то хранилось оливковое масло. Это было прекрасное место для фото с видом на все раскопки. Андреас приступил к художественному отображению действительности посредством такого достижения цивилизации, как фотоаппарат. Нина же раскрыла свой ажурный зонтик, оберегая его тенью дыхание истории.

(Продолжение следует)

Переводы Елены Андрейченко

На суд благодарного читателя представляются четыре поэтических произведения Христоса Контовунисиоса в переводе на русский язык. Христос К. родился на Пелопоннесе. Увлекается поэзией с юных лет. Дипломат, ныне посол Греции в Финляндии. Автор нескольких поэтических сборников, эссе о европейской поэзии. Занимается поэтическими переводами с французского и английского.

Христос Контовунисиос

Я ВИДЕЛ ИСТОРИЮ

Повторяется только с разными
Царями кукольными в гриме,
С другими именами и на другой земле.

Я не просил объяснений. Есть свои.

Я занавес открыл,
Все то же повторение.
Царей нагих увидел я,
Разных цветов, да и размеров.

Я опустил занавес. Вернулся
На свое место. Закрыв глаза.
Я видел историю в хрустальном шаре:
Теряется она в похожих порочных кругах.

Брюссель 2010

ТВОИ ГЛАЗА

Море опустело в твоих глазах,
Глубинные неутомимые течения
Создали магическую гладь,
Заколдовали, нет сил подняться в воздух.

Твои глаза – огни аэропорта,
Они дают разрешение на взлет.
Ветер метал, встречая, гимн исполнял
Моей свободе, нет, освобождению.

Георгий Гамсахурдия

Родился 1960 году в городе Тбилиси. В 1978 году окончил 151 среднюю школу в Москве. В 1983 году окончил ГИТИС им. Луначарского, театроведческий факультет. Работал на киностудии «Грузия-фильм», в республиканской газете «Заря Востока» (Грузия). После 1992 года ведет свой бизнес. Автор пьес «Ромашки», «Сновидения немого, или Ветер в кулаке».

ВСЕ. КРОМЕ ОДНОЙ

(начало повести читайте в альманахе «Под небом единым», № 5.)

...Я написал Ее имя – и сжег! Я вырвал Ее из себя – сердце бросил бродячим псам.

Мы слишком были далеки. Слишком мы были близки. Моя женщина – должна быть только моей. И вряд ли кто со мной не согласится! У нас была разная жизнь, разная судьба, дороги, которые в точности повторяли друг друга, но соединиться им суждено не было. Ей было меня не догнать, а мне не остановиться – мы родились в разных мирах и даже в разных столетиях.

Я знал о ней все – с первой минуты и до последней.

Книга Ее жизни мне была подарена.

И дано право исправлять и дописывать, но сделать это я был не в силах. А читать – я люблю открывать наугад и проживать вместе с Ней минуты Ее жизни. Последняя страница. Она пуста. Оставлено место на несколько строк...

Я одеваю судьбу в праздничные одежды. Я любезно приглашаю на трапезу – она не отказывает и благодарит меня!

Я плаваю в разных мирах, угощаю пьянящей росой возлюбленных. Дикие танцы на кострах. Дерзкие поцелуи... поцелуи. И волны застилают берег. И снова. И сильнее.

Я дарю им свое сердце. Прохожу сквозь стену слез и забираю обратно.

Мой парус одиночества наполняется миллионами женщин, в которых я ищу Ее. И нахожу. Я и Она. Теряемся в лабиринтах и вновь соединяемся, высекаем телами искры, желая сгореть. И горим. Затаив дыхание, ныряем и отчаянно тратим последний вздох, не думая о возвращении.

Она заливает криком луга – «не отпускай!»

Я захлебываюсь. И глоток Ее возвращает мне жизнь.

Я прошу – «не отпускай!»

И потом истошно пою. И каждая песня последняя.

Потому что это не Она.

Деньги, деньги, деньги. Ах, эти вождельные, злобные бумажки, способные превратить воина в халдея, а княгиню – в потаскушку... И где кончается их сила?

Где начинается вечность.

Рядом всегда были потрясающе необычные женщины. Небосвод любой Вселенной считал бы за честь их присутствие.

Со Мною хотели быть все – но счастлив не был никто. И никогда я ни о чем не жалел.

– Вы боитесь смерти?

Я сказал бы – «еще нет». Потом, повзрослев – «дураки не боятся», а теперь...

– Уже нет, – ответил я. – Уже нет.

Свой страх я зарыл в землю.

Я закрыл дверь и выкинул ключи. Я заколотил окна. Я выщедил кровь и поставил бродить. Я не считал дни и ночи. Япил крепленное своими слезами вино.

Я потерял друга.

Я мог бы разорвать землю, Я смог бы вырвать себе глаза. Я сделал бы все – но не вернуть друга. Не все можно выразить словами. И... не крик – это было нечто другое. Вырвалось из моей души и заполонило все вокруг.

Я хотел уйти за ним, но не все должно делать, что можешь.

Последний Бокал. Я уже на краю Вселенной... Я выпил за Нее.

У тебя все будет хорошо, – прочитала Она мои слова.

Как сладко пушинке отдаться молодому ветру. Как завораживает быть любимой и любить. Как заманчиво не думать и только лишь довериться сердцу, которое накормят солью и нацарапают на нем «люблю».

Так зачем ценить, что и так твое? Зачем хранить?!

«Давайте исполнять желания друг друга», – прочитал я в ответ.

Она сохранила незабудки – на заливных лугах своей души. О, эта робкая, стыдливая поросль!

Туман моих воспоминаний стелился по траве, едва касаясь полевых цветов. Кто знал, что ветер разорвет его в клочья. И прошлое. И будущее.

Сбежавшие из зверинца всегда возвращаются обратно, если переживут дорогу, если свобода их не убьет. Пустой желудок – неплохой стимул. Пустая душа – болотные цветы для трясины. Но есть и те, для которых дармовая еда – смерть.

– Ты моя, звездочка, – прошептали ей глаза.

– Я не звезда, солнышко. И никогда ею не была! – странная штука – память. Она стирает все, что мешает настоящему. То, что мы приносим в жертву, – все, что было и что будет. И универсальный ответ на все вопросы... «потому» дает нам право сладко спать.

И как надо жить?
 Как хочешь.
 Как можешь.
 Как надо. Кому надо?!
 Что желала Она? Чего хотел я?

Когти, вонзившиеся в спину. Искусанное плечо. Дикий стон из самой глубины. Преданные глаза. И отданное мне обессиленное тело... Этого?

Что бы я ни делал, куда бы ни смотрел, мой компас с животным упорством показывал на Нее. Но почему?! Что таилось там, в той стороне? Моя юность звала и умоляла. А дерзкая молодость дразнила и хулиганила. Преданно и ласково смотрело в глаза детство. Время, в котором не думаешь о завтрашнем. Когда можешь разрыдаться и уткнуться в родительское плечо. Когда не сделать неисправимое. Когда возможно невозможное.

В моей жизни всего лишь одна часть света.
 Она вернулась. Или вернулся я?

Смотрю Ей в глаза.
 – Жить сердцем нельзя...

Неужели, вылезая из постели чужого, для меня нашла лишь эти три слова?! Я хочу слышать совершенно другое. Ненавижу себя. Ненавижу Ее. Ее – ненавижу.

Будь мне воля начать заново – в своей жизни менять ничего не стал бы... Стал бы! Изменил каждую секунду, каждый час, день. А дожив до моих лет, оставил бы измененным, так, как есть? Опять менять.

Но я не буду больше голодным студентом. Дури не будет больше, чем ума, смелости – чем осторожности, любви – чем верности!

А если завяз, любое движение – шаг ко дну. В трясине помощи не ищи – напоит вонючей жижей, обнимет и уже не отпустит. Дотянись до юной и стройной березки и... испей напоследок сок.

Вечная жажда – любви... и крови.

Самка богомола откусывает голову... и съедает своего избранника.

Дочь вышла замуж. Вместе с ней ушла и Она – только дороги были разные. И никто не захотел смотреть Ей в след. И Она не обернулась.

Она купила толстую школьную тетрадь и стала писать. О том, как хотела бы. Она переписывала прошлое с той секунды, как пошло не так, как Ей сейчас хотелось. Она не спешит. Она наслаждается. Каждая минута важна, дорога. ...У алтаря. Отсюда сначала – переписывает написанное. Может, что-то упустила? Нет. Хочет пережить все заново. Придуманное – заново! Заново.

Это будет через много лет. А сейчас...

– Давайте, попробуем еще раз! – в Ее глазах мольба.

Бывает, рыбак отпускает пойманную рыбу. Каково счастье – с развороченной головой, но обратно в воду. А встречаются и голодные рыбаки. Но на крючке еще не знаешь, кто тащит тебя из воды.

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

– Давай.

Почему я так ответил? Что за идиотский вопрос! Да пусть летит все к чертям – Она моя звезда.

– Больше не буду никогда ошибаться, – жалко Ее... Нет, жалость неуместна.

Что есть силы, я потянул время назад. Начертанное в душе моей оставалось неизменным.

Бывает, мы обсуждаем Ее жизнь без меня. Это какая-то нереальная вещь. Не верю, что у Нее могла быть жизнь без меня.

– Пусть он попросит у меня руки!

Она часто пытается спровоцировать – это вызывает смех, а у нее – обиду. Я боюсь слишком приблизить Ее к себе и не думаю о том, что и как Она – без меня.

Я ошибся на несколько недель. Но просьбу выполнил. Зачем Ей было это?! Гордость и глупость – дети одной матери.

Когда-нибудь я заберу у Нее душу.

Свою душу.

Когда-нибудь я назначу ей казнь и приглашу гостей.

Когда-нибудь... Но не сейчас!

Сейчас я дарю то, с чем Она никогда не расстанется – мой крест.

Даже если расстанется.

Нарядная бумажка меняется на мешочек звонкой и блестящей монеты. Для свадьбы он необходим. А еще – маленький букет из роз. И белое... Она любит розовый цвет. Розовое платье. Нет, фаты не будет! Зачем прятать красоту?! Маленькое тоненькое колечко. Два. Еще жених. Красивый, сильный, умный – каменная стена! Которая впечатляет. И волнует. И богатый. Вот оно. Вот оно – ...!

Точка невозврата.

Любовь вызывает привыкание. Она должна быть со мной. Если не рядом, то в душе. И оттуда ей самой не выбраться.

– Ой, как вкусно! А есть то, что делать вы не умеете?

Ее день рождения. Мы летим на воздушном шаре. Низко, почти над землей.... среди персиковых деревьев. Она срывает спелые плоды.

Смотрю на Нее. Перелистываю прошлое. Стыскаваю зубы – до боли, сводит скулы. Не могу разжать.

– Угощайтесь!

Я ищу Ее в глазах. Я ищу Ее в Ее глазах – Ее! ...О, боже!

... из ртути меч не выковать, а отравить можно.

Когда-то – в прошлой жизни – я звал Ее показать мир! Она отказывалась и потом жалела. Я опять звал. И все повторялось. Я перестал. Я устал.

Как пьянит любовь, но как невыносимо похмелье.

Она вернулось. Но вера в Нее возвращаться не захотела...

Не стоит испытывать броню на прочность : она все равно треснет.
... если вера не вернется – я верну ее силой.

Я люблюсь Ею. Она расчесывает волосы. Теперь аккуратно приглаживает и собирает в хвостик.

– Не оставляйте меня, пока я не стану сильной, – улыбается мне.
Фальшивая любовь – хищная, изящная, манящая... и желанная сучка.
Волк не изменит своей подруге даже в неволе. Но люди – не звери.
Нет – не звери.
Измена себе – самая мерзкая.

В моих объятьях чужая. И я знаю, что это не Она, и я знаю, что я ее не люблю, и я делаю это.

Такая любовь для тела, а не для души...

Разорвали заблудшую по дороге. Еще одну. След в след – гиены.
Гроза началась.

Падальщики дерутся из-за еды. От хохота леденеют мозги.

Ливень.

Земля блестит. Промок. Ужас.

Под ногами – ужас.

Вымощена глазами моя тропа. И по моим когда-нибудь побегут.

И страх будет подкашивать ноги, а пронзительный визг этих уродов превращать в них же.

Повернулся.

Алчные огоньки. Первой пережегу горло крупной самке, что напротив меня.

Перерезал.

– Не оставлю тебя... никогда.

– Иногда «да» означает «нет», – Она повзрослела – я не заметил.

Солнце осторожно похлопывает по щеке и легонько тормозит. Я проснулся.
Где Она? Зову. За окном седина тополиного пуха разнесится по всему свету.
Она красит и мою голову. Одинокое летают миллионы пушинок.

Приготовлю Ей завтрак.

Под моими часами аккуратно сложенная бумага. Читаю: «Многое не говорится и скрывается. Это «многое» – произнести и даже написать... – комом в горле. Но я верю в Вас. Вы не просто так в моей жизни и не просто проходящий человек. Я никогда не перестану Вами дорожить. У Вас есть ответ на все вопросы. Попробуйте их честно произнести вслух».

Из бумажки падает подаренный мною крест.

Календарь – отрываю день, следующий. Стою и отрываю. День за днем.
Долго смотреть – теряешь реальность.

Прошу мельника размолоть любовь. Развею по полю.

Утро.

Среди огромных незабудок – за ночь выросли.

Не видно всадника на коне.

Растут прямо на глазах.
Огромные.
Небо закрывают.
Тысячи желтых глаз надо мною – с голубого неба.
Ветер нежно раздевает цветы.
Падают, падают лепестки.
И небо – под ногами.
Прижимаюсь осторожно к незабудке... в неглиже.
Представляю, как обнимаю, ласкаю.
Целую цветы.

Она уйдет только с моим последним вздохом.

Крест этот теперь мой.

... бегу.

... ищут.

Надо бежать, прятаться. Голоса. Крики. Ни секунды... – не могу собраться. Только побег, и только укрыться.

Змеи парят над землей. И с лаем набрасываются на людей. Стаей. Хлещут хвостами. Выбирают жертву и убивают. И находят следующую.

Страх не дает передышки. Не дает включить мозги. Только инстинкт. Невыносимо.

... еще немного.

... и сломаюсь.

... сдамся.

Нет – бегу. И все сначала. Который день не сплю?! Устал бояться. Хруст веток. Прячусь. Бегу.

Сейчас... сейчас закричу.

Страх.

В холодном поту – очнулся.

На свежий воздух!

Мы не друзья и не враги. Каждый сам по себе. Он пристально наблюдает за мной – я смотрю ему в глаза. Бывает, плачет, сердится, радуется – смеется... ругается. Но мы похожи – я и ночной город. Гуляю.

Ветер в спину. Обнимает и шепчет... – Ты Ее обожаешь.... одно слово, радость..., да что угодно – только лишь бы от Нее. И Ты над планетой. Ты в облаках. Не знаешь, как это назвать? Может, как другие, – любовь.

Нас разделяют тысячи километров. Ожидание следующего письма становится смыслом жизни. Наши мысли мостятся в дорогу, но пока по ней не пройти.

Я подойду сейчас к двери, открою, и на пороге будет стоять Она. Я не спеша подхожу к двери. Медленно проворачиваю замок, снимаю цепочку, берусь за ручку, и... остается только открыть дверь. Сейчас открою. И... не буду открывать! Звонок. Звонок.

Я готов воткнуть в живот кинжал – и повернуть... медленно, с наслаждением, отчаянно. Я проходил этот коридор. Тысячи раз проходил. И не решался открыть. И сейчас не открою. Нет Ее там.

Животные убивают ради еды, но не человек. Ему убивать в удовольствии... даже себя.

Акварель моей жизни размывала слякоть. Очертания таяли, а цвета побеждала серость.

Я спал день. Другой. Десятый. Сотый...

Жизнь прошла, а когда проснулся, ангелы думали о петухах и подыскивали место снести яйцо.

Голубятня для голубей. А небо – для ветра. А для меня?

На переезде я сторож. Пусть мелькают поезда... чужая... моя жизнь. На огонек слетаются мотыльки и ночные бабочки. Мурлыканьем печи заслушиваются влюбленные из пронсящих поездов. Привыкнуть можно ко всему, но к тому, чтобы быть нелюбимым, – нет. Я скучаю. Она нужна мне.

Перед пропастью, свесив ноги, – Я и одиночество. У нас столько общего – интересы... и вообще. Я уверен в нем. Никогда меня не оставит – даже после смерти.

И нам уже сказать друг другу нечего. Кидаем по очереди в темноту камешки – ждем услышать звук.

Ждем.

Тишина кричит, надрывая связки.

– Спасите меня!

Я никогда не понимал, кто я для Нее. Получалось так, что был я всем и одновременно никем. Мы стояли друг перед другом, ощущая дыхание... Каждый знал, что страши, но признаться себе – ...нет! Переступить через нее не хватало смелости – нас разделяла еле заметная черта.

Верный спутник. Не отстанет. Не перегонит. Дышит в такт ударам сердца. Есть и другой. Но тот предаст. И ненадежен. А веришь в него безгранично. Время и будущее. Еле заметная черта.

– Объяснять не надо – скажи, что нужно сделать?

И я сделал. Больше, чем мог. Но сделал.

Мы смотрим друг другу в глаза. Молча. Без слов. Этого достаточно. И разговор без начала и конца.

«Люблю» Она не скажет. Да и надо ли теперь?!

Надо.

Но – не скажет.

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

Проказа – оставляет свой след на теле, но душа... Душа ей неподвластна.

Будет случайная встреча. Она все так же хороша. Я Ее внимательно буду рассматривать. Потому что другого раза может и не быть.

– Мой муж похож на тебя... – впервые Она обратится ко мне на ты.

И так защемит. Так заболит. Перехватит дыхание. Возьму Ее руку, прижму к губам ладонь, улыбнусь и тихо прошепчу... Всего лишь представлю. Я не буду знать, что Ей ответить. Пройдет тысяча лет, и я скажу...

– Можно обняться с дождем? – и обниму. И не смогу разжать объятия.

Соловьи слетятся со всех сторон, рассядутся по веткам и станут тихо слушать, как поет моя душа. Луна уставится в упор единственным глазом. Будет смотреть и застенчиво мурлыкать.

– Я не такая, какой ты меня всегда представлял.
– Самое главное в жизни – убедительно себя обмануть, – отвечу я.
– Возьмите меня с собой.

Я захочу сказать «да». И это уже на языке... Луна закроет свой глаз и растворится в темноте. А соловьи один за другим станут падать с веток и замертво превращаться в воробьев...

Здесь нет камер, охранников и колючей проволоки, нет заключенных. Отсюда не сбежать. Если только срок сократить. Вечность. Темница, сплетенная из лицемерных мыслей, придуманных пут и лживых обещаний. Тюрьма моих заблуждений.

Я ничего и никогда не забываю. Но не тот – день последний. За последними всегда следовали первые. Но тот оказался последним. Я его не помню. Не буду помнить. Не хочу помнить.

Как высоко бы ни парил воздушный змей – без нити полета не будет. Хоть невидимая, но быть она должна. И мы полетели. И нить раскручивалась, а ветер бережно и нежно поднимал все выше и выше. И мы на Млечном Пути. До ближайшей звезды подать рукой. Но она не моя. Моя здесь. Рядом. Прижимается к плечу. И где-то далеко виднеется Земля. А тишина поет свою вечную песнь.

– Тебе не жаль возвращаться?

В ответ – грустная и обезоруживающая улыбка.

Но даже самая длинная дорога когда-то заканчивается. Вот мы на краю. И я не могу сказать то, что должен. Не могу. И это мой выбор.

Любить нелюбимую – обычное дело.

Любить любимую – ...не каждому выпадает.

Мне не снятся сны, и я не вижу, как мы растворяемся теплым майским вечером в утренней дымке. Не вижу, как Она целует мои глаза, а я каждый Ее пальчик. Как умываю Ее утренней росой. Как бегу за цветами – успеть, пока Она не проснулась...

Нет, не то. Не то! Мне надо еще рассказать моему сыну, как найти звезду. Научить драться. А кому он расскажет о своей первой девушке?! А еще мне... Я просто не смогу ему сказать. Не смогу.

Комета разрезала небо, как праздничный торт – это наш танец – томный, мучительный. Последний. Я не спешил. Передо мной была вечность. Я знал, что больше к ней не прикоснусь. Не услышу ее смеха. Не поймаю взгляд.

И день прошел без Нее. За ним – другой. За ним еще и еще... и еще, и еще. Краски тускнели. Звуки теряли остроту. Сердце спокойно и размеренно отсчитывало предоставленное ему время. Все возвращалось на свои места.

Но вместо солнца взошла луна.

Передо мной белый лист. Беру перо. Макаю в прошлое и возвращаю Ей все слова. Все до одного. А главное – пишу то, что должен был сказать. Обязан. Мысли пролетают пулями. Но я успеваю. Исписаны сотни страниц. Они, как ласточки перед дождем, кружат надо мной и смотрят преданно в глаза – и ждут. Лететь – знают, куда.

Первой вспыхнула страница, где я написал – «не отпускай!» И этот огненный хищник жадно заглатывал мои незащитные чувства, излитые на бумагу. Их уже сотни – меня осыпают пеплом. И каждая оставляет на темени свою предательскую черную метку.

Вырваться из вечности – удел немногих. А смерть – она для всех. Я состарюсь и умру. И это неизбежно.

Ожидание смерти.

Завещание.

Каждый получит необходимое. Кто – деньги, кто – доброе имя, кто – зажженный мной очаг, одежду, картины, мебель, книги, машину, землю. Я раздал все – до последней ржавой булавки. Осталось сердце.

Не нужно никому.

Даже мне.

В помойку.

Такова моя воля. Таково мое завещание.

Мне не стыдно ни за одну из прожитых жизней. Я не вырывал у времени лишнее. Не отказывался от своих слов. Помогал и не требовал взамен благодарности. Не дорожил настолько жизнью, чтоб принести в жертву чужую...

Любил. Не предавал.

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

Закрываю глаза...

Стрела летит. Другая. Попадает и ломается. Со всех сторон пронзительный свист натянутой тетивы. Лучницы в масках целятся в упор и стреляют. Колчаны истощаются. Подбираю стрелу. На ней написан... Знаю ответ. Беру следующую. И этот мне известен. И этот. И этот... И вот у каждой осталось по одной стреле.

Одна за другой снимают маски. Они так похожи друг на друга. Знакомые черты.

Одна из них натягивает лук – и с криком выпускает ввысь стрелу. Летит и исчезает из вида.

Резкая боль в плече. Наконечника не видно. Выдернул. Рассматриваю.

– На этой надписи нет.

Они молча, одна за другой, вкладывают стрелы в лук.

– Пусто, – удивленно говорю я.

Натягивают.

И отпускают.

Стрелы исчезают в вышине.

– Моя звезда не должна была упасть. Я позволил. Я виноват. Но мне дано было право искать, а не познать истину...

Ничего уже не изменить – стрелы возвращаются. Я встречаю их с распростертыми объятиями...

Вновь открыть глаза не хватило сил.

...Она не проронит ни слова. Она продолжает варить обед. Убирает дом. Кормит кота. Стирает. Моет посуду. Меняет постель. Поливает цветы.

А утром ветер жадно пьет соленую влагу с Ее постели. И следующим утром тоже. И следующим. И следующим... И не может напиться.

Розы в поганом ведре. Сморщенные, опавшие, голые. Красота бывает бывшей?! А любовь?

Я больше не возьму ее за руку. Не поранюсь о Ее колючки... и не подарю частичку себя. И не встречу ни в одной из последующих жизней.

Страшное слово – «никогда». Теперь Она поняла его смысл.

...я не могу Ей ничем помочь.

Ибо Звезда, упавшая на землю, превращается в пыль. А человек, Ее покинувший, – в ангела. Ангела-хранителя – чтоб исполнять мечты.

Пришла зима...

Весна...

Лето...

И осень...

Но никто никого не ждал... и не искал!
...А мечты исполнялись...

Все!
Кроме одной.

.....
Птицы поздно начали свой перелет.
Осень обманула, затяжная и теплая.
Умные остались. Знали, что последнее гнездо в жизни уже свито.
Отчаянные – полетели.
Молча.
Другие горланили.
Прощались. До хрипоты.

Жизнь продолжается даже тогда, когда ей продолжаться не стоит.

(Продолжение читайте в следующем номере)

Людмила Клёнова

Родилась на Украине. Окончила Харьковский институт искусств. По основной специальности – музыкант, пианистка. С 1999 года живёт в Израиле (г. Ашкелон). Первый сборник «Я слушаю дыхание стиха» вышел в 1998 году на Украине. Остальные – уже в Израиле: «Прикосновение» и «Я не скучаю по снегам» в 2000 году; «Отражения» в 2004 году; «Контрасты» и «За жизнь до мига» в 2006 году. В последний, изданный в 2008 году, сборник «Крылья строчек» вошли и стихи, и проза автора. Стихи публикуются в альманахах и антологиях Израиля, Финляндии, Германии, России. Член Союза писателей Израиля. Член Международного союза писателей «Новый современник», член международной творческой ассоциации «Тайвас».

СВЕЧА НА РОЯЛЕ

Свеча на рояле – и клавиши тонут
В оранжевых бликах минорного флёра,
В тревожном мерцанье – и в сполохах томных,
Где грани сотрутся меж чёрным и белым –
Где грани сотрутся меж белым и чёрным...

А в клавишах живы мазурки Шопена,
И тихая, тёплая прелесть ноктюрна –
Как ждут они – выпустит кто-то из плена
Их светлую душу... И чтобы бравурно
Взлетели пассажи из ночи – к рассвету,
От гулко баса – к подвескам хрустальным
Высоких регистров, наполненных светом,
И трелями птиц над землёю усталой...

Но где же те руки, что к ним прикоснутся
С умелой лаской и с искренней страстью?
Ах, как же им хочется, вздрогнув, проснуться,
И выдохнуть в нежность аккорда: «Ну, здравствуй...»

7.04.12

КОЛХИДА

Здесь – ветра. И просторы заснежены.
И сражается с веком планета...
...А за далью столетий по-прежнему
Спит Колхиды беспечное лето...

Там любви нашей поле засеяно
Не камнями – зубами Дракона...
Но звонишь ты – и вновь оно зелено –
Нет ни зим, ни замков, ни законов...

Нам неважно, что Сцилла с Харибдою...
Нашей жизни меж ними пространство...
Белым голубем, юркою рыбкою
Мы друг к другу приходим из странствий...

Если вместе мы, – ласкою тёплой
Вновь чарует Медея Ясона –
Снова тянутся к солнышку тополи,
Обнимаясь с ветрами влюблённо...

Пусть Орфей допоёт ту беспечную
Нашу песню, где в капле росинки –
Целый мир на ладони у Вечности,
Где по звёздам мы ходим босыми...

Я не кладам, не злату завидую –
Только Небу, где лунные свечи...
Пусть хранится волшебной Колхидою
Золотое Руно нашей встречи...

9.02.12

КОЕ-ЧТО О ТЕАТРЕ

Несовпадение жизни и игры...
Несовпадение образа и ...жизни...
Но и в игру не вступишь до поры...
И нет пути назад – судьба капризна...

Ты здесь – Ромео – частью... А другой –
Уже Тибальд, и люто ненавидишь
И этих пьес наркотик, и запой,
И акт последний... За него – не выйдешь...

Тебе реальность кажется пустой...
И лишь на дне гранёного стакана
Мелькнёт ответ, до ужаса простой:
Реальность эта вовсе не желанна;

И жизнь твоя – за створками кулис,
За той горящей рампы горизонтом,
Где шаг один – полёт смертельный вниз,
Где взгляд в глаза – и ты уже сожжён... Но

Вот это пламя – жизнь твоя и есть;
Сгорая в ней, летишь в неё обратно...
На сцене ты вчера... сегодня... здесь...
Как воск свечи, сгоревшей невозвратно...

Но только снова – магия... Софит...
И в новой роли – вновь с судьбою в споре...
И путь в твоё безвременье открыт...
На сцену шаг, и... Ну же – в путь, актёры!

3.03.12

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ И ДУШЕ

Густо-горький полынный вкус,
Ветра северного пророчество...
Безнадёжный, спокойный пульс –
Внутривенное одиночество...

Как свободен полёт души,
К обязательствам не прикованной!
Над порогом прибить спеши
Счастье звонкой литой подковою...

Но замкнёт полукруг кольцо,
Не выдерживая реальности –
И родное твоё крыльцо
Выбивается из тональности,

Где звенит золотой рассвет
Ре-мажорной кантатой гения...
Есть душа... Но свободы нет
В человеческом воплощении,

Если помнится тёплый взгляд
И часы, что считать не хочется...
Только – Время... Подкожно – яд...
Изначальное одиночество...

ПО ЛЕНТЕ МЁБИУСА

Как перемешаны дороги, как перепутаны пути...
Но зов Небес – спокойно-строгий – себя позволит нам найти,
И тех дорог не испугаться; и, всех падений не страшась,
С молитвой снова подниматься – и делать – снова – первый шаг...

И осознать, что так жестока – и так оправдана судьба,
Не позволяя раньше срока убить в самом себе раба,
Чтоб, обрета потом свободу от всяких «надо» и «нельзя»,
Высокомерных снобов сброду смотреть не сморщившись в глаза;

Чтоб НАД молчанием и речью,
Сквозь все нелепости в судьбе,
По ленте Мёбиуса вечной
Прийти в себя...
ПРИЙТИ К СЕБЕ...

НА БЕЗДОННОСТЬ МОЕЙ ТРЕВОГИ

На бездонность моей тревоги
Тихо падает звёздный свет...
Мне к тебе не сыскать дороги:
В этой Вечности тропки нет;
На объятую стужей душу
Тихо падает снег утрат...
Равновесия не нарушу –
Значит, этим утратам рад
Камертон, что настроил сердце
Боль лелеять, но лишь в себе,
И пытаться в ночи согреться,
Прислонившись к чужой судьбе...
И беда ли, что стала нужной
Чья-то жизнь – вопреки всему...
Перерубленным полукружьем –
Плач луны у меня в дому...
Я ему отвечать не смею,
От весны схоронив ключи,
Оттого-то теплом и грею
Ласку, сказочную почти...

Только мысль – опьянённой птицей...
Кто полёт её запретит?
Пусть мечты моей колесница
Без дороги к тебе спешит;

И, отдав себя в радость плена,
Я звездой засвечусь – лови!
Нет печали в моей Вселенной –
Лишь тревога – в огне любви...

ГОРОД ПАДАЛ В ДОЖДИ

Город падал в дожди. И утро
Потемнело, не дав понять,
Что рассвет наступил... Как будто
Время впрямь повернуло вспять –
И опять после ночи будет
Только сумерек зыбкий цвет...
И – без праздников... Только будни,
Как дожди, затуманят свет...

Потерпи! Пусть дождями смоет
И усталость, и боль потерь –
И, ликуя, взлетит над морем
Белый парус, наметив дверь
Из безвыходности – в надежду,
Из отчаянья – в тишину...
И покажется время прежним,
После зим торопясь в весну,
Где дожди? – только помощь неба,
Чтоб росткам прорасти сквозь страх,
Чтоб пробилась грядущим хлебом
Зелень юная на полях...

Протерпи! Даже если скован
Закононья простор дождём
И в тебе отзовется словом
Мой невидимый окоём,
Лишь намёком рисуя – мудро –
Мой бунтующий, гордый нрав...
Город падал в дожди – и утро
Потемнело, дожди приняв...

17.01.12

Анатолий Зусман

Родился в 1936 году в Ростове-на-Дону (Россия), окончил в 1959 году Новочеркасский политехнический институт, с 2005 года живёт в Израиле, в г. Тверии. Член литературного объединения «Волны Кинерета». Опубликовал еврейский приключенческий роман «Одиссея далекого предка» и сборник повестей и рассказов «Дорогами войны». Один из составителей и авторов сборника стихов о Холокосте «Долг памяти моей» (Россия, Екатеринбург). Печатался в ряде литературных альманахов Израиля и США.

Я НЕ ОТДАМ ЕЁ ТЕБЕ, ГОСПОДИ!

Стояла поздняя осень. Деревья торопились сбросить последние листья, чудом удержавшиеся до первых заморозков. В больнице было тепло и уютно. Коридор сверкал первозданной чистотой, какая бывает только в больницах, а легкий, чуть уловимый, типично больничный запах, создавал атмосферу покоя.

В саду, прилегающем к зданию, гуляли «ходячие» больные. Среди друзей и родственников, одетых кто во что, их выделяли голубые халаты и пижамы. И если бы не халаты и пижамы, то можно было бы подумать, что это городской парк, какой можно увидеть почти в любом городе. Картину дополняли разноцветно выкрашенные скамьи и несколько клумб с цветами. Санаторий, да и только.

Мужчина среднего возраста, может, даже несколько выше среднего, судя по походке, крепкий и уверенный в себе, торопливо пересёк парк и вошёл в здание больницы. На нём были добротное, но немного помятое пальто серого цвета, велюровая шляпа, удивительно совпадающая по цвету с пальто, новые модные чёрные туфли, на которых лежал лёгкий налёт пыли, как будто он проделал неблизкий путь и не имел времени или возможности привести себя в порядок. Он шагал так быстро, что нам не удалось разглядеть его лицо. Последнее, что мы успели заметить, это была большая кожаная сумка, висевшая на плече.

Несмотря на то, что людей в парке гуляло довольно много, взгляд выделил именно этого человека. Очевидно, потому, что время для посещения больницы подходило к концу и больше никто не приходил. Но нет. От мужчины исходило что-то такое, что привлекло к нему внимание. И мы последовали за ним.

Пройдя по коридору до кабинета с табличкой «Главный врач», он поступал. Услыхав «Войдите», открыл дверь и, входя, снял шляпу.

– Здравствуйте. Мне нужен главный врач. Я Демфри, Жорж Демфри.

– Здравствуйте, господин Демфри. Я главный врач. Мы вас очень ждем. Садитесь, пожалуйста. Чай, кофе?

– Спасибо. Я, получив Ваше приглашение, немедленно вылетел – и из аэропорта прямо к вам.

– Ну что ж, перейдем прямо к делу. Видите ли, состояние вашей жены резко ухудшилось и стало критическим. Если бы вы приехали завтра утром, я думаю, вы бы опоздали. Да, вы могли бы её уже не застать. Мне очень горько это говорить, но я должен сказать, чтобы вы знали правду.

– Как же так! Я... я надеялся, что через неделю, от силы две, смогу забрать жену домой, – мужчина немного помолчал, собираясь с мыслями. Он был явно растерян. Нижняя его губа стала дрожать, а шляпа в руках превратилась во что-то бесформенное. Наконец он немного справился с собой, лицо его изменилось, в глазах появилась надежда.

– Доктор, а может, вы ошиблись? Это же моя жена, как же так? Она... она же ещё молодая и такая красивая. Ну скажите, пожалуйста, что вы ошиблись, и она будет жить. Я вас умоляю!

– Как бы я хотел, чтобы мой диагноз и прогноз были ошибкой.

– Доктор, ну, может, хоть что-то можно сделать?

Главный врач ничего не ответил, только покачал головой: он привык ко всяким, даже очень трудным ситуациям.

– И сколько, сколько ей... – Жорж попытался подобрать подходящее слово, не нашел и закончил фразу, – жить?

– Сегодня вечером она умрёт. Сделать ничего нельзя, медицина бессильна. Давайте, я проведу вас в палату.

– Да-да, не будем терять времени.

Они поднялись, вышли из кабинета и до входа в палату не проронили ни слова. Каждый ушёл в себя, хотя думали они, вероятно, об одном и том же. Главный врач открыл дверь и первым вошел в палату.

После залитого солнцем коридора полумрак комнаты, с окнами, задёрнутыми плотными шторами, показался глубоким мраком. Войдя, Жорж на секунду закрыл глаза, чтобы скорее к нему привыкнуть.

В палате стояли две кровати. На одной лежала женщина. Вторая, застеленная белым выглаженным бельем, пустовала. Комната поражала обилием разных медицинских приборов, большей частью подключенных к женщине. На большом электронном пульте мигали сигнальные лампочки, выписывались разноцветные линии. Завершали обстановку прикроватные тумбочки и горшок с цветами. Но ни приборов, ни чего-то другого Жорж не видел. Его взгляд был устремлен на женщину. Он тихонько приблизился к ней и опустился на колени. Весь мир исчез – осталась только она.

Женщина была бледна, очень бледна. Казалось, в ней нет ни кровинки. Начинающие сесть густые волосы сохраняли прежнюю красоту. Женщина лежала с закрытыми глазами, она то ли спала, то ли находилась без сознания.

Жорж коснулся её руки, погладил, затем очень осторожно взял маленькую и такую беззащитную женскую руку в свою. Очень странно, но вскоре щёки женщины порозовели, словно жизненная сила мужчины стала передаваться ей.

Кто-то пододвинул к нему стул, взял за плечи и усадил. Жорж даже не поблагодарил, он просто этого не заметил. Не отрывая взгляда от лица той, которая более двадцати лет была его женой, продолжая держать её руку в своей, он начал молиться.

Он стал просить Бога не забирать его Ирэн. Медленно, подбирая слова, он вслух рассказывал Ему всю историю их жизни и любви. Он говорил, а перед глазами проплывали прекрасные мгновенья прошедшей жизни. Казалось, сам Бог помогает ему в этой молитве, с такой ясностью и подробностью всё вспоминалось.

Знакомство. Оно отличалось от всех предыдущих знакомств. Не было ни оценивающих взглядов, ни привычных избитых фраз, язык вообще перестал слушаться и как бы одеревенел. Что-то сразу приковало его к ней, парализовало не только язык, но и ум. Такое ощущение от первых минут их знакомства осталось на всю жизнь. А затем наступила свобода, легкость, теперь он уже не мог остановиться и говорил, говорил, нёс всякую чепуху, а она смеялась, и этот смех заполнял голову, сердце, душу и побуждал его дальше нести чепуху.

Перед глазами возникла новая картина – их первый поцелуй. Говорят, что первый поцелуй, как и первая любовь, запоминаются на всю жизнь. Наверное, это так, если он всё хорошо помнит.

Стоял тихий вечер, он провожал её домой. Подошел момент расставания, а ему этого так не хотелось. Никогда прежде он не обнимал и не целовал девушек. И он не знал, как это делается. Волнение распирало его грудь, он смотрел в её чудесные глаза, чувствовал запах её кожи, у него слегка кружилась голова.

И вдруг он обнял её и нежно поцеловал. И испугался. Что он наделал! Разве мог он к ней прикоснуться! Но горячая волна, волна радости прошлась по всему его телу, заставила задрожать, перехватила дыхание.

А она... Она стояла рядом и чуть смущённо улыбалась. Она хотела и не ожидала от него такой смелости. Но то была не смелость, собственно, потом он не мог, как ни вспоминал, объяснить себе, что же это было. Просто это был его первый поцелуй.

Домой он не шёл, летел весь в объятьях этого короткого, робкого и такого волнующего поцелуя. Вот так, наверное, образуются миры – представлялось ему. Таким и остался в памяти этот первый поцелуй.

И вот уже рядом с ними их очаровательные дети...

Наступила ночь. Те часы, что главный врач отвел Ирэн, истекли. А Жоржу, сидевшему неподвижно, они показались мгновением. Не отпуская её руки, держа её, чтобы она его не оставила, была с ним, Жорж продолжал свой разговор с Богом и своей Ирэн. Утром главный врач заглянул в палату и увидел Жоржа в той же позе, в которой его покинул. Приборы показывали, что женщина жива. Ирэн поменяли капельницы, записали пульс, давление, температуру, уровень кислорода в крови, что-то ещё, понятное только врачам и медсестрам. Жорж не шевелился. Он продолжал сидеть рядом и держать в своей руке её руку.

Ему принесли завтрак, но он не прикоснулся к нему. Ведь в своих руках он держал её жизнь, их души слились и поддерживали друг друга. И он продолжал вспоминать.

Как они были счастливы! И вдруг эта болезнь. Она как смерч ворвалась в их дом и разметала всё вокруг. Всё произошло так быстро и так несправедливо, что они не успели опомниться.

– Господи! За что?! Нет, я не отдам её Тебе!

Настало новое утро. Совершая обход, главный врач подошел к Жоржу, мягко обнял его за плечи и предложил немного отдохнуть, сказав, что посидит с Ирэн вместо него. Но Жорж отказался. Теперь он точно знал: пока он с ней, пока он держит её руку в своей, Ирэн будет жить. Она не покинет его.

На четвертое утро медсестра, зашедшая в палату, увидела, что приборы выписывают прямую линию. А руки Жоржа и Ирэн были соединены. Медсестра прикоснулась к Жоржу. Рука его была холодной...

Арье Бацаль

Дата рождения – 10.11.1937. Автор сборника рассказов «Цена бессмертия» – 2006, романов «Камера клаустрофобии» – 2008 и «Божий дар» (трилогия) – 2010, сказания «Послепасхальная агада», а также стихов и рассказов, опубликованных в израильских русскоязычных газетах «Время», «Новости недели» и журналах «22», «Русское литературное эхо», «Хронометр», «Алия» в течение 2003 – 2010 годов.

МАСКИ

Вокруг фигуры в масках маскарадных
В каком-то призрачном волшебном сне,
Одна из самых стройных и нарядных
Как-будто улыбнулась мне.

Иду за ней, от предвкушений таю,
Я этой встрече несказанно рад,
Вот маску я её приподнимаю...
И пячусь в ужасе назад!

Но мысль меня догадкой тревожит,
Что, может быть, под маской маска тоже!
Потом ещё, и там, внутри всего
В конечном счёте нету ничего:

Ни дивных женских глаз, ни ласки!
Не лучше ль жить, не поднимая маски?

СТАРЫЙ ХОЛСТ

Холст, сотканный весенним сном,
Натянут на мольберт мечтаний,
Любовь -художница на нём
Кладёт мазки очарований.

И, отстранясь от полотна,
Глядит и думает, зевая,
О, боже мой, мазня какая!
А я была увлечена.

И холст отправлен на чердак,
И там, заброшенный, пылится,
А в это время время длится,
И жизнь проносится вот так.

Уже с верхушек старых сосен
Спускается на землю осень
И вместо гаснущих желаний
Приносит дань воспоминаний.

Холст возвращён, и взгляд бесстрастно
Забытую картину мерит,
И смотрит, и глазам не верит,
О как же, как она прекрасна!

ДОЛГАЯ БЛАГОПОЛУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*Жизнь казалась такою славною,
Были в ней и любовь, и значение,
Так откуда же ощущение,
Что пропущено что-то главное?*

Мне было двадцать лет, а ей семнадцать. Я выходил из лифта, а она хотела в него войти. И, естественно, наши взгляды встретились.

– Ну как? – неожиданно для самого себя произнёс я.

– **Здорово!** – ответила она.

Я не был таким уж невоспитанным хамом, чтобы ни с того ни с сего задавать незнакомой девушке подобный вопрос. Но я же задал его. Задал и потом пытался объяснить самому себе, почему. Она была очень красивая? Да, если уточнить, что такое женская красота. А я давно пришёл к выводу, что это сочетание доброты и здоровья. Её же внешность просто сияла красотой

доброты. Поэтому перед неизбежной перспективой её исчезновения за дверью лифт, из меня и вырвалось это несурзное «Ну как?».

Но почему она ответила? Просто была не в состоянии кого-то оборвать или поставить на место? Доброта же. И спонтанно произнесла это своё «Здорово!». А за ним стояло мироощущение девчонки, стремительно входящей в жизнь, где все ей улыбались. Это действительно было здорово.

И был ещё один вариант объяснения. Я ей тоже понравился, и её «Здорово!» выражало восторг именно по этому поводу. Но подобная трактовка, конечно же, выглядела как форменный бред.

Этот немногословный диалог довольно долго владел моим воображением. Потом он постепенно был оттеснён на второй план другими впечатлениями. Я в свои двадцать лет тоже находился в мире, где всё было «здорово». Но мы жили в соседних домах, и иногда мне приходилось издали видеть её. Я был свидетелем, как это угловатое юное создание постепенно наполнялось формами сказочной принцессы на выданье.

Когда мне исполнилось тридцать, у меня возникла странная идея повторить ту, десятилетней давности, встречу. Мечты бывают несбыточными. Но эта, похоже, к ним не относилась. В свои двадцать семь лет она должна была где-то служить. Прикинув время возвращения людей с работы, я вошёл в её подъезд, поднялся на верхний этаж и некоторое время наблюдал за улицей сквозь фигурные щели внешней стены, ограждавшей лестничный марш. Когда показалась её фигура, я вошёл в лифт и стал ждать. Вскоре лифт стремительно понёсся вниз, остановился и раскрыл свою дверь. Мы стояли лицом к лицу. Такой несказанно красивой я её себе и представлял.

– Ну как? – я принудил себя произнести этот вопрос и сделал шаг наружу.

– **Прекрасно!**

Она улыбалась такой радостной, счастливой улыбкой, что я просто ошарашен. Ну не по поводу же моего неожиданного появления. Просто я возник перед ней в момент, когда она думала о чём-то очень приятном. Меня-то она, скорее всего, даже не узнала.

Автоматическая дверь безжалостно положила конец нашему диалогу. Я медленно зашагал к выходу. Что значило это «Прекрасно!»? Жизнь возносила её на вершину любви и счастья? Она преуспевала в работе? Мир был полон чудесных замыслов? Да. Очевидно. И она со своей красотой такой участи вполне соответствовала.

Несколько месяцев эта встреча не выходила из моей головы. Но со временем воспоминание о ней потускнело. Меня, тридцатилетнего, окружала жизнь, полная многообещающих надежд. Её тоже можно было оценить словом «Прекрасно!».

Незаметно подкралось сорокалетие. Я отмечал его вместе с женой, в окружении друзей. Мы пили вино, танцевали. Музыка и весёлый смех дополняли атмосферу безоблачного праздника. Но придирчивая система самоанализа всё же фиксировала в этой красочной палитре жизни какое-то пятнышко несоответствия. Только к концу вечера я понял, в чём дело. Я должен с ней встретиться. И задать свой дурацкий вопрос. Её ожидаемый ответ содержал оценку и моего собственного бытия. Между нами существовала какая-то внутренняя связь.

На следующий день я повторил свой нехитрый трюк, обеспечивающий нашу встречу. Дверь лифта сдвинулась, и мы несколько секунд стояли друг против друга. Она узнала меня и обрадовалась. В этом невозможно было ошибиться, глядя на её улыбку. Она чуть раздалась в бёдрах, доброта её лица стала царственной. Это был настоящий апофеоз женственности. Я на мгновение представил себя с нею в интимной обстановке. Какое это было бы головокружительное счастье! Но у каждого из нас уже существовал сложившийся ареал благополучия, и его разрушение едва ли можно было чем-то оправдать.

– Ну как?

– **Вполне!** – ответила она, находясь уже в лифте.

Её ответ был обоснованной оценкой ответственного человека. Но секунды, отпущенные нам для свидания, кончилось. Я брёл домой, анализируя оттенки произнесённого ею слова. Она продолжала парить на уровне своих высших достижений. Окружающие её обожали. Семейная жизнь складывалась благополучно. В карьере ей сопутствовала удача. «**Вполне!**» как нельзя лучше выражало подобное положение дел. И ко мне это относилось в такой же мере. Эта встреча уже не исчезала из моей памяти.

Так я дожил до пятидесяти. Отмечая полувековой юбилей, я уже заранее знал, чем он кончится. Конечно же, встречей с ней.

При моём появлении её лицо озарилось улыбкой облегчения. Как будто она что-то долго искала и наконец нашла. Значит, она ждала меня? Она сохранила стройность фигуры и пленительную женственность. Хотя в глазах уже не было прежнего блеска.

– Ну как? – за прошедшее время я так и не придумал ничего лучшего.

– **Всё ещё...** – она как-то растерянно улыбнулась.

Теперь она стала неотъемлемой составляющей моего внутреннего мира. Иногда я с восхищением наблюдал за ней, но сближения не искал. Зачем? Бог дал нам, может быть, нечто большее – беспрецедентное и бесконечно чистое духовное общение, не искажённое грубыми реалиями материального мира.

Достигнув шестидесятилетия, я прежде всего подумал о встрече с ней и только потом об организации какого-то юбилейного вечера с участием родных и друзей.

Она стояла напротив и не торопилась входить в лифт. Её по-прежнему стройная, со вкусом одетая фигура ласкала глаз. А лицо в ореоле седеющих волос хранило пленительно-ласковую доброту под сеточкой едва наметившихся морщин. Она улыбалась приветливо, но с примесью грусти. Мне даже показалось, её глаза подёрнулись влагой.

– Ну как? – произнёс я заученные слова и сделал шаг наружу.

– **Нормально!** – её ответ сопровождался шумом закрывающейся двери лифта.

Что значит «**Нормально!**»? Сияющие прожектора любви и женского счастья остались позади. Колёса её судьбы продолжали катиться по безупречному дорожному покрытию в условиях неяркого, но вполне комфортного освещения. Этот переход в новое состояние произошёл почти незаметно, не давая оснований для мучительной тоски по безвозвратному прошлому. Разве что немного грусти. Я и сам испытывал подобные чувства.

Говорят, после пятидесяти годы несутся с удвоенной скоростью. В этом что-то есть. Ещё, казалось, недавно я отмечал своё шестидесятилетие. А вот мне уже восемьдесят. Значит, наступило долгожданное время нашего очередного свидания. Она оставалась единственной в этом мире женщиной, которая продолжала меня волновать. От своего соседа, знавшего её семью, я случайно узнал, что она стала вдовой.

Когда-то, в плену максимализма молодости, я пришёл к заключению, что настоящая человеческая жизнь кончается, когда из неё уходит любовь. От меня она не уходила. Отправляясь на встречу, я купил розу. Оказавшись лицом к лицу с ней у раскрытой двери лифта, я протянул ей цветок. Со времени последней встречи она почти не изменилась. Только морщин стало больше и кожа лица чуть темнее. А улыбка осталась прежней. Она извлекала из глубин её души свет неугасающего очарования.

– Ну как?

– **Вполне!** Спасибо за розу.

Автоматическая дверь лифта строго ограничила наше общение несколькими секундами. Но больше и не требовалось. Словно я читал чудесный роман, в котором автор доверил часть изложения воображению читателя. И я привык его домысливать. В возрасте тридцати семи лет она уже употребляла это слово. Разумеется, нынешнее «**Вполне!**» было совсем не тем. Но в этом возвращении к определению далёкой молодости, возможно, был особый смысл. Теперь, двигаясь в обратном направлении, она могла бы выбрать «**Прекрасно!**» в качестве следующего определения, а потом и «**Здорово!**». И тогда круг замкнётся.

А я? Я тоже «**Вполне!**»? Да, конечно, всё ещё вполне.

Но, достигнув девяностолетия, я явно ощутил дыхание старости. Дети и внуки организовали вечер. Жены и друзей на нём не было. Их уже не было вообще. Улицы, дома, офисы, магазины и пляжи заполняли люди нового поколения. Это было их время. А я оставался одним из немногочисленных осколков прошлого, случайно залетевших в этот новый век. У меня заметно тряслись руки. Это почти ничему не мешало, но неважно выглядело. А в остальном всё было в порядке.

Потом мы встретились с ней у раскрытой двери лифта. Мой пристрастный взгляд скрупулёзно фиксировал все изменения. В её фигуре появилась небольшая сутулость. И вся она как будто слегка уменьшилась. На руках образовались светло-коричневые пятна. И только улыбка не изменилась. Это было чистое сияние её души без каких-либо коричневых пятен. Я протянул ей розу.

– Ну как?

– **Прекрасно!** И спасибо. Мне никто ещё не дарил таких светлых роз.

Мы уже поменялись местами. Она стояла в лифте, а я снаружи. Я вынужден был придержать автоматическую дверь, чтобы позволить ей завершить фразу. Это открывало путь к продолжению разговора.

– Но «**Прекрасно!**» вы уже однажды произносили, – я вслед за ней нарушал все условные правила наших диалогов, – вы помните?

– Я всё помню. Я была влюблена в вас. Но вы долго не появлялись, и моя судьба покатила по другой дороге.

– Вы об этом сожалеете?

– Не знаю. У меня был безупречный муж, хорошие дети, благополучная жизнь. Хотя, кажется, в ней не было чего-то главного. Я всегда испытывала неясное ощущение, что вы где-то рядом. И сердце замирало только при встрече с вами. Я так обрадовалась, когда вы пришли вторично. А после четвёртого свидания уже не могла не думать о вас постоянно.

– А какое слово вы бы произнесли при следующей встрече? – это не было нетерпение. Мы оба понимали, что следующего свидания может и не быть.

– Не могу сказать. Оно возникает само собой в момент, когда нужно отвечать. Между прочим, через пять лет будет платиновый юбилей наших свиданий. Я могла бы напоить вас чаем. Я увлекалась японскими чайными церемониями.

– Благодарю.

В лифт вошло ещё несколько человек. Они по праву были хозяевами этого нового времени и спешили по своим делам. Я не мог их задерживать. Лифт энергично щёлкнул дверью и стремительно помчался вверх. А в моих ушах продолжало звучать её признание. Она сказала, в её жизни не было чего-то главного? Но это же обо мне самом.

Моё предположение оправдалось. Ответив «**Прекрасно!**», она логично двигалась по направлению к «**Здорово!**». А толкование определения «**Прекрасно!**» особого напряжения мысли не требовало. Она не страдала от старческих недугов и могла всеми органами чувств воспринимать этот удивительный, вечный и живой мир. Разве это не прекрасно? Но относилось ли это определение ко мне? Да. Более чем. Я не только созерцал окружающий мир. Я любил. У человека всегда должна быть любимая девушка. И у меня она была. Та самая, которую моя душа любила всю жизнь. И ещё я мечтал. Наверно, в девяносто лет это смешно. Но я мечтал, что через десять лет мы с ней всё-таки встретимся.

– Ну как? – спрошу я.

– **Здорово!** – ответит она точно так же, как и на первом нашем свидании, когда ей было семнадцать лет.

И сияющий круг нашей любви замкнётся, чтобы уже никогда не померкнуть.

Октябрь 2010

Валерий Пайков

Доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург). С 2000 года живёт в Израиле. Автор девяти стихотворных сборников, публикаций в периодике Израиля, Италии, России, США. Участник коллекции «120 поэтов русскоязычного Израиля» (ЭР.А, М–Т-Авив, 2005). Член Союза русскоязычных писателей Израиля.

Я УСПЕЮ

Всё оставлю на осень,
когда ливни, и в доме печально,
и никто не попросит
повторить всё былое сначала
и вернуться к привычке
слушать звёзды, поднявшись на кровлю,
что когда-то привита,
и внезапно разрушена с кровью,
непонятно откуда,
объявившимся, новым пророком.
Та игра неподсудна
даже небу – за давностью сроков...
Слава Богу, что осень,
что дороги от влаги набухли.
Я сумею, но после,
когда смолкнут последние буквы,
распадутся на искры,
освещающая проёмы земные.
Я успею, как листья,
прозвенеть вам свои позывные.

НА ВЕЧНУЮ ТЕМУ

Когда море сольётся с небом
и продлится землёй синей,
обращусь я последним снегом,
превращусь в осторожный иней.
Я остался таким же верным –
одолею и костры, и ветры,
непонятные злые веры,
чтоб укутать тоской светлой
каждый вздох твой
и шорох каждый
веток тонких, бледных, усталых.
Что осталось нам после кражи
наших жизней? – Любовь осталась.
Я украшу её корону
переливом алмазных граней.
Я и словом её не трону,
я и в мыслях её не раню.
Буду только кружить и падать,
словно свет, что едва забрезжил
на листвы золотые пряди
и на дом твой, где всё, как прежде.

И МОЖНО ВСЁ ПРОСТИТЬ

Что мне ещё искать, каких ещё подвижек?..
Осенний Колизей с подсветкой изнутри.
На брошенном столе глухие вздохи книжек,
и жидкий свет в окно проснувшейся зари.

Тяжёлый серый плеск закованного Тибра –
всех ангелов с моста как ветром унесло.
И нет уж смысла ждать. И встречи – только игры
без права победить. И, может, повезло.

И счастье есть – бродить по переулкам Рима,
и руки греть в ночи над светом Алтаря
с надеждою в душе, что всё преодолимо,
что мой последний шаг, наверное, не зря.

Не думать, почему всё создано для бойни,
и даже блеск небес на то, чтоб ослепить,
и у цветов шипы, чтоб после было больно...
Но есть любовь одна – и можно всё простить.

ЧЕЛОВЕК

Человек начинается с горя...

Алексей В. Эйсер

Человек начинается с боли
материнской – до крика, до вопля.
Человек начинается с «Вот я!»,
с ощущения немислимой воли.
Человек начинается с неба,
ослепившего брызгами сини,
со штриховки дождя или снега,
с раскалённого ветра пустыни...

Человек завершается горем,
от которого в космосе тесно,
человек завершается песней,
бесконечной, мучительной, хором –
и другого не найдено средства,
не избыть его силою любою.
Человек завершается болью
одного неутешного сердца.

ЖИЗНЬ

Бросил камень – пошли круги
по воде, тишине грозя...
Не считал, что кругом враги,
не считаю, что все – друзья.

От соседей не прячу сор,
даже если они не спят.
Не кричу по углам, что вор,
не кричу, что, как ангел, свят.

Не спешу подходить к мечу,
и не прячусь – под стать ужу.
Если можно молчать, молчу,
если нужно сказать, скажу.

Избегаю лукавых губ,
не стараюсь сдержать смех.
Не твержу, что с рожденья глуп,
не твержу, что умнее всех.

Я всегда понимал, что свет
оборвётся, как ни кружись,
что намного сильней, чем смерть,
для живого страшна жизнь.

МАРИНА

Памяти Марины Цветаевой

Сострадала, живя страстями,
обжигая мужчин и женщин,
не гадая, что с нею станет
завтра – нет на земле женьшеня
и другого, покруче, корня,
чтобы легче жилось и проще.
Не могла она быть покорной –
возбуждало движенье против,
вопреки заповедным нормам.
Вопреки назиданьям пресным
из души извлекало горло
серебра молодые песни...
Пой, Марина. Пока я слышу
перебор твоих струн сердечных,
я на грустной земле не лишний,
я для отчих полей не встречный.
Пой, Марина. Твой голос чистый
утешает меня – из бездны.
Оставайся сверкнувшей искрой,
оставайся тоскою нежной,
бесконечной, как ты умела,
безоглядной и бескорыстной,
среди огня – моим снегом белым,
и звездой над последней крышей.

Наиля Гарипова

Родилась в 1982 году в Башкирской АССР. Детство и юность провела в закрытом военном городке на юге России. С 2001 года постоянно проживает в Испании. Закончила университет в г. Альмерия по специальности английская и немецкая филология. Кандидат филологических наук. В настоящее время работаю над диссертацией на соискание научной степени доктора филологических наук по творчеству В.В. Набокова. Сфера деятельности – англо- и русскоязычное творчество Набокова, влияние русской культуры на англоязычных писателей, преподавание английского языка на основе литературы.

Хуан Хосе Торрес Нуньес

Хуан Хосе Торрес Нуньес – поэт, прозаик, драматург, исследователь английской и мировой литературы. Получил высшее образование по специальности английская литература в университете г. Торонто (Канада). Также имеет диплом об окончании Центрального Университета Барселоны по специальности английская филология. Доктор наук по той же специальности университета г. Гранады. В настоящее время – преподаватель английской и американской литературы в университете г. Альмерии. Автор драматических произведений «Конференция», «Сюсана» и «Быки в отеле». Также издал учебные пособия «Английский театр для испанских студентов: четыре проекта для постановки на сцене» и «Новые перспективы для театра в преподавании иностранных языков». Х.Х. Торрес Нуньес – автор сборников «Стихотворения о любви», «Стихотворения на память», «Стихотворения о любви и нищете», «Акварель» (откуда взяты стихи для публикации) и романа «Мальчик из Терясо».

Перевод с испанского Наили Гариповой

ВИДЫ НА МОРЕ

С отличными видами на море
Построил он свой дом,
С садом до самого пляжа
С дроками и фисташками.

Работал он без устали,
Чтобы его дом
Вызывал большую зависть
У всех, живущих поблизости.

Гордый за свой дом,
Садился на террасу,
Чтобы все могли видеть.
Чем владел он.

Но время не известило
И пришло за ним в его дом,
Оставляя чайкам морским
Отличные виды на море.

ВЗГЛЯДЫ

Снаружи, на траве
Они целуются и обнимаются
Во всем своем великолепии.

Их жизнь сладка
И полна волшебства
От взаимных взглядов.

А я здесь, внутри,
Смотрю, как пролетает время,
Созерцая ветер.

ВНУТРИ И СНАРУЖИ

Мы здесь, внутри, наслаждаемся
Тем, что жизнь нам предлагает
В нашем доме, полном гармонии,
Очарования, покоя, радости и мира.

Снаружи – опустошенность,
Тоска и бедность от войны
С диктаторами и нациями,
Враждующими за власть и нефть.

Снаружи дождь и ветер свирепый
Бьют окна нашего дома,
Пока ты и я, взявшись за руки,
Обнимаемся среди развалин.

Все сражения и слава,
Что там, снаружи, завоевали с ужасом,
Здесь, внутри, никогда нас не завоюют,
Потому что наша победа – это любовь.

ЗАБЫТЫЕ

Окруженные пальмами и кипарисами,
Меж кладбищенских стен вы отдыхаете,
С мечтами о ваших сражениях,
О жизни, полной чести и свободы.

То были времена, жестокие и трудные,
Полные несправедливости и несбывшихся надежд,
Но вы боролись с достоинством,
Защищая верное правительство.

Черт побери всех тех, которые когда-то,
Не зная человечности совсем,
Насилием вас привели к этим стенам глиняным
И там вас бросили, как собак.

Их погибших навсегда запомнили,
Как героев Отечества,
А о вас забыли и тысячами
лежите в земле забытые.

Сегодня разглагольствуют, что большая ошибка
Ворошить старые раны.
Хотя эти раны никогда не заживут,
Если столько тысяч осталось забытыми.

ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА

Как известно, перевод литературного произведения – это очень сложный феномен. В частности, поэтому разные теории перевода предлагают различные методы перевода. Помимо этого, переводчик должен учитывать потенциального читателя переведенной версии. Имея в виду вышесказанное, в переводе поэзии Хуана Хосе Торреса Нуньеса я придерживаюсь буквального перевода. По определению Владимира Набокова стараюсь перевести семантическое значение предложения с одного языка на другой:

Буквальный перевод предполагает строгое соблюдение не только прямого значения слова или предложения, но также подразумеваемый смысл слова; это семантически точная интерпретация, хотя она не обязательно должна быть только

лексической (которая относится к значению слова вне контекста) или только конструктивной (которая соответствует грамматическому порядку слов в тексте). Другими словами, перевод может быть и, часто и есть, одновременно лексическим и конструктивным, но оно буквально только тогда, когда этот перевод контекстуально верен и когда воспроизведены точные нюансы и интонация текста (Набоков, 1964:185).

Другими словами, моя цель состоит в воспроизведении оригинального текста и ничего больше, кроме текста (Nabokov, 1955: 501). Мои переводы стихов ориентированы на особый тип читателей: изучающих русский и испанский языки. Этим и обусловлен выбор буквального перевода. Откровенно признаю, что при таком переводе поэзии теряются первоначальный ритм, звучание и мелодия – все те свойства, что характеризуют этот литературный жанр как таковой. Но, цитирую опять же В.Набокова (1964, ix): «может ли рифмованное стихотворение быть правильно и точно переведено, сохраняя первоначальную рифму? Ответ: конечно же нет. Воспроизвести рифмы и при этом же перевести стихотворение поэтично – это просто невозможно».

И, как справедливо замечает Октавио Паз (1990: 13-14), «Я не говорю, что буквальный перевод невозможен, хотя это не перевод, это своего рода устройство, состоящее из ряда слов, которое помогает нам читать текст на оригинальном языке». Хотя сама я не пишу стихи, но, как когда-то сказал Бенжамин (1970: 130), «хороший переводчик не всегда должен быть поэтом». Хочется надеяться, что владею определенными качествами, которые необходимы, чтобы стать настоящим переводчиком в будущем: «на первом месте переводчик должен знать язык-источник и особенно язык перевода; на втором, должен быть знаком с культурой двух языков» (Африка и Клара-монте, 1995: 16). То есть, переводчик обязан владеть не только различными стилями и акцентами двух языков (источника и цели), но «также обладать знанием истории, литературы, повседневной жизни прошлого и настоящего» (Бенитез, 1993: 30) страны переводимого языка. Также, благодаря счастливому случаю, я лично познакомилась с переводимым мною поэтом Хуаном Хосе, что положило начало личной дружбе и творческому сотрудничеству. В своей переводческой деятельности я имела уникальную возможность обсуждать стихотворения с автором, который любезно разъяснял неясные для меня слова и термины.

Так, следуя совету Сельмы Аксиры (2012: 3), по словам которой «переводчик должен выбирать тех авторов, с которыми его душа находит гармонию и остается на одинаковой волне», я выбрала этого поэта для перевода, так как его поэзия мне близка и понятна: в некоторых стихотворениях узнаю знакомые пейзажи, в других – встречаю универсальные темы, которые отражают наш современный мир. Поэзия Хуана Хосе мне кажется простой и чистой, в то же время она полна необыкновенной музыки и звучания. Хотя его поэмы – это свободные стихотворения, они обусловлены особенной мелодией испанского языка и его метричности: «Виды на море» написаны восьмисложными, а «Внутри и снаружи» и «Забытые» – одиннадцатисложными стихами. «Взглядь» – это пример японского хайку. В этих четырех стихотворениях, простых на первый взгляд, автор поднимает волнующий

его вопрос и заставляет нас о нем задуматься. Так, в «Видах на море» он иронизирует о человеческом стремлении нажить богатства при жизни и напоминает, что на тот свет забрать что-либо невозможно. Во «Взглядах» поэт грустно признается в своем одиночестве и о неизбежном беге времени; в «Внутри и снаружи» он напоминает нам о том, что любовь может победить жестокость и неравенство, а в «Забытых» критикует отношение победивших в испанской гражданской войне к побежденным и говорит о необходимости искать общие могилы убитых в этой войне. Во время прочтения этого последнего стихотворения у русского читателя оживают в памяти сцены массового расстрела во время и после второй мировой войны: сколько тысяч «забытых» скрывает по сей день русская земля?

Хотя уже на протяжении одиннадцати лет живу в Испании и моя специальность – английская филология, стараюсь не терять связи с русским языком. Перевод испанской поэзии на мой родной язык помогает мне поддерживать эту связь с Россией моего детства и юношества. Я выросла в закрытом военном городке на юге России, и у нас в доме, помимо книг о природе (личная коллекция моего отца), на книжных полках стояли произведения практически всех представителей русской литературы Золотого и Серебряного веков, а также советских писателей и поэтов. Я проводила летние дни за чтением, так как из-за мошки и зноя невозможно было выйти на улицу. Свое образование я начала в Волгоградском государственном университете, а закончила в университете г. Альмерия (Испания) по специальности английской филологии. Закончила аспирантуру в этом же университете. Именно в Испании познакомилась с творчеством В. Набокова. В настоящее время пишу диссертацию на соискание научной степени доктора наук при кафедре английской и немецкой филологии в университете г. Альмерия. Также среди моих научных публикаций по творчеству В. Набокова за последние годы можно назвать следующие: «Русская “Лолита”»: сравнительный анализ набоковского перевода» (“The Russian Lolita: A Comparative Analysis of Nabokov's Translation”); «Две России Набокова в романе «Дар»»; «Главная героиня Набокова-Сирина: русская литература в романе “Дар”» (“La heroína principal de Nabokov-Sirin: la literatura rusa en *The Gift*”); «“Оригинал Лауры”: прекрасный роман, которого никогда не было» (“*The Original of Laura: A Great Novel that Never Was*”). Также, отдельные главы кандидатской и докторской диссертаций были представлены на различных международных конференциях. В ближайшем будущем готовлюсь выпустить книгу-пособие для испанских читателей романного творчества В. Набокова. Помимо исследования творчества этого писателя, в данный момент у меня появилось новое увлечение – я начала переводить русскую и испанскую поэзию. При благоприятных обстоятельствах в будущем выйдет книга двуязычной поэзии на испанском и русском языках в педагогических целях.

Мне бы хотелось выразить особую благодарность Алексею Филимонову, русскому писателю и литературоведу за моральную поддержку и помощь в редактировании.

Наталия Пейсонен

Наталия Пейсонен родилась в Петрозаводске. В 1992 году переехала в Финляндию.

В июне 2008 года окончила в Москве РАТИ (ГИТИС) по специальности актриса мюзтеатра. В настоящее время проживает в Италии. Свободно владеет русским, финским и английским языками, изучает итальянский. Автор стихотворного сборника «До и после тебя». Является лауреатом международного поэтического конкурса о музыке «Бекар», победителем конкурса «Всенародная поэзия». Участник многих коллективных сборников и альманахов. Победитель международного поэтического конкурса «Время любить» (2008, Новосибирск). Финалистка IV международного конкурса молодых российских поэтов зарубежья «Ветер странствий» (2009, Рим).

ПРО НЕЕ

И как оказалось потом, ее звали Карина.
Тонкая девочка, с южным разрезом глаз.
Она улыбалась загадочно и невинно,
говорила ему о Прусте, о том, что Ларс
ее удивляет каждой своей картиной,
что ее неизменно вечно влечет в Париж.
И как ей нравятся лавки и книг старинных
переплеты. И нравятся виды с крыш.

И все это было так и легко, и мило.
Они опять заказывали шабли.
Он не любил ее. Она его не любила
еще. И речь совсем не шла о большой любви.
И было поздно. И так она пахла югом,
и юность сочилась из всех ее пор и жил.
И он обещал ей быть самым верным другом,
и ей себя по-дружески одолжил...

А воздух уже всюду был пронизан мартом.
И в богом забытом месте лишаясь сна,
дочитывая «Страсти души» Декарта,
его ждала хорошенькая жена.

И было не больно. Это была не я.
Только тень моя.
Только тень моя.
Только тень моя.

МОСКВА ONLINE ИЗ ПИСЕМ

А. Т.

– С добрым утром, малышка, – потом: – Как проходит твой день?
Как живется тебе в лабиринтах запутанных улиц?
А в Москве небо хмурится. Благоухает сирень.
Северянин... – ты помнишь? Ну да... я последний безумец.
Я все помню. Смеешься? Я сотни, нет, тысячи раз...
перечитывал тексты твоих удивительных писем,
спотыкаясь о странность смешных зашифрованных фраз.
Не подумай, малышка, я – счастлив! И я – независим
от тебя... от тебя. Только светлые лучики глаз
твоих снятся – и снятся – и снятся – и снятся, а ты
все такая же чудная – платица-ляпочки-ленты...
И зачем ты уехала? В поисках странной мечты...
А когда-то у нас с тобой были (ведь были!) моменты.
Ах, малыш, ты сбежала за сотни, за тысячи, за
неизвестную цифру несчитанных мерных отрезков.
Каждый раз, как *post scriptum* в конце, – «возвращайся назад».
– Не молчи. Ради этого я отбелю занавески,
перекрашу Москву в апельсиново-праздничный цвет
и куплю для тебя все тома неизвестных поэтов.
Ты же знаешь, что я никогда никого так... (delete)
... так не ждал. Возвращайся. Я очень надеюсь на это.

ROXY

Роху, детка, дорогая моя, не плачь,
завтра будет, поверь, и сложнее и горше.
И на том, что сломалась кукла / потерял мяч,
жизнь не заканчивается, не морщи
нос свой веснушчатый, не тереби подол
платья (плевать, что порвалось и платью тоже).
Послушай, завтра рыжий какой-нибудь на футбол
позовет тебя и будет касаться кожи
твоих уже не детских / не взрослых еще колен
неумело, и ты решишь, что он – «совершенно классный»,
а потом какая-нибудь из Лен
расскажет тебе, что видела его с «длинной Настей».
И будет обидно. И горько до самых слез.
И кто-то добрый даст тебе сигарету,
и ты, наглотавшись дыма, совсем всерьез
покланешься, что не простишь ему «Настьку эту».

А откуда-то сверху из динамиков звучным / зычным / ррраскатистым
«Roxanne...».
Детка, не плачь, купим тебе завтра как минимум новый, модный,
джинсовый сарафан.

Яна Ниemi

Родилась в городе Петрозаводске. В 1990 году переехала в Финляндию. Защитилась на магистра философии в Хельсинском университете в 2001 году. Интерес к теологии заставил переселиться в 2006 году в город Еенсуу, а позже в Италию. Милан стал родным городом, где Яна Ниemi проживает и по нынешний день. Представленное на страницах журнала – это отрывок из готовящегося к изданию на итальянском языке произведения «Лик Имени».

ЛИК ИМЕНИ

(отрывки)

1

«У этого пути не будет ни начала, ни конца», – заявил он мне, когда мы вышли из турагентства по Азии на Юрьенкату. Вчера мне исполнилось 25 лет. Теперь ночь. Мы сидим в самолете. Он и я. Он спит, я пишу. Мы летим в Индию. Воняет сигаретным дымом так, что невозможно дышать, невозможно спать. Легкие теряются в дыме, дыхание останавливается. Я слышу неизвестную речь. Я исчезаю в бессознании.

Что было до этого момента? Была ли я? Где я была? Когда я родилась? Это жизнь? Или может это уже смерть? Или это сердцевина, золотая дорога между бытием и небытием? Центр, который шепчет мне мое настоящее имя, данное задолго до моего рождения, задолго до моего первого рождения. Вечное неизменное имя – корень всей моей жизни, секрет моего ДНА. Это имя раскрывает и обозначает форму моего бытия. Там в центре остановилось время, потому что двигаюсь я. Я стала временем, вступила в момент, и в этом моменте мне открылась вечность. Единственный лик в моем сердце – остановившийся центр между двух движущихся навстречу друг другу колес. Я и он – два колеса, в движении, в круговращении. Мы на пути в Индию. Что нас там ждет?

Пустыня. Песок, песок, песок. Смотрю из окна самолета, застыв от ожидания. Чувствую напряженный столб позвоночника – когда рыба падает на землю, не успев еще понять свое новое состояние обратное тому, что царило в ее жизни еще одно мгновение назад.

2

Дели – непрекращающаяся индийская музыка, перебиваемая уличными звуками: колокол храма, барабаны, голоса детей, блеяние, хрюканье, обезьяний визг. Только коровы одни молчат. Ходят по улицам молчаливые и гордые. Очень странно видеть всех этих животных: коров, диких свиней всех размеров, хитрых обезьян. Маленькие сказочные козлята умиляют меня, заставляют по-идиотски улыбаться. У них такие маленькие хорошенькие человеческие молочные зубки и крошечные розовые язычки.

Когда смотрю я на этих козлят, то сразу мне приходят на ум слова из сказки: «Не пей, Иванушка, козленочком станешь!» Братец Иванушка готов был в каждой луже свою жажду утолить. Не выдержал Иванушка, изнуренный долгой дорогой, и выпил, в конце концов, из какой-то лужи и стал козленочком.

Вот смотрю на этих козлят, и умиление превращается в жалость, потому что в каждом козленочке вижу я несчастного Иванушку-туриста, что в Индию приехал свою жажду утолять – не то по жизни, не то по знаниям. Приехал и горазд из каждой лужи напиться. Из какой лужи мы будем пить? И предупредит ли нас кто? И откуда знать, если лужа и не есть тот родник, который мы ищем.

3

Весь день провели в поезде. Я ничего не чувствовала и особо ни о чем не думала. Единственное, что меня мучило – бессонница. Пытаться поймать сон дыханием, окружающими звуками – безумие. Лежишь и прислушиваешься, как постепенно отключается сознание. И вдруг обрадуешься приходящему сну, и нет его уже.

Неуловим момент засыпания, и не достичь его никаким принуждением. Точка, в которой происходит переход из одного состояния в другое. Невидимая дверь, где соединяются внешний и внутренний миры. Где дверь, неизвестно. Известно лишь одно, что когда запрыгают материализовавшиеся мысли – это значит – ты спишь. Во сне мысли становятся независимыми, до конца сформировавшимися объектами. Вот они бегают, говорят, живут своей «личной» жизнью. И больше не мучают голову.

Во сне они становятся совершенно независимыми, их больше не нужно обращать в слова, чтобы они родились в жизнь. Они рождаются сами по себе, рожают сами себя. Они выкатываются из ушей, из ноздрей, изо рта маленькими существами и бегают свободные, освободившиеся, освобождающие. Так во сне я совпадаю с тем я, что смотрит на меня из зеркала: я мысль в своей собственной голове, и эта мысль есть я. Во сне я абсолютное все и ничто. Во сне я не осознаю своего существования, я просто есть. Я перестаю думать, я начинаю быть.

4

Мне больше не нужно было ничего решать. Мне надо было просто сидеть, молиться и ждать слова. Ждать, когда начнет течь через меня мир, как свет через отверстие, дающее этому свету форму. Как эти цветы, которые жили когда-то до моих глаз, вдруг стали этими цветами. Чем они были до меня, до

того как к ним прикоснулся мой взгляд? Так до меня весь окружающий мир, который я вижу, был чем-то другим. Там не было меня. Что я в этом окружающем мире? Какова моя форма, которая ваяет неизвестное в то, чем я его вижу? Если бы я знала себя, я бы знала и то, что было до меня, я бы увидела тайный лик онтологического бытия.

Так не нужно больше ничего решать. Вокруг меня нет ничего. Я сижу в надувном шаре и все выдумываю из своей головы. Я одна, и все, что вокруг меня происходит – мною выдуманный мир. В этом мире я лишь повторяю саму себя. Вот судьба, которую я творю в подсознании, в суперэго пытаюсь совершать своими силами, а в эго уже вообще не помню ее.

В своей голове я путешествую по Индии, езжу на поезде своего позвоночника, хожу по улицам своих нервов и вен. Углубляюсь в извилины своих мозгов, как в города. Этого человека я встретила в своей голове. Он лишь моя мысль, мое внутреннее я, мой внутренний мужчина. И я сама человек лишь в своей собственной голове.

Чувствую, как отрывается от меня вовнутрь какое-то существо. Это я в себе. Я становлюсь для себя объектом. Становлюсь точкой соприкосновения двух начал – объективного и субъективного. Я беременна сама собой и сама себя рождаю в слове. Так моя жизнь становится мифом. И я больше не принадлежу себе, приобретая над собой полную власть. Я становлюсь синтезом двух, казалось бы, несовместимых начал – сущей действующей личностью.

Я приобретаю свободу в законе, свободу в рамках слова. Нет никаких границ – во мне вечность. Я, как маленькая горошина, катаюсь в себе из одной бесконечности в другую, ничто не может меня остановить – я лечу, я двигаюсь, я существую в себе неизменной вечной. Много личин у меня в этом пути без начала и конца, а лик один.

Александра Шнеур

Родилась в Сибири, жила в Эмиратах, теперь – на Кипре.
Переводчик-фрилансер. Переводит военные мемуары начала XIX века.

«В общем и целом – счастливый человек, так что нечего Бога гневить...»

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ

...is Cyprus what remains of lost Atlantis?

Сначала, но не заново. И так –
Мне тридцать пять (перечитаем Данта,
Склонившись над тяжёлым фолиантом
И ужасаясь в избранных местах).

В начале было слово. Много слов.
Понятно же, что незачем так много,
Пока беспечно доверяешь Богу
И беспечален звон колоколов

Над древнею игрушечной страной
(Солёный сыр, оливки, виноград...
Утерянный... и обретённый рай).
Что будет дальше с миром и со мной –

Отпустит ли проклятие тех лет
(Во всех церквях молились о дожде),
Когда – пусть по чуть-чуть, но каждый день –
Я тоже умираю?

СМЕРТИ НЕТ

Всё ближе неба выцветшего синь.
Земную жизнь пройдя – до половины,
Начать сначала, снова быть невинной...
Не дай мне Бог. Пожалуйста. Аминь.

«СКОЛЬ ВЕРЕВОЧКЕ НИ ВИТЬСЯ...», ИЛИ «ТЕ ЖЕ ГРАБЛИ, ВИД СБОКУ»

Выход здесь – или налево по коридору,
Или, что вероятней, выхода нет.
Вот и стою незадачливою Пандорой,
Всех виноватей, а вовсе не всех умней.

Знай я, что сердце умеет болеть так больно,
Разве бы я ввязалась в эту игру?..
Боженька милый...
А может, – с меня довольно?
Можно же – я тихонечко здесь помру?

НЕ ЛОЖИТСЯ НА КРАЮ...

Маетно телу, горячечно голове,
Слов не находишь – и тем тяжелей молчать.
Спи уже. Завтра проснёшься, а будет свет:
Бог зачастую щедр. По мелочам.

Будет июль и изъеденный солью пирс,
Хитрые рыбы, тяжёлые корабли.
Будет... чего ж ты, бессовестная, не спишь –
Не упокоить тебя, не развеселить?

Спи, засыпай, утро вечера мудреней.
Сколько ещё уговаривать-утешать,
Нянчиться, как с дитём, – до скончанья дней?!
...глупая, неприкаянная душа.

О ЗИМНИХ ПЛЯЖАХ. ПОРАЖЕНЧЕСКОЕ

Нефритовая стылая вода,
Изголодавшись, подкрадётся ближе –
И ждёт. Она умеет выжидать,
Умело притворяясь неподвижной;

Так хищник притворяется ручным,
Ничем не выдавая нетерпенья.
На самом дне нефритовой страны,
Среди останков кораблекрушений –

Покой, почти похоже на покой,
И точно так же голодно и тесно.
Она уйдёт, чтоб через день-другой
Вернуться на намоленное место;

Вода должна вернуться за тобой
Затем, что должно заполнять пустоты.
...где по-щенячьи ластился прибой,
солёный и обманчиво-бесплотный...

МЕЗАЛЬЯНС

Привычно томлось от безделья, ворчу на жару,
На кошку, что бродит сомнамбулой всю неделю;
Дымок от курильниц – отпугивать мошкару –
Навязчиво сладкий, словно в турецком борделе.
Распутничать скучно, а всё остальное – лень;
Который день забываю подрезать розы...
Муж старше меня на сто или двести лет,
И сам, похоже, не верит своим угрозам –
Оставить меня без гроша, сослать в монастырь.
Да, может, со мною – именно так и надо!
Наш дом с каждым годом ближе к краю пустыни,
Горячим мёртвым песком заносит ограду;
Нагретая за день, кажется липкой вода.

Все дочери Евы – одной – порочной – породы...
Мне не было равных в печальном искусстве ждать.

А после – по новой искать себе несвободы.

**RIEN NE VA PLUS
НАБРОСОК**

– Mademoiselle, faites vos jeux... rien ne va plus*.
Сердце колотится где-то в горле, смять сигареты...
Здесь не бывает ни ночи, ни дня. Может, я сплю
И оттого не чувствую боли. Господи, где ты?

Вкрадчивый свет электричества – замкнутый круг.
Незачем жить. Зачем-то поправлю крупье: – Madame.
...точно в немом чёрно-белом кино – лейтмотивом – rouge**,
Ровные строчки субтитров: беда – беда... беда

ВОЛЯ ТВОЯ

Ветер доносит гарь с торфяных болот,
Ночь над скитами – заношенный вдовый плат.
«Хлеб разломил, а тот – пополам с золой.
Тошно мне, матушка, и на душе разлад.

Как ни считаю, выходит к зиме рожать,
Поздно теперь-то уж – горницу на засов...
Сушь, да о прошлой неделе лесной пожар,
А с той поры – ни видений, ни голосов.

Страшно – как будто таится кто за углом.
Душно, сердечко колотится – не унять...
Кто развязал мне на лестовке узелок?
Матушка...

что как оставил Господь меня?»

---

*Мадмуазель, делайте ставки ... Ставки сделаны» (фр.)

**красный (фр)

Виктория Чембарцева

Родилась и живёт в Кишинёве. Окончила факультет маркетинга Экономической академии Молдовы и факультет психологии Института непрерывного образования. Член Ассоциации русских писателей Молдовы. Член Союза писателей Москвы. Автор поэтической книги «Тебе...» (Кишинёв, 2010) и ряда публикаций в периодике и коллективных сборниках. Участница Форумов молодых писателей России (2009 – 2010). Победитель и лауреат многих международных литературных конкурсов.

В НОЧЬ НА 18 ИЮЛЯ

За ливнями – испарина дорог.
Июльский календарь листает осень.
Сквозняк субботний кисею возносит
жеманниц занавесок-недотрог.

И медленно стекает молоко
за край стола на тёмный пол дощатый...
И тени звуков прорастают мятой,
безмолвием... И света волокно

луной дрожащей под торшер ложится.
Отяжелев, смежаются ресницы.
И ветер ночи выдохнет в окно

раскатом грома в лёгкой колеснице.
И обогретою в ладонях птицей
забьется сон, приснившийся давно...

ТЫСЯЧА ДВЕСТИ ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧАСОВ ДО ЗИМЫ

Бессонницей травы звенит река,
пока ещё сиреневые тени
в тепло песка врисовывает ленно
скупой закат. Всего лишь час, пока

в овраги парка спустится туман,
с берёзы лист слетит сусальным золотом,
его нашёт как яркую заплату
бездомный ветер на пустой карман.

Пока ещё лиловый горизонт
неспешно стянет над землёю небо
в распахнутый упруго звёздный зонт,
Многоголосье уличного бреда

начнёт стихать, дробясь на звонкий лёд
«До парка» дребезжащего трамвая,
на лай дворняги, что бредёт хромя;
измучивший сознание полёт
зудящего над прудом комара.

Почти экватор осени... Пока
ещё не стыннут лужи по утрам,
пока не серебрится по пескам

аллей холодный иней, и пока
заплаканная зимняя тоска
промедлила с истерикой. Пока...

* * *

А. Чернову

Я видела в стеклянной тишине
усыпанную миртом терракоту,
и солнце в багровеющем вине
за горизонт стекало с позолоты,
как день старел, и морщилась земля
от засухи растрескавшейся кожей.
Я видела, как древо гложет тля –
подкорково, пожизненно, похоже
на всхлипы раскрываемых дверей,
где за порогом Бог, а может, дьявол
и где стоишь растерянный, ничей,
не знающий, ни лево где, ни право,

и травы прорастают сквозь следы,
и обморочно пахнет земляникой,
и ночь, качая стебли лебеды,
в зрочки глядится звёздно, многолико.

Я видела... Я видела сквозь сон,
как в шепоте песка вершилось время
и слова опрокинутого звон
летел строкой в чернеющую темень...

ПИСАТЕЛЬ

Туман белее снега с Арагаца,
и девственно чиста твоя страница –
беседа букв и болтовня глаголов
остались за порогом кабинета.

По улице плывёт большая рыба.
Молчит и тонет, вязнет в зимнем иле,
то вздрогнет чешуёй зонтов неровно
от городского шумного прибоя –

блуждает взгляд в окне... Остывший кофе,
раскрыта «Капля мёда» Туманяна,
срывают тишину секундной стрелкой
часы, и не написано ни строчки.

О, этот долгий сон, длиною в зиму,
когда тоска совсем невыносима
и сумерки скользят по стенам комнат,
когда Её лица уже не вспомнить...

ЧАСЫ ДО ТЕМНОТЫ

На завтрак чай, ещё – вишнёвый дым,
раскрытое окно и запах снега.
Опавший лист рыжеет лисьим следом,
тумана кокон да предзимья стынь.

А стрелы серых ангелов дождя –
как пальцев ледяных касанье – сердце
пронзят навывлет. Тихо скрипнет дверцей
ночной сквозняк, из дома уходя.

И холодом дохнёт. Из пустоты
заглянет в душу взглядом из-под взгляда
чужое одиночество, и адом
покажутся часы до темноты.

Как долька мандаринная – луна
под вечер. «Спишь?» – услышу ли, приснится.
На дне зрачка забьется светлой птицей
свобода, не обещанная нам.

РИМСКОЕ

Мне заблудиться в улицах твоих
не даст луна, следящая за Тибром.

Звонят к вечерне, и внезапно стих
в платанах ветер... Написать верлибром
о золотом свеченье фонарей,
о чайках, белых даже в саже ночи.
А может, в рифму стоит? – это, впрочем,
получится и проще и скорей.

В кварталах гетто пахнет молоком,
и сырость Черепашьего фонтана
напомнит об Иосифе – о том,
что мимо шёл «не замочив кафтана»*...

Истерзана помарками строка,
да что строка – горит костёр бумажный!
И Бруно ** тень проходит сквозь века
по площади Цветов. И так ли важно,
что дела нет сегодня до меня
Эвтерпе, Эрато и Каллиопе?!

Ноябрь. Рим. Я на краю Европы,
и с Тибрина в колокол звонят.

---

*Строка из «Пьяцца Матей» И.Бродского

**Джордано Бруно сожгли в Риме на Campo dei Fiori (площади Цветов)

Юрий Горбачев

Геофизик, доктор технических наук, профессор. Писать и публиковаться начал еще студентом. С 2004 года живет в Новой Зеландии, где вернулся к литературному творчеству. Рассказы, повести, эссе публиковались в «Континенте», «Огоньке», литературном приложении «Фантастика» к журналу «Наука и жизнь», «Геофизическом вестнике», в сетевых журналах «Русский переплет» и «Новая литература».

МОДЯ*

Рассказ

Где-то в середине ноября 1992 года у меня назрела командировка в Париж. Что это значило для жителя совка, никогда не выезжавшего дальше Карл-Маркс-Штадта и Златых Пясцев, объяснять не стану: мои сверстники знают сами, а нынешние все равно не поймут.

Так вот, назрела недельная поездка в Париж, на нефтяной симпозиум, и я вспомнил о Моде. Собственно, я о нем и не забывал, незримо он всегда жил в моем сознании, подобно всем, кто сыграл в моей жизни «системообразующую» роль – повлиял на формирование моего миропонимания, но само слово «Париж» ассоциировалось у меня именно с ним.

Модя – Модест Григорьевич – был невысок, тщедушен и почти болезненно сутул: за плечами у него под серым в рубчик пиджаком словно бы лежал ватный валик, на который плавно ниспадали его длинные седые волосы. На его худом, с дантевскими риктусами лице всегда теплилась улыбка. Я никогда не слышал от него резкого слова. Он был нашим учителем рисования.

– Рисунок, дети, начинается с линии. Они, дети... то есть они, линии, бывают плавные и... и угловатые. У каждой линии, дети, свой характер. У плавных он... то есть характер... мягкий, а у угловатых – же-е-е-сткий. Какой характер у линии, такой и у предмета. Вот, например, спичечный коробок...

– Спичешный?!.. Хы-Хы-Хы... – просыпалась на задних партах хитровская шпана. – Закурим, Григорич!

– Хи-хи-хи, – подсоединялись к хитровским их прихихешки.

---

* Журнальный вариант опубликован в сетевом журнале «Новая литература» в июле 2011 года.

– Потише, дети, – просил Модя, не повышая голоса, не теряя этой своей отрешенной улыбки человека, воспринимающего все происходящее как данность, без ропота или осуждения. – У коробка, дети, характер жесткий. А вот у цветка – мягкий.

Я очень сочувствовал Моде и с ноября записался в кружок рисования. По четвергам мы оставались после уроков и учились рисовать куб, шар, цилиндр, конус.

– Эти простые формы... они, дети, лежат в основе м-м-м... многих предметов. Вот яблоко – оно какое?.. Шарообра-а-азное. Груша конусо-образна, ведь правда? А у кринки для молока?.. Что получается у кринки для молока? Получается сочетание шара с цилиндром. Потом, дети, мы будем рисовать человека.

До человека я так и не добрался: не осилил кринки.

Еще мы, кружковцы, ходили в Третьяковку и музей имени Пушкина. Впрочем, в количественном отношении «мы» сильно колебалось, бывало, нас оставалось трое или четверо, а случалось, я приходил на экскурсию в единственном числе и, хотя рисовальщиком оказался бездарным, к весне имел некоторое представление о старой русской живописи и о передвижниках. Но главной темой наших экскурсий был импрессионизм, который в то время причислялся к буржуазному формализму, а потому отнюдь не приветствовался.

Импрессионизм Был Модиною страстью. В Пушкинском музее он мог подолгу стоять перед сислеевским «Садом в Ошеде», а в Третьяковке – перед коровинским «Парижским кафе», объясняя, чем принципиально отличается пленер от работы в студии и что дает смешивание цветов не на палитре, а «в нашем глазу и голове». Постепенно я и сам стал фанатом этой, новой для меня, живописи. С годами я полюбил живопись вообще – старую, новую, новейшую, но в то время для меня существовали только импрессионисты. В одно из воскресений я повел в Пушкинский музей родителей, дабы приобщить и их к открывшемуся мне таинству (попытка, впрочем, оказалась безуспешной: любимой картиной отца навсегда остался герасимовский шедевр «Сталин и Ворошилов в кремле», известный в народе как «Два вождя после дождя»; мама же интересом к живописи так вообще и не прониклась).

В той или иной степени Модя благоговел перед всеми полотнами импрессионистов, но с особым трепетом он относился к городским, по большей части парижским, пейзажам:

– Город, дети, особенно такой... такой, как Париж, это... это их главная находка, – начинал он, запинаясь пуще обычного, но вдруг крепчая голосом, румянясь, обретая несвойственную ему уверенность и гладкость речи. – Сколько блеска, течения воздушных потоков, игры света, трепета маркиз, бега экипажей и ходьбы... ходьбы людей... Люди у них придают городскому пейзажу движение... Раньше такого в живописи не было! И конечно, это... это могло родиться только в Париже.

– А вы говорили в Барбизоне.

– Городской пейзаж? Только в Париже. Да и Барбизон – это ведь почти Париж. Меньше часа езды на поезде.

Париж был второй любовью Моды. Хотя, какая из любовей была первой – Париж или живопись, – не знаю: обе органично сосуществовали, питали одна другую. Дома у него хранилась коллекция репродукций картин импрес-

сионистов – в то время большая редкость. Альбом со всеми тринадцатью видами площади Парижского театра из окна отеля дю Лувр, писанными слепнувшим Писсаро, был его главной гордостью. Впрочем, гордость... – это не про Модя: он просто от души радовался, когда любимое им доставляло радость кому-то еще. Однажды он пригласил меня посмотреть его коллекцию, и с тех пор я на многие годы «прописался» в его маленькой комнате: школьником бывал хотя бы раза в неделю, студентом – хотя бы раз в месяц, потом все реже и реже, о чем теперь очень жалею.

Модя жил в коммуналке в старом доме недалеко от Хитровки – бывшего Хитрова рынка, – в маленькой пеналоподобной комнате, каких, пока республика наша строилась, дыбилась, нагородили в огромном количестве, деля пополам нормальные, квадратные, комнаты. Противоположную от двери стену сплошь занимало окно; вдоль левой стены умещались двустворчатый платяной шкаф, именовавшийся в то время «шифоньером», и железная кровать с хромированными спинками, на которой любил поживать рыжий общеквартирный кот; вдоль правой стены размещался мольберт; за ним – однотумбовый канцелярский стол, на котором в коробках и банках теснились круглые и плоские кисти, мастихины, палитры и тюбики с краской; дальше – один из двух имевшихся в комнате, венских, стульев (второй примостился у окна) и, наконец, почти уже упираясь в дверь, – длинная этажерка с книгами. Над столом висела взятая в рамку поясная фотография молодого Модя (белая рубашка апаш, на юношески свежем, без намека на риктусы лице открытая, без намека на отрешенность улыбка, в руках теннисная ракетка) рядом с белокурой, коротко, по моде двадцатых, стриженной девушкой – тоже улыбающейся, тоже в рубашке апаш и тоже с ракеткой. Спрашивать, кто эта симпатичная блондинка, я постеснялся, сам же Модя хранил молчание, так что эта сторона его жизни надолго осталась для меня *terra incognita*. Остальное пространство стен, там, где они были свободны от шифоньера и этажерки, было увешано картинами – по размеру скорей этюдами, писанными Модей: московские улочки и дворики с колоколенками на заднем плане, сельские пейзажи с часовнями и церквушками...

К тому времени я уже был кружковцем с большим стажем и сразу узнал в творениях хозяина «пенала» характерные приемы барбизонской школы: мазки не перекрывались и отличались чистотой цвета, густота красок придавала красочному слою особую рельефность, предметы как бы растворялись в свете дня, словно бы трепетали, вызывая ощущение незаконченности, импровизации... Где-то Модя перебарщивал: силуэты терялись на фоне окружающего пейзажа, детали становились трудно различимы, но и «пенал» ведь был не лучшим местом для демонстрации произведений живописи. Помните, у Толстого, там, где он говорит об импрессионистских чертах чеховской прозы: «Смотришь – человек будто безо всякого разбора мажет красками, какие попадают ему под руку и никакого как будто отношения мазки эти между собой не имеют, но отойдешь, посмотришь – и в общем получается удивительное впечатление – перед вами яркая неотразимая картина»? Так вот отойти-то в «пенале» было некуда.

Но главной особенностью, отличающей Модины творения от церквей и церквушек, заполняющих ряды нынешних специализированных московских рынков, претенциозно именуемых «вернисажами», были фигуры людей, присутствующие на всех его картинах. Причем трактовка людских образов

у него была иной, чем у его учителей-импрессионистов. У тех люди лишь часть пейзажа, придающая ему особый колорит и подвижность, у Моды же, и это сразу бросалось в глаза, человек – второй главный объект, контрапункт первому – церкви: на всех картинах он словно бы застыл в растерянности невдалеке от нее, не решаясь приблизиться.

Как-то я спросил:

– А внутри церкви вы бывали?

– Конечно, – ответил он. – Множество раз. Но не во время службы.

– А во время?..

– Нет, что вы! Это, знаете, было бы неправильно. Ведь я... я... не крещен, – он задумался и после короткой паузы произнес: – Нехристь.

Еще одним любопытным объектом пенала была этажерка, забитая папками с модиными карандашными рисунками и акварелями, переложенными папиросной бумагой репродукциями картин великих мастеров, книгами по искусству и по технике живописи на русском и французском; был там и известный мне по рассказам альбом репродукций с парижскими пейзажами Писсаро, и скромный, дореволюционного издания, справочник «Храмы и монастыри Московской митрополии с адресами», и десяток потрепанных романов на французском языке – Стендаль, Бальзак, Флобер, Золя, – и они же на русском с затесавшимися между ними однотомниками Бунина и Чехова. На верхней полке хранился сильно потертый, со следами золотого тиснения на кожаном корешке, «Иллюстрированный путеводитель по Парижу» 1910 года, и, разглядывая в изобилии представленные в нем черно-белые схемы парижских округов, я почему-то задал вопрос, ответ на который был мне, в общем-то, известен:

– Вы когда-нибудь бывали в Париже?

– Ну что вы?!.. – Модя всегда обращался ко мне, как, впрочем, и ко всеми вообще, на «вы». – Кто ж меня пустит?! Но, знаете, столько читал, столько... ну что ли мысленно бродил по улицам... Иногда кажется, будто на самом деле бывал... в какой-то другой жизни. И знаете, если вдруг окажусь снова, ведь не заблужусь! – Он взял путеводитель из моих рук, бегло глянул на открытую схему и, водя по ней пальцем, стал довольно уверенно перечислять названия пересекаемых пальцем улиц: – Конечно, там многое изменилось, но уж не настолько: парижане... они, знаете, стали очень – как бы это? – бережливы... к историческому облику.

– Может быть, еще побываете, – сказал я, чтобы его подбодрить (нереальность этого предположения была мне очевидна).

– Шутите, – ответил он, пожимая плечами и оттого еще больше сутулясь. – Кто ж меня пустит? Нет, это неразделенная любовь. Слишком... м-м-м... поздно родился. Или, наоборот, – рано. Вот вы – может быть... когда-нибудь...

– Тоже мало вероятно.

– Кто знает. Вы молоды. А мне... мне остается только мечтать. И знаете, привык, притерпелся. Иногда, представьте, так распалось, будто и правда съездил... То на три дня, а то и на неделю. План заранее составляю. Смеетесь?

– Все нет.

– Начинаю всегда от отеля дю Лувр. Даже место примерно знаю: чтобы ракурс был тот же, под которым Писсаро на Комеди Франсез смотрел. Вот оно – здесь. Видите?.. Потом огибаю театр с запада... выхожу на улицу

Ришелье и дальше на север... на север... мимо Национальной библиотеки – к бульвару Монмартр...

Вовсе теперь уже не отрешенно, напротив, мечтательно улыбаясь, он вел пальцем по схеме, не читая названий, по памяти перечисляя улицы и площади – глаза светятся, лицо порозовело, риктусов почти нет (словно на старой, из двадцатых годов, фотографии), и, вспоминая эту врезавшуюся в память картину, я часто думаю: а ведь при всей ее наивности, она – одно из проявлений чисто нашей, русской, трагедии: страстно любить Париж, знать его как свои пять пальцев, мучительно по нему скучать, никогда в нем не бывав, но главное, не имея ни малейшей надежды побывать в будущем!..

Где-то через полчаса после отвлечений на многочисленные любимые Модей достопримечательности, мы достигли конечного пункта нашей виртуальной, как сказали бы теперь, экскурсии – площади Тертр на вершине Монмартра.

– А последний день... – Модя прерывисто дышал, будто на самом деле устал от подъема на холм, – последний день всегда оставляю на русское кладбище. Тоже ведь, знаете, не ближний свет: сначала до вокзала Аустерлиц надо добраться, потом на поезде до Сен-Женевьев-де-Буа, а там – омнибус... ну то есть теперь, вероятно, автобус, и тоже, знаете, четырнадцатая остановка. Путешествие на весь день.

– Так может и не ездить, – сказал я, переводя дыхание, словно тоже устал от подъема.

– Ну что вы! – подернулся Модя. – Пятнадцать тысяч соотечественников! И каких: Коровин Константин Алексеевич, Бенуа, Маковский, Бунин!.. Нет, что вы! Быть в Париже и не посетить русское кладбище?! Это уж, извините, нонсенс.

* * *

Мое парижское время (мы прилетели в воскресенье во второй половине дня, а улетали в субботу утром) было спрессовано, как материя на нейтронной звезде: дни пропадали в залах выставочного центра Paris-Nord Villepinte, где проходил симпозиум, вечерами до гула в ногах бродил по городу, а поскольку ноябрь перевалил за середину и темнело рано, видел его главным образом в электрическом свете. Впрочем, Париж стоит обедни в любом свете и электрический при том совершенстве, которого парижане достигли в искусстве подсветки и иллюминации, далеко не худший (тем более что им есть что подсвечивать и иллюминировать).

Стояла ясная холодная – типично парижская – осень. В воздухе колыхался терпкий коктейль запахов – палой листвы, горького дымка и жарящихся каштанов, и, когда усталость и холод брали свое, я покупал каштаны в бумажном пакете с маленьким отделением для соли и торопливо, пока не остыли, ел, стараясь подольше задержаться у раскаленной жаровни. В гостиницу – Flat Hotel – возвращался не раньше одиннадцати.

Соотечественникам, тем, кто не слишком прихотлив, Flat Hotel – недорогую гостиницу квартирного типа – рекомендую: расположена удобно – на набережной Сены у моста Гренель, из окон открываются роскошные виды, в номерах по две спальни, разделенных небольшой гостиной. В нашем случае это последнее обстоятельство играло существенную роль, поскольку в начале девяностых мы еще ездили в загранкомандировки не как нормальные люди –

каждый сам по себе, а так называемыми «делегациями». Соответственно, и селили нас по совковой традиции парами, причем не разнополюми, что имело бы смысл по крайней мере с биологической точки зрения, а однополюми, что отвратительно с любой точки зрения. Вторая спальня оказывалась в таких условиях неким паллиативом. Впрочем, сосед моего – генерального директора одного западносибирского нефтяного предприятия – мне за несколько прожитых в Париже дней встретить так и не удалось: на симпозиуме он не появлялся; когда поздно вечером я возвращался в гостиницу, его там еще не было; когда уходил утром, он все еще похрапывал за неплотно прикрытой дверью своей спальни. В четверг я, мучаясь совестью и пряча глаза от взглядов коллег, покинул симпозиум в двенадцать дня, дабы побывать наконец в музее д'Орсе, выйдя же из него с последним звонком, шатающийся от усталости и обилия впечатлений (как-никак крупнейшая коллекция импрессионизма – видел бы ее Модя!), бродить по городу не стал, а вернулся в отель много раньше обычного и тут-то впервые встретил соседа.

Вхожу в номер и вижу его в кресле в нашей общей гостиной с бокалом вина в руке. На журнальном столике початая бутылка марочного «Бордо» – высокая, с крутыми плечиками, как раз такая, как я вознамерился купить для коллективной дегустации с домашними, но пока так и не решился: уж больно для меня дорого.

– У-у-у, какие люди! – радушно, хотя и не вставая, приветствует меня сосед – средних лет блондин, некрупный, но плотно сбитый, не по сезону загорелый, не по возрасту тяжеловищий. – Сколько лет, сколько зим!

– Здравствуйте, – отвечаю я сухо, неприятно задетый косвенным напоминанием о моих финансовых проблемах. – Что-то вас не видно?

– Как это – не видно? – он шутливо пыжится. – Вот он я, весь перед вами.

– На симпозиуме, – уточняю я, не меняя тона. – На симпозиуме не видно.

– На симпо-о-озиуме... – тянет он. – Так у вас же там сплошной английский, а я в нем, знаете ли, не копенгаген.

– Так зачем же приехали?

– Как зачем? Если есть возможность...

– Но ведь дорого!

Моя наивность его веселит, он смеется и, несомненно, вполне искренне:

– Ну, вы даете! Ха-ха-ха... Свои, что ль, плачу?.. Дорого... Да вы присаживайтесь, – по-хозяйски указывает он на свободное кресло. – Хотите выпить?

– Спасибо, нет, – отказываюсь я (на самом деле, выпил бы с удовольствием, но не при таком же раскладе!).

– Дело ваше, – он наполняет свой опустевший бокал; сквозь зелень стекла видно, что бутылка уже наполовину пуста. – Вы-то как – все еще профессорствуете?

– Профессорствую... – подтверждаю я, стараясь не переусердствовать с саркастическими интонациями, – все еще...

– Ну и как – в материальном плане?

Наше с ним знакомство давнишнее, но шапочное. Смутно припоминаю его розовощеким крепышом, смущенно выспрашивающим, на каких условиях можно поступить к нам в аспирантуру, потом – через несколько лет – уже слегка заматеревшим, но все еще провинциально застенчивым начальником партии, раза два приезжавшим ко мне консультироваться.

Теперь это совсем другой человек – знающий себе цену и не намеренный продешевить... Ощущение, однако, такое, что в прошлой жизни я не раз видел и его – за столами президиумов, в просторных министерских кабинетах... Новая деталь – золотой, чересчур для нательника массивный крест, выглядывающий из под расстегнутой рубашки.

Пронзительный звук полицейской сирены возвращает меня в номер Flat Hotel-я... Так, значит, речь о «материальном плане»...

– Спасибо, не голодаем – ограничиваюсь я тем минимумом информации, который не противоречит истине.

– Не голодаем... – усмехается он. – У вас там в Москве такие бабки крутятся, а вы – не голодаем...

Я подвигаю кресло и усаживаюсь – ноги гудят. Прямо напротив меня, за стеклами эркера, сияет верхушка Эйфелевой башни. К ночи Железная дама становится хрустальной: двадцать тысяч лампочек (так по буклету) сияют в темно-синем беззвездном небе, оттесняя остатки Млечного Пути к окраинам города. Накануне, поздно вечером, я, преодолев прочно укоренившуюся ненависть к очередям, выстоял почти полутора часовую, поднялся на самый верх и не пожалел: одна лишь симфония бесчисленных парижских мостов, опоясывающих безукоризненно серебряную в электрическом и лунном свете ленту Сены, чего стоит! А еще – какофония городских шумов, поднимающихся на высоту смотровой площадки с неожиданной чистотой и расчлененностью: сигналы машин, скрип тормозов, полицейские или санитарные сирены, залихватский лай, музыка, смех, восклицания и... звон бокалов.

Словно уловив ход моих мыслей, сосед спрашивает:

– На Эйфелеву-то подымались?

– Поднимался.

– Мы с мужиками тоже. Ничего вид. А ресторан так себе: цены а...уенные, а так себе. Еще-то где побывали?

– На симпозиуме... побывал. Доклады послушал, выступил...

– На симпозиуме... доклады... выступили... Это понятно. А еще-то где?

– В музее д'Орсе.

– В музее д... д...Орсе? Да-да-да, что-то такое слышал. Жена говорила....

А в этом-то были?

– В этом?..

– Ну, в этом... – он ириво подмигивает. – Из-за чего наши в Париж рвутся?..

«Вероятно, речь о здешних кабаре, – думаю я. – Мулен Руж и тому подобное... Невинные мужские шалости вдали от недреманного супружеского ока». Но, оказывается, я его недооцениваю.

– В стриптиз-клубе, – уточняет он.

– В стриптиз-клубе?

– Ну! О борделе вас уж и не спрашиваю...

– Представьте себе, не был.

– Ни там, ни там?

– Ни там, ни там.

– Четыре дня в Париже!..

– Это что же – обязательно?

– А как же?! – на его отяжелевшем, но еще крепком загорелом лице с едва наметившимися подглазными мешками недоумение, пожалуй, даже сочувствие. – А как же – быть в Париже и не посетить! – произносит он однажды, в далеком прошлом, уже слышанную мною фразу и после паузы добавляет. – Мы с мужиками каждый вечер – или туда... или сюда. И сегодня опять намыливаемся.

* * *

Допив вино и поплескавшись в душе, сосед отбыл в известном ему направлении, пригласив, надо отдать ему должное, и меня – глянув на золотые массивные, под стать нательнику, часы, уведомил: «К восьми наши в рецепции собираются. Присоединяйтесь».

Немного выждав и убедившись, что «наших» в рецепции уже нет, покинул отель и я.

Девятый час – время для Парижа детское, но на улице было малоллюдно: не центр, да и с реки тянуло холодной сыростью. Недавний разговор не шел из моей головы, особенно эта фраза: «Быть в Париже и не посетить...» Второй раз в жизни довелось мне ее услышать слово в слово неизменной – круто изменился объект посещения, словно бы символизируя очередную – новейшую – ипостась российской трагедии... Помнится, получив аттестат профессора, я пришел к Моде с бутылкой кахетинского. «Поздравляю вас, – сказал он тогда, доставая стаканы. – Профессора никогда не были на Руси богатыми людьми, но всегда – самыми уважаемыми». Мог ли он знать, как радикально изменится менталитет наших соотечественников через двадцать с небольшим лет?..

Я пересек мост, спустился на нижнюю набережную и пошел в сторону центра. И как не раз уже бывало за эти несколько дней, я мысленно представил себе Модю, идущим рядом со мной по ночному Парижу. Какое это было бы счастье для него... и для меня!

– Ну вот, – сказал бы я ему, – вы в Париже. Вы столько об этом мечтали.

– Да, верно, верно... мечтал! – подтвердил бы он.

– Мы пойдем по тому маршруту, о котором вы когда-то рассказывали. Дойдем по набережной до самого Лувра, поднимемся к отелю дю Лувр – на площадь Французского театра... Хотя... хотя... такой площади теперь нет...

– Нет?

– Ее переименовали в площадь Андре Мальро.

– Как, – вероятно, поразился бы Модя, – нет площади Французского театра?!

– Андре Мальро – бывший министр культуры, писатель, философ... герой Сопротивления...

– П-припоминаю, – неуверенно произнес бы он, – Но французский театр – Комеди Франсез – Дом Мольера!.. Когда это случилось?

Теперь наморщил бы лоб я: кажется, Мальро умер в семьдесят шестом... Тогда, видимо, и переименовали площадь. Да, Модя не мог об этом знать: он умер на год раньше. Последние несколько лет он неизменно организовывал в зимние каникулы автобусные экскурсии по Подмосковным монастырям и храмам, с неожиданной непреклонностью преодолевая вязкое сопротивление школьного начальства (в то время патриотическое воспитание и любые аспекты христианства считались категориями несовместимыми). В январе

семьдесят пятого собрались в Загорск. Моде нездоровилось. Соседи по коммуналке уговаривали не ехать. На обратном пути автобус сломался, вызвать техничку долго не удавалось, было холодно, дети мерзли, Модя перенервничал, ему стало совсем худо. Ночью пришлось вызвать скорую, и в свой «пенал» он уже не вернулся.

Увидеть Модю в больнице мне не удалось – в реанимацию не пускали, но накануне вечером я был у него дома. Ему вроде бы полегчало: пили чай с медом, говорили о бульдозерной выставке – тема как раз в то время была на слуху, на кровати мирно урчал рыжий коммунальный котяра.

– Знаете, – без всякой связи с предыдущим сказал вдруг Модя, – если со мной что-нибудь случиться... Ну, если меня не станет... Тут вот адрес... Это на Троекуровском кладбище. Могу я вас просить – мне ведь больше некого.

– Почему с вами должно что-то случиться? Вам же лучше.

– Знаете, на всякий случай. Пожалуйста, два раза в год – десятого мая и пятнадцатого сентября...

Я инстинктивно вскинул глаза на фотографию молодых людей с ракетками в руках.

– Да, – кивнул он, поймав мой взгляд. – Лера умерла пятнадцатого сентября, а десятого мая – ее день рождения. Могила, вероятно, в порядке – ее родственники ухаживают, но цветы... особенно ландыши в мае... Она так любила.

– Можете не сомневаться, – сказал я, пряча записку с адресом. – Пока я жив...

– Она умерла в двадцать восьмом, – сказал он задумчиво. – С тех пор я пропустил только раз – осенью в сорок первого, когда противотанковые рвы копали.

Через неделю после похорон из Иркутска приехала Модина старшая сестра, она же единственная родственница – седая, сухая, внешне на него похожая, но без его шарма, без этой его всегда теплящейся улыбки на худом лице. Я помог разобрать вещи – разбирать, впрочем, было особенно нечего. Модины этюды сестра уложила в старый фибровый чемодан с металлическими уголками, дабы забрать их в Иркутск, этажерка со всем ее содержимым была презентована мне. В первоначальном виде она занимает теперь одну стену моего маленького кабинета, и время от времени, особенно когда за окном пасмурно, а на душе не лучше, чем за окном, я перебираю модины карандашные рисунки и акварели, репродукции парижских пейзажей Писсаро, разглядываю схемы городских округов в потертом, со следами золотого тиснения на кожаном корешке, путеводителе по Парижу.

Еще мне отошла поясная фотография молодых людей с ракетками в руках.

– Кто эта девушка? – спросил я сестру.

– Валерия? – переспросила она скрипучим голосом. – Ха! Невеста, можно сказать. Да к другому ушла... пока Модест в больнице с сердцем лежал. – Сестра помолчала и еще более скрипуче добавила: – Не пошло, однако, впрок ни ей, ни мужу: сама через год родами умерла, а он в тридцатые сгинул.

– Как – сгинул? – не сразу понял я.

– А как все тогда. Мой-то – тоже.

Дома я внимательно рассмотрел фотографию. На ее обратной стороне уж точно не модиным, скорее всего, женским почерком было выведено:

«Коктебель. Май 1927 года».

Двухэтажные набережные, может быть, не главная парижская достопримечательность, но по мне, самая симпатичная. Поверху струятся потоки автомобильных огней, а здесь, внизу, другой мир – воды, обезлиствевших платанов и вязов, неспешных гуляк. Однажды такое уже было, много лет тому назад, в Москве: мы мысленно шли, я и Модя, по воображаемому Парижу к площади Тертр; теперь я мысленно шагал рядом с ним по реальной, влажной к ночи брусчатке нижней парижской набережной.

– Знаете, а вы это замечательно придумали, – сказал бы он, – эту нашу ночную прогулку. Спасибо вам.

– И вам спасибо, – ответил бы я.

– Мне-то за что? – сутуло нахохлился бы он.

– А за все, что... – начал бы я... и замолчал бы: попытка облечь это в слова только бы все испортила.

А по фарватеру плыли яркие, насквозь прозрачные туристические кораблики, и вместе с каждым из них над рекой плыла французская песня: Джо Дассен, Ив Монтан, великая Эдит Пиаф... Слабый ветер рябил воду, и она мерцала и фосфоресцировала, как на картинах Сислея. Вероятно, если бы я сказал об этом Моде, он возразил бы мне со свойственной ему кротостью:

– Да, – сказал бы он, – в чем-то вы, безусловно, правы. Но, знаете... Сислей ведь не написал ни одного ночного пейзажа...

– Пусть так, – ответил бы я. – Но, согласитесь, это очень красиво.

И оттого, что это было очень красиво, и над рекой плыли песни моей молодости, а рядом со мной шел Модя – я буквально физически ощущал его присутствие, – на душе у меня было тепло и спокойно.

Прямо по ходу пестро раскрашенный туристический кораблик подвалил к пристани, музыка смолкла, сиплый женский голос произнес: «Quai de la Bourdonnais. Next stop Quai de Solforino. Attention, there are no toilet facilities on board of this boat. Sorry for the inconvenience»¹⁰. ...И я вернулся на землю – для этого ведь так мало нужно.

Мой первый парижский четверг подошел к концу. В субботу утром мы улетали. На пятницу я сговорился с коллегами – двумя старичками профессорами – ехать в Сен-Женевьев-де-Буа.

Алексей Филимонов

Алексей Филимонов – поэт, переводчик, литературовед. Родился в 1965 году в г. Электростали Московской области. Окончил факультет журналистики МГУ и Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького. Автор книг стихотворений «Ночное слово» (СПб., 1999) и «Сиреневая гроза» (Болгария, Велико Тырново, 2012) – на русском и болгарском языке в переводах Владимира Стоянова, а также книги переводов «Глоток жизни» (В.Стоянов, Велико Тырново, 2012, на болгарском и русском языке). Опубликовал множество статей о проблемах современной поэзии, исследователь творчества Владимира Набокова и переводчик его английских стихотворений. В 1997 году создал новое литературно-философское направление внеизм, развивающее идеи символизма и противостоящее упадку постмодернизма. Зав. отделом поэзии журнала «Аврора». Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

ГЛИНА ОРЕДЕЖИ

*...Мое ль безумие бормочет,
твоя ли музыка растет...*

В.Набоков. Дар

1

Из этой глины вылеплен Адам,
и обожжен известием бездонным
о жертве Богу и другим богам
под пологом лесным, сине-зеленым,

И остужен каленым родником,
несущим свет и тающее слово.
Сюда Набоков приходил тайком –
еще не Сирин, – к бабочкам лиловым.

2

Плотина в жгут затягивает реку,
чтоб выпростать отчаянный поток.
Над Оредежью приоткрыто веко
и чуть слезится в мареве зрачок.

Пещерный житель горних лабиринтов,
он смотрит, как лобзают облака
сквозные души снов полузабытых, –
и видит нас, идущих сквозь века...

3

Хозяин спит, и пустотой надмирной
объяты высь, и дом, и немота.
Бездомность он оправдывает Лирой,
манящей нескончаемо, как та,
что тронула неведомая Муза
вот здесь – близ неоттаявшей стены.

Зола и прах. И пепел. И обуза –
земные, нескончаемые сны.

4

Прощаемся с мечтой и укоризной
близ Склепа, отступившего на дно.
Прощаемся с любовью и отчизной,
которой быть собою суждено.

А Оредежь все так же виновато
мерцает, и в тени былой Парнас
о чем-то шепчет. И душа крылата,
как сирийская, вспыхнувшая в нас.

ДАО

Жёлтая рыба изгнанья
нам подана в котелке.
Горы поют в назиданье
на неродном языке.

Привкус трясины и ночи –
брашно нирваны вокруг.
Эхо над нами хохочет –
видишь ли бездну, мой друг?

Камень сорвался с утеса,
в озеро канул без дна.
Небо темней купороса –
чаша чужого вина.

Рябь на воде с недосыпу,
где раздробилась луна,
слезы-алмазы просыпав
в лунки мгновенного сна.

Холодно в теле всезнанья,
жалок приникший песок.
Птица блестит в мирозданье,
вымолив неба глоток.

* * *

Весенний снег медлительней, чем зимний,
он успевает на лету прозреть,
порою в капли обращаясь ливня,
порою успевая долететь.

Укрыть собой, неповторимым пухом,
немую хлябь, взыскующую свет,
назло прогнозам и нелепым слухам,
он мыслит и к тебе летит в ответ.

Коснись лица, пылинка безвозмездья,
растаяв, как слеза небытия...
Последний снег, ниспосланный созвездьем,
кружится, о бессмертии моля...

* * *

Учите вне-язык,
он вам поможет в бездне –
так будущности крик
освобождает песни

о воле тишины,
о пламени всезнанья.
За дерзость вы должны
умерить покаянье

преобразившим ночь,
раскинувшую сети,
и бездну превозмочь
глаголами бессмертья.

Перевод Алексея Филимонова

Владимир Стоянов (Болгария)

Владимир Стоянов – поэт, переводчик, бард, критик. Родился в 1959 году в городе Варне. Дипломирован по специальности болгарская филология. Его стихи переведены на многие языки. Автор нескольких лирических сборников, выпустил в Болгарии нескольких двуязычных болгарско-русских книг, переведя стихи Варлама Шаламова (сборник «Лиловый мёд») и многих современных авторов. Член Союза писателей Болгарии. Живет в Варне.

УБЕГАЮЩАЯ ТЕНЬ РЕКИ

Земная юрта тает на глазах,
над входом я откидываю горы.
Закатных зорь надев пурпурный прах,
огонь божественный скрывают взоры.

Еще тепло мне нужно, как ребенку,
ладони мои нежат колоски.
И воробьи бросаются вдогонку
за тенью убегающей реки.

И кровь мою томит порывом ветр,
и сумерки спустившиеся гонит.
Взволнованно я встречу горний свет,
с улыбкою застывший на пороге.

ГЛОТОК ЖИЗНИ

Постигаю судьбу
в облетевшем цветке одуванчика
или в камне,
который молчит, что отвергнутый Бог.
А закат-канарейка,
с золотыми глазами обманщика,
уже смотрит в бездонность,
туда, за последний порог.

Нет грядущего там,
где минувшее стало обузой.
Мудрость жизни горька,
облекая прозренья, как дым.

Ты как будто обласкан –
друзьями, и славой, и музою,
а по сути, живешь
словно волк – одинок, нелюдим.

Вот и осень зажгла
в храме лета светильники жёлтые,
где гневливый звонарь
раскачает в ночи небеса.
И кочуют по миру
недопетые песни меж звёздами.
А язык прикусившая жизнь
среди зимы закрывает глаза.

БЕЗДНА

Я не кричу пред бездною враждебной,
пугая бездну, я над ней молчу.
По слову не взбираются с надеждой,
сомненьями врасстая в суету.

Подобно царственному рогносоцу,
смежает синь озёрные глаза –
дабы развеять тяжкие вопросы,
ответить на которые нельзя.

Пускай и в десяти овечьих шкурах,
свою природу не изменит вор,
тебя уже ограбив накануне,
сегодня за иным к тебе пришёл.

Быть человечней ищем оправдания,
своей земной личины не избыв.
Слова пусты, в насмешке исчезая,
когда любовь – лишь стародавний миф.

УЛЫБКА ВЕСТНИКА

Под разорванным парусом чёрным, на снежной галере,
возвращаясь из плаванья, вестника я обогнал.
И прозрел вдруг отец, что распятью я стал соразмерен
и что крест за чужие грехи – это мой пьедестал.
Без морей и без берега вестник судьбы умирает,
выдыхая горбатую весть, побледнев от тоски.
Ухо зарева слышит эфир и в забвеньи гадает,
упадая в томленье на серые злые пески.

Исповедуясь, горько молчу – вспоминающий Имя,
как полыни росток, у дороги возросший тернистой.
«На кого оставляешь? Всевидящий Отче, спаси мя!» –
предвкушая спасенье, шепчу я среди силы лучистой.
За спиною мой вестник, с пророчеством он опоздал,
на земле побеждён, но в бессмертие взят не случайно.
Он о жизни умершего брата по звёздам читал,
но в улыбке его до сих пор не разгадана тайна.

Ольга Виор

Ольга Юрьевна Коротникова (Санкт-Петербург) – русский поэт и поэт-песенник. Ведёт авторскую программу «Личность» на радио «Петербург». Публиковалась в журналах «Невский альманах», «Параллели судеб», поэтических сборниках «Встречи», «Гармония», «Шире круг», «Душа на рифму не глядит», «Окно», «Дорога» и др. коллективных сборниках и газетах. Автор четырёх поэтических сборников. В 2009 году имя поэта было внесено в Швейцарскую энциклопедию успешных людей «Кто есть кто в России».

НИКОМУ НЕ РАССКАЗЫВАЙ...

Никому не рассказывай, как
Появляются сны и откуда
Возникает внезапное чудо,
Чтоб в твоих поселиться стихах.

Никому не рассказывай, что
Не даёт ощущения покоя,
Рвёт поводья, хрипит под рукою
Необъезженное волшебство.

Никому не рассказывай, где
Та страна, что зовут вдохновеньем,
Сколько нужно проплыть по теченью,
Отдаваясь прозрачной воде.

Ведь нельзя объяснить – почему,
Как нельзя поделиться удачей...
Я сегодня, смущаясь и плача,
Новорожденный стих обниму.

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

У памятника Пушкину
Читаю Северянина
И поневоле слушаю,
Как просит подаяния

Певец с глазами старыми,
Его пошлют по матери...
С гитарой, без гитары ли –
Поэт всегда на паперти.

Зевак столпотворение.
С погашенными душами
Шальное поколение...
А всё же – ближе к Пушкину!

2010

СЕРЕДИНА МАРТА

Середина марта. Снег
Валит, не переставая.
Остановленный разбег
Измощенного трамвая.

По сугробам след во след
Потянулись пешеходы.
Середина марта. Снег.
Одолели непогоды.

Хочет солнца человек!
А вокруг – глубокий минус...
Середина марта. Снег.
Снова мне весна приснилась!

март 2010

* * *

Хочется тебе помочь. Нечем.
Ну, поплачься на груди, что ли?
Этот странный и пустой вечер
Словно создан для чужой боли.

Для моей бы подошёл тоже,
Только несколько веков раньше.
Ведь страдания у людей схожи...
Просто я тебя чуть-чуть старше.

Графику черных деревьев на белом снегу
Безукоризненно тонко вплетает февраль.
Есть кое-что, без чего я уже не смогу.
Есть кое-что, от чего отказаться не жаль.

Трепетом линий пронизано небо насквозь.
Сетью ветвей через кожу пульсирует жизнь.
Не обещай, чтобы после жалеть не пришлось.
С черными ветками вены навеки сплелись.

Предугадай по глазам продолжение сна,
Пальцем води по стеклу – всё равно не вернусь.
Если твоя теорема о счастье верна,
Графику черных ветвей зафиксирует пульс.

2008 – 2011

КРЕСТИК

На кожаном шнурке нательный крестик.
Серебряный, подаренный тобой.
Дороже всех сокровищ, взятых вместе –
И он, и ты мне посланы судьбой.

Предотвратит любое злое дело,
Хранит меня от сплетен и вражды,
И если взять на душу грех хотела,
То на краю удержит от беды.

Я с ним не расстаюсь ни на минуту,
Он словно ангел, распростёр крыла.
К щеке прижму и вспомню почему-то,
Как в детстве мама за руку брала.

ноябрь 2011

ФЕВРАЛЬ

Февраль. Достать чернил и плакать...

Б. Пастернак (1912)

Минус двадцать, февраль и Питер.
Дом не топят вторые сутки.
Спать ложусь – надеваю свитер,
Всё равно замерзают руки.

Карандаш со свечой на кухне –
Девяносто квартир без света.
Этот мир, несомненно, рухнет...
Свет в ночи – вечный путь поэта.

Как же можно так жить, послушай!?
Мы в культурной столице вроде?
В феврале умер Саша Пушкин,
А курок до сих пор на взводе.

Убиваемся, убиваем...
Бьёмся грудью об лёд, что толку?
Лишь любовью обогреем
Этот день, эта жизнь и только.

Взгляд назад – оседают лица.
Как же душно мне здесь, как душно!
С февралём я готова слиться,
Мне чернила искать не нужно.

2012, 2 февраля

Вячеслав Лейкин

Родился давно, – в 1937 году. Стихи писать тоже давно начал, – в 50-е годы прошлого ещё столетия. А печататься стал сравнительно недавно, – первая книжка «Образы и подобию» вышла в 1991 году. Потом было еще несколько крошечных и малотиражных сборничков. И, наконец, в прошлом году вышел в издательстве «Геликон» вроде бы нормальный сборник стихов «Герой эпизода». Было несколько журнально-альманашных публикаций, наиболее, как мне представляется, интересные в журнале «Нева». Да, чуть не забыл, – писал киносценарии, например, для фильмов «Бакенбарды», «Имитатор», «Окно в Париж» (один из авторов). Вот, собственно, и всё.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Максим Петрович – господин в летах;
Всегда умыт, побрит, благонамерен;
Разводит рыб, прикармливает птах;
Его кумиры – Диккенс и Каверин.
Не пьёт. И вечно палец на устах.

Его в четвёртом действии вдова
Наталья Александровна Серова.
Умна, подвижна, где-то нездорова,
Порой неутомительно сурова
И всякий раз по-своему права.

Их дети: Николай, угрюм, сутул
И мнителен: то кровь сдаёт, то стул;
Упёрт – ему не просто надо верить,
А тут же приспособить и примерить.
И губы дудкой, словно что-то сдул.

Его сестра Елена, красоты
Невыносимо терпкой; и при этом
Её глаза так праведно чисты,
И речи так затейливо пусты,
Что впору взвять... Похоже, что с приветом.

Их общий друг Вадим. Всегда готов
В пыли полупрописанных понтов
Вдруг перед ближним выпотрошить душу,
Взмыть невидимкой в хаосе бинтов,
Вверяя волю призрачному кушу.

Корней Козлов – поэт и психопат.
Влюблён в Елену зло и невпопад:
То станс ей впарит, то зашлёт маляву.
Весьма плешив и там же конопат,
И обожает жидкую халяву.

Ещё туда бывает медсестра,
Довольно жизнерадостная Надя,
Сосед пасётся, жалуясь и гадя,
Приехавший из Аргентины дядя
Фасует прах фамильного костра.

И, наконец, ручной орангутанг,
Когда-то кем-то привезённый с Явы.
Неуязвим и грузен, что твой танк.
Сперва служивший только для забавы,
Вдруг статус поменял и как бы ранг.

Весь этот сонм, паноптикум, кружок
То волю имитируя, то муку,
Пытается вогнать в один прыжок
Аляповатой страсти пережог,
Помноженный на сумрачную скуку.

Но вот, неотвратимей бумеранга
Причудливый грядёт апофеоз:
Внезапно то ли с тыла, то ли с фланга,
Величественный, как радикулит,
Вдруг возникает некоторый Босс.
С Еленой, оказавшейся Лилит,
Он вертит на просцениуме танго...
Финальный монолог орангутанга
Угрюмо неизбежное сулит.

БЛЮЗ

Один чудака к сорока годам
Решил, что всему конец.
Он понял вдруг к сорока годам,
Что полный всему конец.
И тут же, спугнув с постели мадам,
Явился к нему гонец.

«Ты прав, старина, – он сказал чудаку, –
Плохи твои дела».
Трубу расчехлив, он сказал чудаку:
«Исчезнешь – и все дела.
Мужское ли дело считать ку-ку
И тупо грызть удила».

«Ты слишком был верен своей судьбе,
А она что ни день дурит.
И смерть – не судьба, а прокол в судьбе,
Когда она, тварь, дурит.
Как если бы на голову тебе
Рухнул метеорит».

«Так стоит ли ждать, играть в поддавки,
Сказал чудаку гонец, –
Ведь сколь ты ни целься, всё – поддавки
И жмурки, – сказал гонец, –
И ежели яд тебе не с руки,
То вполне подойдёт свинец».

«Ты слишком часто платил по счетам
И слишком терпел скотов.
Так вот, – чем платить по чужим счетам,
Чем быть своим у скотов,
Откупорил перстень, – и ты уже там,
Плюмбум – и ты готов».

«Глаза затекли и дырка в боку –
И ты перестал грустить.
Вчера ещё спал на этом боку, –
Шарах! – и нечем грустить.
Ну, бывай, – сказал гонец чудаку, –
Мне троих ещё навестить».

И вдруг он завял и крыльями вдруг
Поник, что твой марабу.
И пошёл, спотыкаясь о землю вдруг,
Сутулый, как марабу.
А Господь незримо стоял вокруг,
Ладони прижав ко лбу.

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

---

* * *

Иногда бывает просто необходимо, – ну, кровь из носа! –
Срочно освободиться от некоторого внутреннего нафталина.
И тогда возникает музыка, которой воистину нет износа,
И вся эта черно-белая, но такая Солнечная долина.

Или вдруг замереть в какой-нибудь мелкой случайной нише.
Зайтись невпопад от любви к никому, от недоосознанного смятения,
Ощувив себя не во лбу, не в груди, а, допустим, несколько ниже,
В самом центре весьма запутанного, но такого солнечного сплетенья.

Конец января. Начало дня. За окном замерзает ртуть.
Пытаюсь на завтрак в яичницу вбить остатки божьего дара.
За окном посиневшая птица норовит перестричь мой жизненный путь,
Но я предпочёл бы летом, пусть от внезапного, но такого солнечного удара.

То есть, скоро то ли в отстой, то ли в нетях неведомых парусить,
Разбросав кавычки, выйдя за скобки, сменив основную тему.
Но как на это решиться, когда просто некому поручить
Нашу маленькую, но такую Солнечную систему.

МУЗЕ

Когда ты незримо паришь надо мной, моя дорогая,
Сгустки холодного пламени вот именно изрыгая,
Скорее всего, единственная в своём сокровенном роде,
Наперекор порядку, жизни, самой природе,
Когда невпопад порхаешь, роняя свои – теперь я
Отчётливо понимаю, что всё-таки это перья, –
Когда не имея случая сжечь себя на костре, ты
Бьёшься почти в истерике в стёкла, шкаф, портреты,
Когда ты взмываешь свечкою, чтоб тут же уйти в пике,
И вдруг замираешь жалобно в неведомом тупике,
Я вдруг понимаю, чувствую, что время моё – вода,
Текущая в разные стороны, но чаще всего туда,
Где, вспять отследив небывшее, едва ли оставишь след,
А просто закроешь форточку, погасишь на кухне свет,
Свою, как чужую, голову обхватишь со всех сторон,
Вспугнёшь напоследок зеркало и медленно выйдешь вон.

* * *

«Как я себе надоел! – провыл Фалалеев,
Обращаясь непонятно к кому,
Непонятно кто тут же сделал вид,
Что его не существует.
«Во лбу мозжит, – продолжил Фалалеев, –
В груди еле барахтается,
Ливера меж собою скандалят,
А я отдувайся.
Предлагаешь – не берут,
Намекаешь – не дают,
Едва войдут в твоё положение,
Оно тут же становится безнадежным.
Солнце встаёт не всегда,
И видно, что с неохотой,
Что же касается женщин,
То стыдно сознаться...».
«Как ты мне надоел, Фалалеев!» –
Простонал непонятно кто,
Выходя из себя небольшими толчками.
Фалалеев от неожиданности
Тут же сделал вид, что счастлив.
Так и застыл с этим видом,
Держа на раскрытой ладони
Золотое яйцо птицы Сириин.

Галина Гампер

Галина Гампер родилась перед самым началом Великой Отечественной войны в городе Павловске. Заочно, дома (болезнь с детства приковала будущего поэта к инвалидному креслу) закончила английское отделение филфака ЛГУ. Своим первым поэтическим учителем считает Льва Савельича Друскина. Позже в её жизни большое место занял Глеб Сергеевич Семенов, учитель почти всех ленинградских поэтов-шестидесятников от Кушнера до Сосноры. Прочитав стихи Галины Гампер, молодого поэта поддержал Михаил Александрович Дудин, в 1965 году «Лениздат» выпустил её первый сборник с его вступительным словом.

С 1972 года – член Союза писателей Ленинграда (Санкт-Петербурга). Автор восьми поэтических сборников. А также в разные годы издавались: «Дух сам себе отчизна» (1996, романизированная биография Перси Б. Шелли), переводы с английского Перси Б. Шелли, Йетса, Бернса, Дж. Китса, современных английских и американских поэтов.

* * *

Татьяне Гампер-Мелконовой

Вот глобус –
шарик наш издалека.
Здесь ты и я
по разные бока...
Ты хочешь жить,
я тоже жить хочу,
Хоть так нещадно
жгу свою свечу
Враз с двух концов,
как ты, на тот же лад...
Что делать?
Генетический расклад
Таков,
что наше родовое древо

То вправо гнет,
то круто клонит влево,
Ствол перекручен,
ветви сведены,
И в дикой кроне
кочья седины,
И только мертвой
хваткою корней
Мы так сильны,
самих себя сильней.

* * *

Заросшие полынью и крапивой –
Как будто бы уже по грудь в могиле –
Дома и люди, люди и дома.
А озеро так царственно беспечно,
И лес по окаёму чуть дрожит,
И, видимо, отсюда ближе к Богу.
А жизнь прожить – лишь поле перейти,
Цветущее картофельное поле,
За ним и начинается кладбище –
Простор бумажным розам и крестам.
Шумит камыш, шумит..., деревья гнутся,
Ярятся псы – разумнее хозяев.
А Спасы лик, тускнеющий в углу,
Печали глубже, радости просторней...

* * *

Из тела, из души, из памяти –
Не жалко,
Ушёл – сама гнала:
уж лучше поскорей.
Но вот который год
качается качалка,
Из ивовых ветвей
изогнутая чутко,
Легчайшая, давно
готовая в полёт,
Но проклятая ждать,
безвыходно и жутко
Она в моём углу
качается и ждёт.

НАТЮРМОРТ

Одинокое яблоко,
фон в амбразуре окна –
Грязноснежный, глухой,
жестяное дворовое донце.
Приближенье Адама,
рывок, натянулась блесна,
Под условной чертой горизонта
затеплилось солнце.
Ожиданье, начало,
высоко натянутый трос...
Ожиданье. Лишь им
и держусь на плаву да на взлете,
Напряженьем его –
в амплитуде от смеха до слез –
На предельной
ликующей или отчаянной ноте.
Было яблоко, вырос,
я и не заметила, сад
И зацвел и отцвел...
Я очнулась, пройдя переплавку.
Кисти мою и краски ищу,
возвращаюсь назад,
Ставлю яблоко. Так.
И на яблоко делаю ставку.

* * *

Это чайки кричат,
Будто старые двери скрипят.
От осенней воду
Потянуло туманом и смутой.
Что уж скряжничать,
Что уж трястись над последней
минутой.

Никогда, все равно
Никогда не вернуться назад.
В ту же реку нельзя,
Мы ведь знали с тобой, что нельзя,
Мы ведь знали с тобой,
А не верили,
трудно поверить...
Оглянуться, заплакать
И взглядом прощальным измерить –
Моментальным и точным,
По льду отчужденья скользья.

* * *

Русь златоглава,
ярмарочна Русь.
Плывёт сквозь синеву
хрустальный гусь,
Цветут купчихи,
как луга в июле.
Кустодиевский
праздник бытия,
Бубенчатая
родина моя.
Как вовремя,
как словно мы уснули.
Смерть обхитрив,
мы спим в сени дерев,
Пятью перстами
блюдце подперев,
Разгорячась
у злата самовара,
Наш сон, как терем,
светел и высок.
Все беды, как вода,
ушли в песок,
Мы спим –
и нет таинственнее дара.

* * *

Мне не спалось,
я вышла на крыльцо,
Туман
чуть оторвался от воды –
Клубился, полз,
образовав кольцо,
И сам свои
зализывал следы.
А я все
убаюкивала боль,
Сама себе и
лекарь и сестра –
Что ж мучай, говорила я,
изволь,
Выздоровленью
не пришла пора.
Его лицо,
преображаясь в лик,
Текучим становилось, как вода.
Был миг один,
всего какой-то миг,
Страданием
продленный навсегда.

ПРЕДПАСХАЛЬНОЕ

Кочки, будто куличи,
Снежной облиты глазурию...
Кляксами пестрят грачи,
И припек сменился хмурью,
Хмурь
страстною полосой
Пролегла, поля затмила.
Крошка-ангелок босой
Взгромоздился на перила
Деревянного моста.
Стихло все на скорбной ноте,
Лишь густела тень креста
С приближением
к субботе.

* * *

Вот жемчужно-белой ночи бирюза,
Наплывают очи на глаза,
И глаза растут в размер очей,
Упакована любовь в размер ночей,
А вернее – безразмерность, ибо день –
Лишь задумка и набросок,
только тень,
Только завязь и оскома...
Всё потом –
Ночь и ты,
и край вселенной за кустом.

Наталия Резник

Родилась в Ленинграде, окончила Ленинградский политехнический институт, по образованию инженер. С 1994 года – в США.

Призёр ряда конкурсов, в том числе – «Пушкин в Британии», «Эмигрантская лира», «Болдинская осень в Одессе»...

Публикации в журналах «Фонтан», «Невский альманах», «Чайка», «Иностранная литература» и других изданиях.

Боулдер, Колорадо.

ИСКУССТВО ФЕМИНИЗМА

Ире и Игорю

– А теперь, – сказала русская женщина-экскурсовод, обращаясь к группе забредших в бруклинский музей русских экскурсантов, обратите внимание на феминистическую инсталляцию в форме треугольного стола. Инсталляция в виде стола занимала целый зал с четырьмя выходами, три из которых были предусмотрительно перекрыты.

– Вы спросите, почему стол треугольный, – сказала экскурсовод. Никто не спросил.

– Треугольная форма стола символизирует то, что нужно женщине, то есть равно... равно... как же это по-русски?

– Равнобедренность? – подсказали из группы.

– Да! Правильно. Равноправие.

Стол действительно представлял из себя равносторонний треугольник и, видимо, должен был символизировать равенство трех полов: женщин, мужчин и экскурсоводов.

– Обратите внимание на приборы, стоящие на столе. Каждая тарелка имеет свой неповторимый узор, но каждый узор изображает то, что по-английски называется вагина. Как же это будет по-русски?

Экскурсанты молчали, стесняясь сказать, как это будет по-русски. Я подсказала:

– Влагалище?

– Точно! – обрадовалась экскурсовод. – Влагалище как символ равноправия женщины! Что делали мужчины в прежние времена? Разукрашивали картинами церкви. Вот как мужчины разукрашивали картинами

церкви, женщины разукрашивают узорами тарелки, чтобы заявить о себе во весь голос.

Я на секунду представила себе церкви, расписанные жаждущими равноправия мужчинами, и мне стало нехорошо.

– Обратите внимание на то, что в середине стола имеется пустота. Это отверстие символизирует...

Она еще не договорила, а я уже поняла, что символизирует дыра в столе. Женское равноправие!

После экскурсии и в зале европейских мастеров мне повсюду виделись символы женского равноправия: круглые, треугольные, овальные... Как будто весь музей накрыло этим самым символом...

О, великая сила феминистического искусства!

СИНЯЯ БОРОДА

В деревне у нас говорили, что я горда,
Независима, свободна и весела,
Пока не пришел Синяя Борода,
Сказал: «Пошли со мною». И я пошла.
Он запер меня в своем огромном доме,
Приходил иногда ночами, как муж к жене.
Он делал со мной такое, что никому
Я б не позволила в самом кошмарном сне.
А потом он себе другую найти решил,
Потому что был молод еще и вполне здоров,
И однажды ночью он меня задушил
И сбросил около дома в глубокий ров.
Нас тут много таких, мы частенько его честим:
Мол, маньяк и убийца, без совести и стыда.
И сумел же вокруг пальца дурочек обвести,
Вот если б опять, так мы бы с ним никогда!
Я тоже в этом клянусь на чужой крови,
Которая с грязью смешалась в проклятом рву,
Но если придет и скажет он: «Оживи», –
Клянусь, что в ту же минуту я оживу.

* * *

Бритвой глаза режущий свет ли,
Петлей горло душащий строп ли
Или свистящие в зимнем ветре
Чьи-то невозможные вопли

Мешают летать черт возьми, мешают,
Мешают мчаться к воротам рая.
А нам летать и не разрешают.
Нас вообще на ключ запирают.

Вы, – говорят, – психи, сидите тихо,
Вспоминайте товарищей увезенных,
Потому что на всех летающих психов
Не напасешься гробов казенных.

* * *

Помнишь, как мы играли,
Что смерти нет,
Как мы друг другу ввали,
Что ход планет
Очень даже возможно
Переменить,
Если совсем немножко
Повременить?
Дальний бессмертья остров
Уже забыт.
Ну, а планеты просто
Не сбить с орбит.

* * *

На свалке лет прожитых хлам
Становится гнильем,
И только то осталось нам,
Что мы всегда вдвоем.

Меж нами тысячи болей,
Метаний, слез, теней.
И этот сверхнадежный клей
Любой любви сильней.

* * *

...Я все равно упорно приезжаю
С той родины, которой не нужна.
Меня встречает странная, чужая,
Понятная, привычная страна.

И я, с какой-то неуместной дрожью
Ступая в неосвоенный простор,
Иду домой – к надежному подножью
Любимых кем-то колорадских гор.

* * *

Знаю: до последнего вздоха,
До последнего всхлипа мне,
Привередливой, будет плохо
В этой самой лучшей стране.

За дешевый компотец в жилах
Неподъемную дань плачу.
Эту – я полюбить не в силах,
И другой – уже не хочу.

* * *

Это время мной когда-то было любимо,
Как любое время. Я все времена любила.
Любила осень за спешащую следом зиму.
Зиму – за то, что весна за ней приходила.
Любила весну за лето, лето за осень,
Смотрела в июнь сквозь холодные ливни
марта.

Но время ушло. Я его зачеркнула косо

Сегодня в ожиданье иного завтра.

Ольга О'Нил (США)

Ольга О'Нил (Olga O'Neil) родилась в Западной Сибири, в г. Новокузнецке.

С 2003 года живет в Нью Йорке, США. Профессия – помощник адвоката.

Пишет стихи и очерки. Стихи Ольги О'Нил исполняются и мастерами авторской песни в Украине и России.

NEW YORK. «ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ!»

«Хлеба и зрелищ», как выясняется, требовали не только братья-римляне – современный Нью-Йорк ни в чём не уступает античным ребятам. Парады и шоу – любимое времяпрепровождение (уф! какое длинное слово) местной публики. Праздник становится национальным не только по указу правительства, но и по велению души всего эмигрантского сообщества. Из этого самого сообщества, собственно, и состоит Нью-Йорк.

В 8 утра звонок от подруги из Нью Джерси: «Оля, быстро приводи себя в порядок! Гладь одежду и лицо, и быстренько пересекаемся с тобой на Пятой авеню. Там сегодня Филиппинский парад! Экзотика! Я в интернете вычитала!»

«Господи, с какого перепуга Филиппины вышли на парад в центре Нью-Йорка?!» – полупроснувшись, вопрошаю себя. Но времени на «подумать» не дали. Пытаясь в спешке не перепутать предметы дамского туалета, одеваюсь и несусь в Манхэттэн. Радостно вооружившись фотокамерами, моя подруга и я вырुливаем на одну из самых дорогих авеню города.

И... Над восторженными народными массами, вдоль всей славной Пятой авеню гордо реют бело-голубые звёзды Давида! «Ну-у-у? И чего это у нас вдруг Филиппины под Израильскими знамёнами?» – вопрошаю подругу. «Ну перепутала, бывает... Наверное, всё-таки не Филиппины...» – скромно потупив глазки, отвечает Ира. Но парад всё же удался. Правда, не понятно чего праздновали. Да и какая разница. Весело!

Перевоплощение города происходит в зависимости от национального колорита виновника торжества.

17 марта – День святого Патрика – славный день для Ирландии. А поскольку Нью-Йорк на 50 процентов (ну или около того) состоит из жизнерадостных представителей этой замечательной страны, то «гуляем все!»

Зеленые листья клевера украшают город и одежду прохожих, ирландские пабы старательно подмигивают всеми окнами, обещая убойные земные

радости любителям пива. И, конечно же, ПАРАД! Музыка, маскарад средневековой ирландской моды, представители ирландской католической церкви, не перечислить всего! Желтые пятна такси удачно гармонируют по цвету и напористости с общей панорамой.

У продавцов хот-догов урожайный день. Телешоу со всех экранов, а ведущие пытаются выдать из себя ирландский акцент. Манхэттен ошалел от суматохи. Он вдыхает пивные ароматы и сам пьянеет, как большое живое существо под зелёной ирландской шляпой с огромной пряжкой.

Шоу, шоу, шоу! Если не празднуется ничей национальный праздник, то незанятое пространство отдано на растерзание рекламодателей. На Таймс Сквер на крыше автобуса, имитирующего сцену, почти обнажённые парни поигрывают бицепсами, стараясь стать «лицом» очередной спортивной фирмы. Не знаю, как насчёт «лица» фирмы, но лица зевак обоих полов выражают восхищение и зависть от вида мускулистой компании. Город изнывает от эмоций. Смена настроений и декораций быстра и непредсказуема. Ты пропитываешься этим безумством и становишься невольным его участником.

Нью-Йорк – подмостки великого театра, где сценарий диктует сама жизнь.

NEW YORK. PENN STATION-SOUTH SEA PORT

Очень хочется написать так: «Легко постукивая каблучками, я впорхнула в вагон метро...», но это был бы слишком художественный вымысел. Во-первых, не было каблучков. Во-вторых, трудно назвать порханием попытки лавировать и протискиваться в сплошном людском потоке в час пик. Я пыталась успеть на вечерние занятия в колледж, который находится в сердце Манхэттена – у Южного морского порта и недалеко от Уолл Стрит. Чтобы добраться в мою альма-матер, мне неминуемо нужно нырнуть в подземный лабиринт Пенсильвании Стэйшн. Как и любой уважающий себя вокзал, Пенсильвания заглатывала людей непрерывным потоком. Этот прожорливый и самостоятельный организм прошит внутри линиями метро и ветками поездов. Пенн Стэйшн – это целый подземный город с ресторанами, кафе, супермаркетами и прочими радостями человеческого бытия.

На поверхность ведут несколько путей, которые позволят вам увидеть свет на Седьмой либо на Восьмой авеню. Но я отвлеклась. Итак, ввалившись в вагон, я облегчённо вздохнула... а зря. Следом за мной, укатив несколько барабанов, посреди вагона уютно устроились уличные музыканты – судя по внешнему колоритному облику, выходцы с Ямайки. И... выдали такой ритм на своих тамтамах, что вздрогнул весь вагон! Так, приплясывая и подпевая, мы катились по подземным тоннелям. Наконец моя остановка. Мысленно попрощавшись с весёлым вагоном и его пассажирами, я понеслась наверх, к дневному свету.

Время ещё оставалось, и не прогуляться по набережной Южного порта было бы просто преступлением.

Это место Манхэттена (хотя сравнение довольно странное), напоминает мне московский Арбат, только у воды. Бульжная мостовая, кафе и ресторанчики, торговый центр и... морские такси – лёгкая смесь ностальгии и тихого восторга. Настоящие старинные шхуны пришвартованы к берегу, того и гляди на мостике появится одноногий капитан с попугаем на плече. Правда, теперь этот капитан работает экскурсоводом, но всё-таки...

Сверху, со второго этажа торгового центра, присев за столик в мексиканском ресторане, наблюдаю за оживленной картинкой. Из-под навеса открывается почти киношная панорама. Публика курсирует по набережной, потерявшись во времени. На всё это релаксирующее пространство безразлично и надменно смотрит Бруклинский мост, уходящий всей мощью куда-то на другой берег, в начало Бруклина.

Надо бежать на занятия... Жаль. Но я вернусь сюда вечером, когда засверкает огнями берег, когда из ресторанчиков будет литься ритмичная музыка, а лица посетителей потеряют своё дневное озабоченное выражение, когда шхуны будут готовы отойти от причала, надеясь найти свою Новую Землю, а Бруклинский мост будет всё так же спокойно и безразлично стремиться в небо...

МЫ СЕБЯ НАКАЗАЛИ ВРЕМЕНЕМ

Мы себя наказали временем,
Ожиданьем, как сетью, спутаны,
Не попав в чужеродность стремени,
Подменяя года минутами.

Мы себя наказали верою,
На кону вечный приз – отчаянье,
Пеленой затянуло серою
Белоснежный узор венчания.

Мы себя наказали памятью,
Друг у друга забрав сомнения.
Вновь рождённой весенней заматью
Дразнит утро до иступления.
Мы себя наказали нежностью,
По глотку испив обещания,
Захмелев от небес безбрежности,
Привыкая считать прощания...

ПОСТОЯВ НА ВЕТРУ

...постояв на ветру иль шагая в студеную воду,
не взлетев, но упав, начинаешь обратный отсчёт.
понимаешь, любовь – это только на время свобода
от ненужных условностей и от фальшивости нот.

ложь – слашавая Леди, не знает ни меры, ни места,
подкрадется и кошкой невинно свернётся у ног,
и на самом краю, на границе улыбки и жеста,
растворятся слова, не успев обозначить итог.

так бывает, что жаркий июль с сентябрем перепутан
и туман оставляет на коже неласковый след.
на часах почему-то секундами стали минуты
да дописан не мной сочинённый, знакомый сюжет...

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Мы другим январём мечены, звал меня ты иным именем,
Растворились слова в млечности, занавесились окна инеем.
По-московски зима беспечная рассыпала снега белые.
Что ж ты там позабыл, в вечности, где казались себе смелыми?

Январь, застудив, сгнули, выстилая весной прошлое –
Задержаться, пройти мимо ли или встретить с тобой хорошее?
Светом тёплых огней напоенный, цвет бессонных ночей – палевый,
Знаешь, эти дожди – вовремя, над Нью-Йорком висит марево.

Мы другим январём мечены, только в этом остаться хочется,
Заменяв прощание встречей, не посетуем на пророчества.
Ход песочных часов медленный – так бывает, сезоны балуют.
За нью-йоркским окном ветрено, ты его затвори, пожалуй...

Михаил Этельзон

Родился в 1959 году в Виннице. Закончил Санкт-Петербургский Политехнический университет и Московский институт патентной экспертизы. Победитель международного конкурса «Эмигрантская лира – 2009» в Брюсселе.

Публиковался в периодике: «Неве», «Арионе», «Новом Журнале», «Интерпоэзии», «Слове / Word», «Дне и Ночи», «Метро», «Настоящем времени», «Чайке», «Эдите», «Новом Русском Слове», «Форвертс», «Труде», «Информпространстве» и др. Участвовал в многочисленных поэтических альманахах, изданных в разных странах. Автор книг «Под Созвездием Рака» и «Соло». В настоящее время живет в Нью-Йорке, США.

КЁЛЬН

Д. Чкония

Шёл путями сюда окольными –
посмотреть на твои дворы...

Что наделал ты колокольнями,
рейнской сталью что натворил.

Я стою под собора сводами,
и не радуют витражи;
видно, старые счёты сводим мы,
снова прошлое пережив.

Мне не спится здесь, мне не ходится,
слишком пиво твоё горчит,
это память за мной охотится,
каждым камнем вокруг кричит.

Вижу загнанно, слово дичь я сам:
вырываясь из древних стен,
башни варваров в небо тычутся –
к Богу вопль, застывший стон.

Упрекаешь весь мир руинами –
как сравнивали тебя с землёй.

Ты оставил в земле родных моих,

в небе – дымом, в печах – золой.
Римский пасынок – из колонии
поднимался, неся кресты...
Успокой меня колокольнями,
дай надежду тебя простить.

ГЕНТ

М. Шварцман

Пройдёмся по улицам старого Гента,
минуя каналы – к его площадям...
Из сказки, из мифа, придуманный кем-то,
он входит под кожу, гостей не щадя.
Величием соборов своих подавляя,
подвалы сознания вдруг всколыхнёт:
не мы ль, очумев от огульного лая,
из средневековья спасались в исход.
Не здесь ли, испанской короной хранимь»,
вдали от костров находили приют?
О, Фландрия, помнишь ли ты моё имя,
каким ремеслом я прославился тут?

Взираю на тысячелетние камни,
пытаюсь понять я фасады твои:
вот церкви – кто строил их рядом веками? –
вот ратуша – что она в недрах таит?
В пожарах и войнах, в чуму и холеру,
в отчаянье к небу вздымающий стон,
теряя надежду и веру, и веру...
какими богами был Гент сохранён?
Чтоб снова сюда – от бетона и стали,
я не пожалею каналам монет...
Возможно, и здесь мои гены остались,
но генты, но Генты остались во мне.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Я хороший, ты хорошая,
и никто не опроверг;
так откуда это крошево,
даже месиво поверх.
И летят осколки звонкие:
слово за слово – картечь,
оказалось, я-то вон какой,
ты какая – не изречь.

И теперь, как ни расхлёбывай,
не залечишь в гладь и тишь,
виноваты в этом оба ведь –
исподлобья что глядишь.
Ничего, по сути, нового –
мелодрама, как в кино;
но за мною послесловие,
за тобой – супруг иной.

Будет всё тип-топ, как в Греции:
ты – при грации своей,
я с Плутархом и Горацием,
если выживу – сильней.
Огорошил, огорошила –
вместе целое двоя;
ты – принцесса на горошине,
я – горошина твоя.

КОРОЛЬ ЛИР

*Теперь такой обычай завелся,
чтоб прогонять отцов без состраданья...*

В. Шекспир. Король Лир

Ну что, Король, распалось королевство,
и дочери, которым всё отдал,
прогнали, довели тебя до бегства –
неслыханный в Британии скандал.
«Седлать коней!» – ты королём и не был:
в шуты тебя назначили они.
«Не дай сойти с ума, благое небо...» –
здесь небо ни при чём, себя вини.
«За что?» – тверди и день и ночь блаженно,
весь мир не понимающий гордец;
«Моя ль ты дочь?» – спроси у отраженья,
услышь в ответ: «А мой ли ты отец?»
Рвануть клинок потомственный из ножен,
ударить в отражения свои?
Король не умер, но уже не нужен,
и боги отвернулись – не зови.
Теперь не ты – свели с тобою счёты
за то, что быть осмелился добрей.
«Плох тот, кто поздно кается» – о чём ты?
Корону не вернуть? А дочерей?
Куда глаза глядят – бродить в пустыне,
не сорок лет, а до скончанья дней,

пока твой гнев и тело не остынут,
всё потеряв – и царство, и коней.
Что сожалеть, не дали сына боги –
всю жизнь о том печалился и я,
изгнание – не худший суд в итоге:
суровее с отцами сыновья.
«Порвалась связь времён...» – о, что за дети!
Не торопись, столетья до тебя
и после – за детей своих в ответе –
их проклинают, помня и любя.
«О жребий мой...» – с тобой бродить в пустыне,
сходя с ума, и выть, и бормотать...
Через века грехи Ты отпусти мне,
как дочерям их отпустила мать.
Нет милости – законы в мире те же,
нет сына – быть опорой на войне,
нет третьей дочки – любящей – утешить,
и, что лукавить, королевства нет.

Михаил Садовский

Широко печатается в периодике разных стран мира. В США в переводе на английский вышли книги прозы писателя. В настоящее время в России готовится к печати книга «размышлизмов» – «Шкаф, полный времени». В Америке переведён и готовится к печати роман Before it's too late («Пока не поздно»).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Было непривычно уютно – ей было тепло и тихо, так благостно лежать, прижавшись к нему всем телом и закинув руку поперёк груди на его шею... и внутри тихонько тикало: «Неужели правда? Неужто так бывает?»

– Ау-у! Ты улетела куда-то... куда ты вдруг исчезешь? – пошевелился он.

– Нет-нет, что ты! Я здесь с тобой... не привыкла ещё, что так бывает...

– К хорошему-то привыкать не надо...

– Нет... знаешь, я ещё девчонкой совсем прочла рассказ у Бунина «Молодость и старость», там старик ему притчу, легенду курдскую пересказывает... и я бросилась её искать – правда ли это или Иван Алексеевич сам придумал?

– А какая разница?

– Ой, большая! Понимаешь, если притча старинная, – она века мудрости в себе накопила... если б неправда была – она бы умерла, затерялась, погасла...

– И что?

– Только ты не смейся, ладно, что с такой дурочкой, нет – с дурой связался...

– Так даже слаще и проще... – возразил он.

– Ну, вот – протянула она разочарованным голосом и приподнялась, опершись на локоть... – я с тех пор, понимаешь, всю свою жизнь по ней проверяю...

– Так что за легенда – не помню я такого рассказа...

– Да он неизвестный, только избавиться от него никак не получается...

– А зачем, Господи! Ты живи как живётся...

– Нет. Страшно очень... бывает... – что-то невидимое пролетело над ними. Она снова опустилась на постель, плотнее прижалась к нему и отвела взгляд...

– Отец погиб в год моего рождения. Я его вовсе не знала. Так, по нескольким фотографиям истёртым довоенным представляю, как с детства его придумала... Мама тоже недолго протянула после войны... мне десять было, когда сиротой осталась. Ну, бывает всё полосатое – я сразу в другую семью попала. Тётка, матери сестра родная, не позволила меня в детский дом сдать и к себе взяла. Я её по имени звала и на «вы»... А муж у неё чудной был... учёный, странный, как в кино показывают – такой «не от мира сего»... Я его вовсе никак не называла. А по правде сказать, не успела просто. Я, как переехала в их город, ну, сюда, значит, это ж далеко от меня было... полмира для меня, как перебралась, месяц не прожила – его забрали ночью. И все будто чокнулись – там же семья большая была. Наташа и трое моих двоюродных братьев. Все тоже затихли... Просто невозможно было представить, во-первых, за что? Он филолог был – какие там секреты он мог продать английской разведке? Тогда почему-то всё английской разведке продавали. Может, из-за Черчила – не знаю... А потом, как это Николай Петрович и тюрьма. Это было настолько нелепо, настолько невозможно представить его где-то, совершенно неприспособленного к быту, такого рассеянного растеряшу в переполненной тёмной камере на нарах или в зимней тайге на лесоповале... Ну, никто не верил, конечно, даже в то, что это произошло! Тётка будто умом тронулась: по ночам бродила по большой по тем временам трёхкомнатной квартире, заглядывала во все углы, словно, как в детской игре в прятки, хотела обнаружить своего мужа первой и засалить. У них традиция была: воскресный обед общий – стол круглый, скатерть... она ставила для него тарелку, клала приборы по обе её стороны, наполняла жидким, пустым супом... совсем пустым – в нём не то очистки какие-то плавали в воде, не то остатки... они ж обеденели сразу страшно, как его посадили... а потом... потом совсем остывший суп этот, когда поели, делила поровну между детьми, а себе ничего не оставляла... ни капельки...

Это мы проходили... только не в школе... все так жили...

Наверно... и всё очень часто неожиданно происходило в те годы; вспоминается: будто сидишь за монтажным столиком и крутишь ленту памяти...

Сталин как умер, Николай Петрович вернулся почти сразу... такой... ну, совсем другой, за два года... совсем... потом братья уезжать стали на учёбу... не хотели в своём городе жить... городок маленький – все всё знают... не хотели. Они погодки были... разъехались... и на удивление: все с первого раза в институты поступали... головастые были, способные, может, талантливые – не знаю... А когда время подошло мне школу заканчивать... Наташа с мужем усадили меня для «серьёзного разговора» и только одно сказали: «Мы тебя никуда непустим», – вот и весь разговор такой вышел... Ну, я осталась...

– А рассказ-то, легенда тут причем?

– Ты слушай, слушай... я тоже с первого раза в институт поступила... только на вечерний... врачом стать мечтала. Тогда фильм был про врачей «Коллеги» – ну, я как посмотрела, вообще в эту профессию влюбилась – романтика такая, героиня... актёры замечательные играли. А чтобы поступать в медицинский, нужна была практика... в больнице работа или что-то вроде. Вот я и пошла санитаркой в хирургию – не хотела больше чужой хлеб есть, а вечером училась...

А потом поняла, чтобы стать врачом «как следует», надо на дневной, и с трудом перевелась... там в институте наш главный хирург преподавал – помог мне... Тяжело было ужасно... ещё подрабатывать бегала – уколы делала на дому, банки ставила, в аптеку летала – ухаживала за больными. Деньги же нужны были... Наташа с мужем как-то одряхтели быстро, когда все разъехались... Его-то ещё работа, профессия держала, а она – совсем сдала... ухаживать не за кем, ненужной себя почувствовала, а раз не нужна... всё же от головы идёт, что внушишь. Четыре года я за ними ходила... они ведь ещё раньше сдали, только на нерве держались, а как отпустило маленько – оправиться не сумели... И выслушивала их, и массировала, и компрессы, уколы, а, главное, всё же старалась подбодрить, – мол, самое страшное позади.. и детям надо дать учиться, не огорчать понапрасну... ну, как у всех...

– Слушай, Танюша, просто идеальная ты ангелица, а легенда-то при чём тут?..

– Легенда? Это вот самое страшное. Обещала она мне, что первые тридцать лет человеку на радость даны. Понимаешь?

– Ну?

– Я не то чтобы ждала какую-то особенную радость... а просто хоть выспаться... я ж внутри-то не повзрослела... так вот девчонкой осталась... а сколько надо, чтоб девчонке порадоваться... оглянулась: двадцать четыре. Диплом на руках. И... просила комиссию оставить в городе, чтобы за стариками ходить – не-а... и слышать не хотели. Комсомолка, молодой специалист, три года должна отработать, государство тебя кормило, учило... в Кулунду заслали...

На похороны Николая Петровича опоздала из-за нелётной погоды. Три недели – положенный отпуск – пробыла с Наташей, уговаривала съехавшихся братьев не оставлять маму одну, забрать, кто может с собой, но ничего не вышло. Она только и твердила: «Я с Колей останусь...»

А когда вернулась домой, уже двадцать семь стукнуло. Мужа в далёком краю среди передового гегемона человечества себе не присмотрела. Родить абы от кого тоже не решалась... всё стояла у зеркала, рассматривала себя и думала: «Что ж они, древние мудрецы, ошиблись, что ли? Ну какие ж тут радости первые тридцать лет жизни, что Бог отпустил человеку? Где же они? Тридцать кончаются, а радости-то и не начинались! Господи, думала, или Ты не слышишь меня? Или я, дура, не так поняла что-то? Или дура, что поверила?!» Ты, может, смеяться будешь, а меня это никак не отпускало. Дальше-то больше – положено мне было начинать вкалывать...

– Не понял?

– Что ж не понял! – она вдруг села на кровати и запахла простыней. До тридцати Господь весёлую жизнь обещал, а после – пятнадцать лет – вкалывать! Он ишаку предлагал тоже тридцать, когда сотворил его, мол, тридцать тебе отмеряю, но ты учти: вкалывать будешь, и все тебя погонять палкой будут. Ишак не дурак! Отказался. Сказал, мол, половины хватит... вот эти пятнадцать ишачиных прибавил Бог человеку... а я и думала: куда ж мне ещё больше ишачить? А я что до сих пор делала? Ну что говорить! В Кулунде сладко было, а тут и того лучше: восемь часов по этажам в пятиэтажках, а потом...

– Ну, ты совсем сгущаешь!

– Стушаю? – удивляясь себе, возмутилась Татьяна, – да у меня от зарплаты половина оставалась! Знаешь почему? Я в магазин не попадала купить себе чего-нибудь! Да и что купить было... но не в этом дело... Медсестра у меня была в поликлинике... Зинаида. Уговорила она меня как-то на майские с ней в деревню поехать... хоть отдохнуть три дня, подышать, поспать... ну, мы поехали, а у неё там бабка жила... по нашим меркам – старуха. Ито сказать, ей за семьдесят хорошо было. Зубов нет. Разогнуться не может, и главное, лицо как пирог с начинкой, всё потресканное, и что-то вылезает во всех местах из под кожи – бугорки какие-то, опёнки, бородавки, пятна... И я как увидела – оборвалось у меня внутри всё! Ну зачем, зачем я поехала?! Ничего менять нельзя – пусть катится, как есть... правильно ты говоришь...

– Вот видишь...

– И страшно очень... – перебила Татьяна...

– Опять страшно! – в свою очередь не утерпел он. – С чего бы? Старуха и старуха!

– Не-ет! Так по легенде и выходит... что если ты перевалишь за ишачьи пятнадцать и потом ещё за собаку столько же, станешь похож на обезьяну...

– Ты впечатлительная очень... – он попытался повернуть её лицо к себе и поцеловать...

– А у меня сейчас собачьи годы как раз наступили...

– Не понял?

– Собачьи. Ишачьи пятнадцать пролетели. Теперь собачьи – тоже пятнадцать. Положено мне добро нажитое, когда горбатилась, охранять, беречь, на всех кидаться... собака-то ведь тоже от половины отказалась. А всё нам, людям, выпало! А я что накопила? И лаять не умею... Ты погляди, как точно... только страшно очень... и вперёд глядеть, и оглянуться... ты... подожди, не перебивай... теперь ты со своим предложением... Ну что мне тебе ответить, скажи сам!? Я себя не жалею, а то бы сразу...

– погоди! Он накрыл ладонью её рот... ты мне могла и не рассказывать это – я по твоему лицу сам прочитал всё...

– И что? – прорвалось сквозь его пальцы

– Прочитал. И понял. Без легенды безо всякой... и опоздать испугался!

– Опоздать? – удивилась она

– Ага! Опоздать. Понимаешь, идёшь по улице, едешь в поезде, сидишь в конторе – лица, лица, лица. У каждого своя жизнь, своя легенда, и все друг мимо друга без остановки, без остановки год за годом, год за годом, и вдруг – раз... и всё!

– Что всё? Ну что всё?

– Всё! Всё – и больше ничего не нужно – только это лицо, только эти глаза, только эти руки... и легенды, страхи, заморочки, слёзы...

– Ну скажи, ну зачем я тебе, ну зачем?! Такая... Что, «сорок пять – баба ягодка опять»?

– Может быть... Зачем? Не знаю. Честно говорю, не знаю. Может, чтобы тоже не стать обезьяной...

3 января 2012 года

Александр Немировский

Александр Немировский – москвич. Закончил МГТУ «Станкин» в 1985 году. С 1990 года живет в Калифорнии. Энтэрпренёр и специалист по базам данных в Силиконовой долине.

С 1980 до 1986 года выпустил семь сборников в тогдашнем самиздате. Гораздо позже, в 1996 году, на основании этих сборников в Москве вышла книга стихов «Без Читателя». Печатался в еженедельнике «Собеседник» (1989), в альманахе «Знать и помнить» (1988) – рассказ. Входил в литературный клуб «Постскриптум» (1989). Некоторые стихи печатались в разных калифорнийских русско-язычных изданиях. Вторая книга «Уравнение Разлома» вышла в Сан -Франциско в 2009. Последний поэтический сборник «Система отсчёта» (2012 г.) – это, как говорит сам автор, «...короткие произведения в словах...»

ОСЕННИЕ СТАНСЫ

Тебе хочется, чтобы я измерил температуру снега?
 Он же весь почернел. Его опять лихорадит.
 Я перепрыгиваю сугроб с разбега.
 И вот снова там. В моем Ленинграде.
 Тут тяжелое небо и большая влажность.
 Так что я в лыжной шапочке. Чтоб не холодно голове.
 Поворачиваю за чей-то угол. Чей – неважно.
 Перекресток.
 Мокрый, противный снег. Я уже в Москве.

Это набросок.
 Начало или продолжение поздней осени.
 Деревянные доски,
 Проложенные прямо по слякоти
 Моей проседи.
 А я иду
 По дороге к дому, где ты читаешь книгу.
 Тут какая-то куча, выброшенная на слом.
 Эту ткань бытия мы несем
 За обрывки каникул.

То ли это теплое море.
А то ли друзья за большим столом.

Все образцы памяти
На показ приходящим детям.
Своим ли, чужим ли? – уже без разницы.
Как заплаты на мантии,
Они прочнее того, что через нее светится.
А в общем-то, все равно нечем хвастаться.

Я любил многих.
А они отвечали мне чем попало.
Занимался всякой наукологией,
Чтобы прочно казалось стоять ногами.
И почти привык начинать сначала.
Но что-то меня все-таки доконало.

Я теперь брюзжу и пью в одиночку
И обгладываю кости истории – куда она могла
повернуть,
Если бы не ходила по кругу,
Похожему на толстую точку.
(Как бы я хотел сам себя из него пнуть.)

Но если вычесть из мерзкой погоды желание спать,
То останутся только дела, что нельзя отложить.
Это, видимо, и называется «жить»,
А так всё хочется, чтобы дважды два было пять.

* * *

маме

Я никак не пойму: это время бежит или встало?
Это я тебя помню или я в твоей памяти жив?
Или времени нет?
То есть нет ни конца, ни начала.
Просто солнечный свет
Над твоею щекою дрожит.

Что лежит
Впереди, –
Видно чётко на будущем плане.
Что уже обожгло, – навсегда отложилось в груди.
Если времени нет,
То не нужно молиться.

А в Храме
Можно просто любить
И испытывать радость любви.

Не бродить
От решенья к решенью
И дальше, к ошибке.
Не бывает ошибок, когда сочетается дух.
Я никак не пойму: это я умоляю прощения,
Иль мне все простилось?
А я, остающийся, глух?

О, родная моя, наше золото блещет,
Как прежде.
И смеются глаза,
А в ушах не умолкнул слова.
Они плещут
Во мне. Набегая, катясь и трепеща.
Ты на все времена
На меня заявляешь права.

СТАРИК

Я уже разобрался с собой и с работой.
И даже с эпохой скоро уже разберусь
Я на все соглашусь,
Что мне выдано высшею квотой,
Где колоночка счастья.
А баланс выливается в грусть.
Не стремлюсь
Дочитать до конца. Все понятно.
Разгладить морщины
Вином.

За кутёж,
Что в бюджете не сделает брешь!
Оставляя еще на бензин,
На ремонты машины.
И на первые вишни.
Которые ешь
..и плюёшь.

* * *

И мы будем с умным видом говорить пустые слова.
И мы будем при этом думать одно и то же.
Наш собственный необитаемый остров,
На котором растет дурман-трава.
И которой мы пропитаны сквозь кожу.

Но по нас прозвонит набат оглушающих строк.
И мы станем с тобою молчать на одном языке.
И назначим по-взрослому сами тюремный срок,
Замерши друг у друга в черновике.
И к руке,
Не касаясь рукой,
Равновесье держа,
Оставаясь в чертогах правдивых семейных дел,
Мы поймем, что молчанье не стоило ни гроша,
Что оно расплескалась за собственный свой предел.

И пойдет волна по воде ночи
От тебя ко мне и опять назад.
Черновик прочти
И молчи, молчи.
Я УСЛЫШАЛ, ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ.

* * *

Я подслушаю мотив о счастье и смерти.
Соло флейты на бумаге для ручки.
Запишу всё на кофейном конверте,
За отсутствием чего-то получше.

К грустной музыке погон не приштопать,
И других наклеек тоже не надо.
Распрями же свои плечи, ну что ты!
Вот он, слушатель с последнего ряда.

Ты в глаза ему гляди, как бы в фокус.
А теперь играй, забудь его возраст!
Ты прости меня за мой этот опус –
Ведь для флейты сочинять, ох, непросто.

Не симфонию, хоть песенку выкрасть.
Лишь бы с глаз вот этих слезы просохли.
То про счастье говорят слово «выпасть».
А при смерти ничего – только вздохи.

Пусть плывет мотив из пальцев по залу,
Да по улицам, да крышам машин.
Пусть расскажет всё, что ты не сказала
О обо всём, что мы ещё совершим.

* * *

И когда я буду потом
Судим своими детьми
За эгоизма грех.
Что с того, что написан том
И посажено дерево на виду у всех?
Что с того, что людьми
Позже буду я вдруг прощён?

Я не буду оправдан там,
Где ведут мой закрытый счёт.
Где заказан мне доступ в храм,
Где душа прогорит, как воск.
Пусть я всё, что украл – отдам.
Пусть охрипнет мой голос
От покаяния и вины.
Мне останутся наши дни.
Мне останутся мои сны.

Бестелесная память пусть
Пронизает вселенной свет.
Я опять с тобой повторюсь
Через тысячу, что ли, лет.
И на землю придет опять
Возродиться одна душа,
Чтобы в двух телах побывать.
И свести в одно, жизнь кроша.

Леонид Сторч

Прозаик и поэт. Родился в 1963 году в Санкт-Петербурге. По первому образованию – российский китаист-филолог (СПбГУ), по второму – американский юрист (Florida State University), гражданин США, жил в штатах Нью-Йорк и Флорида. Сейчас преподает русистику и английский язык в Srinakharinwirot University (г. Бангкок, Таиланд). Книги: «Деревянный саксофон: Повести и рассказы» – СПб.: «Геликон-Плюс», 2009), Сборники стихов «Расставания» – Рязань: «Поверенный», 2008), «Следы на воде», изд. «Восточная литература».

СПАСИТЕЛЬ ТАИЛАНДА

Отрывок из повести

Парадоксально, но нам не известны ни точная дата, ни даже точное место появления Фонарева в Таиланде. Утвердительно можно сказать только одно: он прибыл в страну в начале декабря, почти за четыре месяца до своего двадцатипятилетия и вскоре поселился в Паттайе. Последующие три года его жизни стали фантаσμαгорией, не виданной современной эпохой и приведшей Фонарева к осуществлению миссии, которая стала одним из самых ярких событий начала XXI века.

Патайя сразу пришлась Фонареву по душе. Ему нравился неторопливый ритм этого курортного городка и романтическая приветливость местных жителей.

Из мемориальной страницы Фонарева на [facebook.com](https://www.facebook.com):

уменя все нормуль. каждое утро зарядочка в зале а всемь уже сажусь на свой скутер и через 5 минут уже на пляжу оттягиваюсь. беру пивусик, сифуд и зависаю. тут этого сифуда ваще как насрано, на каждом угле втюхивают. наобед тую с русскими пацанами. их тут много, все нормальные такие, есть что перетереть. потом часа два ковыряюсь винтернете. бывает и стрелочку забью. прицениваюсь какойбы бизнес тут замутить. а чо? такто свою долю в квадроциклах я нехило продал, бабосов навалом. думаю ресторанчик на набережной забабахать,

сибирская кухня. походу даже название придумал – ПельMoney. тема ваше такая реальная. а вечерами едем сребятами на Вокинг Стрит или Наклыа. зажигаем не подетски, тайки, кальян, пиво, крепняк. телочки тут классные, всегда готовы. так что если все ништяк, беру какую-нибудь киску ссобой до хаты. отрываемся по полной.

Проживая в Паттайе, Фонарев увлекся скуба-дайвингом. Поскольку паттайские воды не предоставляли больших возможностей в этом плане, он решил переехать на Ко Тао, остров в южной провинции Сурат Тхани, известный как дайверский рай. А буквально через неделю на северо-востоке страны был зарегистрирован первый случай заболевания черепашной.

Энциклопедическая справка:

Черепашница (лат. Morbus testudinis, англ. Turtle Disease) инфекционное заболевание, возбудителем которого явился штамм вируса K1/K2. По своим первичным признакам напоминало грипп, в том числе и т.н. свиной, но затем на второй, или «тестудной», стадии инициировало необратимые процессы в организме. У больных наблюдалось поражение клеток эпидермиса лица и конечностей, поверхность лица, рук и ног покрывалась темными роговыми образованиями и утолщениями, напоминая наружный покров черепах и других видов рептилий. Одновременно развивалась церебральная и цереброваскулярная патология, выражавшаяся в масштабном замедлении функций моторно-двигательного и речевого аппарата. Больные могли осуществлять любые движения, доступные здоровым индивидам, но делали это в 20-30 раз медленней. Формирование речевого потока замедлялось примерно настолько же. Медикаментозному или иному лечению болезнь не поддавалась.

Для XXI века процент летального исхода заболевания достиг катастрофически высокого уровня – 12,3 %. В течение первых девяти месяцев было зарегистрировано 3790000 случаев заболевания, из них 415000 со смертельным исходом. Правительство Таиланда объявило в стране чрезвычайное положение. Были закрыты все учебные заведения и большинство бизнесов, промышленность оказалась практически парализованной, въезд и выезд из страны запрещен.

Находясь на Ко Тао, вдали от континента, Фонарев всецело посвятил себя занятиям дайвингом. Он жил в уединенной части острова, где не только не было телевидения, но даже электроэнергия поставлялась исключительно в дневное время. Происходящее на «Большой земле» было для жителей острова экзотикой, и потому неудивительно, что накануне объявления чрезвычайного положения Фонарев об эпидемии черепашницы почти ничего не знал. Первым признаком надвигающихся перемен стало закрытие дайвинг-центра, где Фонарев заправлял баллоны кислородом. А когда он попытался отправиться на материк, выяснилось, что все рейсы уже давно отменены.

Вскоре начались перебои с питьевой водой и провиантом. Вирус черепашницы добрался и до Ко Тао. Само название острова придавало этой ситуации зловещий смысл: ведь Ко Тао на тайском означает «Черепаший Остров». Местные жители облачились в резиновые боты и резиновые перчатки до локтей. На дорогах стало появляться все больше странных, невероятно медленно передвигающихся людей. Их головы и лица были закрыты длинным, доходящим до груди куском материи, с прорезями для глаз и рта.

Неожиданно для себя Фонарев оказался пленником на полуопустевшем острове, оставаясь без связи с внешним миром и доступа к какой-либо информации. Однако он не предался унынию, а, арендовав лодку и специальное оборудование, проводил целые дни в занятиях рыбной ловлей и подводными фотосъемками. Во время одной из таких фотосессий и случилось событие, приведшее к спасению миллионов жизней как в Таиланде, так и за его пределами.

Первого февраля, на второй год своего пребывания в стране, Фонарев подвергся укусу морского ежа, которыми столь богаты воды Таиландского залива. Иглы животного остались в пяточной части ступни, где на следующий день началось обширное и болезненное воспаление.

Второе февраля стало днем, который теперь всенародно отмечается в Таиланде как одна из самых значительных дат красного календаря, Двойной День Двойной Двойки (ДДДД)*. В этот день Фонарев пришел в переполненную больными клинику поселка Хат Сайри. Медперсонал был удивлен, увидев, наверное, последнего фаранга, оставшегося на острове, к тому же без защитных перчаток и ботов. Удивление возросло еще больше, когда выяснилось, что привели его в клинику вовсе не гриппозные синдромы черепашницы, а относительно безобидное воспаление, вызванное укусом. Необходимость в осмотре врачом отсутствовала, и Фонарева сразу отправили к медсестре для получения первой помощи.

Из-за нехватки пространства лаборатория, как и большинство больничных палат, находилась на улице, под большими пластиковыми навесами без стен. Прием проводила медсестра Харутай Ловачаракун, уроженка южной провинции Сонгкхла, двадцати двух лет. Она неплохо для этих мест говорила на английском и была довольно симпатична. Обработав пораженную область, медсестра ввела Фонареву сыворотку против столбняка и отправилась на проведение процедур в карантинный сектор. Потом в интервью CNN она на своем странном английском языке скажет:

«Это был самый день в моей жизни и жизни моей семьи. Кун Фонаро** и его доброе сердце заделали впечатление как самый добрый и самый умный. И его кожа, загорелая, но белая-белая, и волосы. Я хоть уставала, но завидела – он самый красивый. И по чуть-чуть похож, как Дэвид Бекхэм».

---

* Этот праздник является двойным, поскольку ровно через два года после описываемых здесь событий, также 2 февраля, произошло еще одно значительное событие, связанное с жизнью Фонарева.

** «Кун»: в тайском языке – уважительное обращение к человеку, обычно употребляемое с именем. Соответствует русскому «господин» или «госпожа» и японскому «сан».

На следующий день, третьего февраля, во время утреннего обхода главный врач клиники, д-р Сорасан Патана, обнаружил, что один из больных, местный торговец жареной лапшей, еще вчера страдавший от всех симптомов вируса в самой тяжелой их форме, продемонстрировал признаки внезапной ремиссии: температура тела нормализовалась, кашель стих, резко сократилась мышечная боль. К вечеру ремиссия стала полной, и впоследствии никаких вторичных, тестудных признаков черепашницы у пациента не наблюдалось. Таким образом, он стал первым больным, излечившимся от черепашницы.

«Мы не знали, радоваться или плакать, – писал потом в своих воспоминаниях д-р Патана. – С одной стороны, впервые во всей стране была побеждена черепашница и произошло это в нашей маленькой клинике. С другой, – мы совершенно не понимали, что заставило болезнь отступить, да еще в такие короткие сроки».

О чудесном излечении он незамедлительно отрапортовал Отделу здравоохранения правительства провинции Сурат Тхани. На остров прибыла чрезвычайно уполномоченная медицинская комиссия. В ходе детального расследования долго не удавалось выявить ни одного внешнего фактора, способного изменить ход заболевания. Опять-таки помогла случайность. Еще раз процитируем Харутай Ловачаракун:

«Однажды в ланч-перерыв я заснула по чуть-чуть. И вдруг во сне увидела, как было в тот день. Оказываться, я вколола прививку в Кун Фонаро, но шприц потом не покидала в мусор. Я ведь заложила шприц в мой карман и пошла в карантин-сектор. А там заколола больного, но ошибалась: брала из моего кармана старый шприц. Я же говорю: уставала очень, три дня и три ночи без замены работать разве просто, не так ли?»

Предложенная версия казалась невероятной, но другой у комиссии не было. В конце концов эксперты установили, что частица крови Фонарева, попавшая в организм больного в результате повторного использования одноразового шприца, не подвергнутого стерилизации перед повторной инъекцией, и оказалась фактором «икс», приведшим к уничтожению вируса черепашницы. Так начался период, известный в современной истории Таиланда как Период Второго Рождения. Что касается легендарного шприца, то он даже получил свое собственное название – Волшебная Игла Харутай, или ВИХАР*. Его и сейчас можно увидеть в экспозиции Музея-поместья Спасителя, Принесшего Избавление, расположенного в провинции Аюттхая, к северу от Бангкока.

Фонарев сразу согласился сотрудничать с представителями Отдела здравоохранения. После серии экспериментов было доказано: один миллиграмм крови Фонарева (именно столько оставалось внутри и на поверхности ВИХАРа), добавленный в состав любой противогриппозной вакцины и введенный в организм больного черепашницей на первой стадии заболевания, способен в течение суток полностью уничтожить вирус,

---

* Интересна и символична созвучность этой аббревиатуры с санскритским (и палийским словом) «вихара», означающим «монастырь» или «молельный зал».

ликвидируя при этом опасность перехода к тустудной стадии. Таким образом, за одну донорскую сессию при максимальном объеме кроводачи 500 граммов Фонарев мог обезопасить от болезни 1 миллион человек. Принимая во внимание драматически высокий уровень смертности, это означало спасение 123000 жизней.

Результаты опробирования инъекции на больных, находящихся на второй, тустудной стадии оказались еще более ошеломляющими. Два грамма крови Фонарева нормализовывали все функции работы организма, пораженного черепашницей. В течение нескольких недель регенерировались клетки эпидермиса, отмирали рептелевидные роговые образования, ликвидировались церебральные патологии, восстанавливалась двигательная и речевая моторика. Теперь сотни тысяч людей могли вернуться к привычной жизни. Чудесная вакцина получила в фармакологии название Fonaovac, а в обиходе стала известна в Таиланде как «я фона», что можно перевести как «Фонацина». С легкой руки журналистов и по соображениям этики само понятие «кровь» по отношению к Фонареву было замещено в обиходе эвфемизмом «Красная Субстанция Фонарева», или просто «Субстанция».

Ни специально созданный НИИ Тустодологии, ни один из 4-х международных конгрессов тустодологов так и не смог дать окончательный ответ на вопрос, как именно клетки крови Фонарева воздействовали на штамм вируса и почему приводили к его уничтожению.

Фонарев с пониманием относился к необходимости проведения бесконечных экспериментов и готов был отдавать свою кровь на благое дело. В результате в первую же неделю после открытия фонацины удалось ввести инъекцию всему населению острова. Успех фонаризации на Ко Тао превзошел самые смелые ожидания: уже через месяц после ее начала было зафиксировано выздоровление последнего инфицированного больного. Вакцинация фонациной не только победила эпидемию на острове, но и исключила возможность ее рецидива. Теперь результаты эксперимента можно было обнародовать как по всему Таиланду, так и за его пределами. Со специальным заявлением по телевидению выступил министр здравоохранения. В течение недели правительственный кабинет разработал программу всеобщей фонаризации страны и утвердил ее еще до того, как Фонарев дал согласие на ее проведение.

На Ко Тао прибыла делегация крупных тайских чиновников, которую возглавлял сам премьер-министром Таиланда Анат Сритонгсук. Он лично обсуждал с Фонаревым условия дальнейшего сотрудничества. Вот как в приветственной речи на Первом международном конгрессе тустодологов он описывает свои впечатления от этих переговоров:

«С чувством глубокого удовлетворения восприняли все члены нашей делегации мудрое, бескорыстное и преисполненное истинного гуманизма решение Куна Фонаро переехать в Бангкок, дабы примкнуть к великой борьбе за спасение нашей и соседних наций от смертоносной черепашницы. Взяв на себя почетную роль лидера в этой борьбе, он принес себя в жертву интересам тайского народа и всего человечества. Мы понимаем, что решение Куна Фонаро далось ему нелегко, но оно было продиктовано приверженностью идеалам свободы выбора, на

которых он воспитывался и с которыми гордо шествовал по тернистой дороге жизни. Этот шаг был мотивирован преклонением перед многотысячелетней тайской культурой, бесконечным уважением к учению Будды, восхищением мудростью и трудолюбием нашего народа и неустанной заботой о людях Таиланда. Откровенно говоря, иного решения от Куна Фонаро мы и не ждали».

Эта оценка в значительной степени перекликается с комментариями самого Фонарева, сделанными им в его своеобразной, но искренней манере:

я реально сэтих утырков прикальваюсь. сначала накосячили спрививой. типа не тот шприц комуто залимонили. потом на мою кровь подсели, каждый день по серьезному юзают, качают без простоев. походу они ею свою проказу тормозную лечат. а сейчас чего отчебучили? приехала тут целая капелла ихних шишок и тянут меня ксебе в бангкок. типа раздачу моей крови поставим на промышленную основу, знаменитым станешь ивсе такое. ачто мне эта знаменитость? бароцца с ихней проказой – тема канешна благородная но такто мне кровь самому нужна. если бы еще бабосовую составляющую обсудили поконкретней а то темнят. я ведь полюбасу бизнес хотел тут замутить, так что морально был готов вложицца ивсе такое. а та медсестричка которая мне укол забабахала, больше всех прессует. говорит что типа будет мне помогать ивсе дела. она вообщета прикольная оказалась. глазастенькая такая и попка грамотно отключена. тока ник уней какойто странный, то ли «хор алтай» то ли «каравай». а вообщета выбора уменя походу нет. наехали эти упыри конкретно. тут уних рулит детял один вочках. так он предьявил что кровь они с меня всеравно качать будут, согласен я или нет. типа под наркоз – трубку запичурят в вену и погнали. кароче попал я тут по полной. такого разводилова даже в красноярске не было.

Следует отметить, что тайское правительство объявило эти записи подделкой, особенно в отношении нечистоплотных инсинуаций в адрес премьер-министра страны, и неоднократно выражало протест в связи с их публикацией на facebook.com и других популярных сайтах.

Первого апреля Фонарев прибыл в Бангкок.

Андрей Карпин

Родился в 1961 году в Петрозаводске (Карелия). Филолог, работал журналистом в карельских республиканских газетах. В 1997 году переехал в Финляндию. Автор сборника стихов «Дом, который я строю», публикаций стихов и прозы в периодических изданиях, сборниках и альманахах.

* * *

Ангелы слетали к ней в ночи,
 Целовали со слезами руки...
 Днём она таскала кирпичи,
 Улыбаясь:
 Выдумали штуки!

* * *

Какая чудная погода!
 Ни облачка, тепло и сухо.
 Обычно в это время года
 В помойке роется старуха,
 Бомж дрыхнет в парке под газетой
 И нищий подаянья просит...
 Прекрасное в России лето.
 Какою только будет осень?

* * *

С утра – слегка, но днём – сполна
 Зима завьюжила метелью.
 Она – сильна, она – вольна
 Казнить и миловать... весельем,
 Разбегом лыж, катаньем с гор,
 Когда трамплин ничуть не страшен.
 Когда комком, почти в упор,
 Тебя мальчишка ошарашит.
 И слеппен будет снеговик,
 Коньки каток изрежут в клочья...
 Я скупо записал в дневник:
 «Зима пришла сегодня ночью».

* * *

Осенний день.
Вечерняя молитва.
И ночь в слезах,
Как в капельках дождя...
Язык остер, а слово,
словно бритва,
Не пощадит солдата и вождя.
Тем более
больнее женщин ранит...
Да, не подумал.
Да, не то сказал...
А за стеклом
на палевом экране
Качается и плачет краснотал.

ДТП

Не греет солнце. День завис
В календаре с отметкой «Осень».
Я знаю: это твой каприз.
Как синь небес. Как время: восемь.
Рябит не море – холодок
Ознобом согревает тело.
Беру тебя под локоток,
Несмело, даже неумело.
И провожаю до угла,
До перекрестка наших судеб,
Где тень отчаянья легла
На «зебру»... и уже не будет
Ни белых, ни любых полос,
А только тень, графит печали...
Задать я не решусь вопрос,
Который надо бы вначале:
Ты любишь?
Ожидать готов
Всю осень твоего ответа...
Прощанье сгонит семь потов:
Догонит солнце или лето.
Догонит память.
И, обгон
На перекрестке завершая,
Столкнутся судьбы двух сторон –
Моя и... да, уже чужая.

* * *

День радует одним своим приходом.
Да просто так.
Смотрите-ка, пришёл!
День ото дня
и год за новым годом
плетут канву
и вышивают шёлк
узорами,
что в чём-то повторимы,
но в тоже время
новизной полны...
Храните их,
как песни для любимых.
Как шелест листьев
и накат волны.

* * *

В лесу задымленные ели
Накинули пуховый плед.
В январском кружеве метели
Я потерял твой лёгкий след.
Его весёлая пороша,
Играя, в поле замела.
А получилось, как нарочно:
Земля пустынна и бела.
Я слишком поздно спохватился,
Вдогонку крикнув: «Стой!..»
В ответ
Под смех метели снег клубился,
Играя, заметая след.

* * *

Стайки рыбок тонут в море...
Рыбок надобно спасти
И на волю отпустить:
Пусть гуляют на просторе!
Пусть пасутся на лугах,
Щиплют травку, как коровы...
Потому спасаю...
Ах! Клонуло.
Судак здоровый!..

* * *

Разбудит дождь в начале декабря
Тревожным стуком тяжких хмурых капель.
О снеге тут давно не говорят,
А дед Мороз от горя, видно, запил...

ЗЕРКАЛЬЦЕ

Сонный взгляд усталого дедка
В зеркале глумливом отразится:
Эх, спустить бы рожу «с молотка»!
Или дать ремнём – по ягодицам...
Нет, нельзя: не буду, не хочу
Хаять старика и отраженье.
Выспится дедок, пойдёт к врачу
И возьмёт рецепт омоложения:
Не курить!
Не пить!
А есть – слегка,
Понемногу, да и то – отдельно...
Эх, тосклива доля у дедка...
То-то он выпучивает бельма,
То-то смотрит, рот перекосив,
На пятно правдивой амальгамы:
Неудачник. Просто некрасив...
Хорошо, что я не дед.
Тот самый...

* * *

Вот цифры, точки и тире...
В любом приемлемом порядке
Они напомнят мне в тетрадке,
Какой был день в том ноябре.
Какая ночь.
Какое утро.
В какой стране.
В каком году.
Какую, в общем, ерунду
Записывал,
А думал – мудро.

* * *

Смутно брезжит рассвет,
Занавески скрывают от мира
Спящих взрослых, их вещи,
Их странные долгие сны...
Суть бравады и бед...
А за окнами хмуро и сыро,
Снега нет. И не будет...
И совсем далеко до весны.

Дмитрий Плесецкий

Родился в г. Мирный Архангельской области. Окончил Военный институт им. Можайского в Петербурге. Военный инженер-электрик. Живёт в Финляндии. Это первая его книга, но она уже вызвала большой интерес у издателей России.

Отрывок из главы «Куандерон» первой книги романа «Аингм»

Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга, 2012 г.

Фантастико-сферический реализм – так автор обозначил жанр произведения, которое в своем синтезе объединяет реальность событий перестроечной эпохи в России, столицы объединенного человечества XXIV столетия Барселоны, а над ней – таинственного Куандерона, куда отправился пытливый юноша Рано и где сэр Генри предлагает племяннику прочесть книгу «Сосуд для избранных», ставшую для него неожиданным поворотом в судьбе...

В духовную сферу книги вовлечены равнополярные силы – читатель присутствует в храме Эглисса, куда собраны самим Сатакунахом духи демонической природы, следует за таинственным Странником, ощущает бездонный зов Космоса...

Земля уже почти колонизирована цивилизацией индегроматикус, в представителях которой явственны черты современных детей индиго, избравших, к несчастью, технократический путь развития для землян, лишенных любви и человеческого тепла. Цивилизация аингмов, достигшая величия и гармонии, противопоставляется разрушительным силам, окутавшим человечество. Аригон – адепт бессмертных аингмолоидов – устремляется на поиски своих братьев в темные глубины Вселенной. Многие образы и сюжетные линии связаны с миром реальности и потусторонности одновременно. Так, в офицере космических войск Александре угадываются знакомые россиянам черты. Обретение целостного духовного состояния через испытания заставляет героев романа изменить со временем взгляд на земную жизнь, на человека как сложную комбинацию из нетленных мыслей Создателя, чтобы постичь любовь и открыть сердца духовной энергии. Дмитрий Плесецкий называет сотворение миров Божественной Игрой. В ней участвуют читатель, автор и все те силы, которые живут на страницах этой книги.

* * *

...всех будто пронзил внезапно грянувший громкий звук из тумана, напоминавший лязг старых, несмазанных петель. На фоне застывшей, пугающей тишины он показался особенно жутким. Юноша вздрогнул, тотчас внимательно посмотрел вперед и заметил в крепостной стене замка деревянную, инкрустированную старинной художественной ковкой дверь, которая медленно отворялась наружу, проявляя за собой черный зияющий проем.

Что-то незаметное, еле уловимое для глаз, больше походившее на прозрачную легкую вуаль, в мгновение поколебало все видимое пространство, исказив реальные очертания светящегося лунным светом потрясающего неземного творения. Каплей воды оно отразилось в глазах Роно и так же быстро бесследно исчезло. Он сделал несколько шагов вперед, но в нерешительности остановился. Молодой человек посмотрел в темный зияющий проем, но тотчас вздрогнул от резкой боли, внезапно пронзившей его сердце. В ту же секунду его сознание накрыла чудовищная волна безудержного страха. Но страх этот был особенным, в корне его имелась дикая, неземная природа; и если человеку, однажды встретившему эту беду у себя на пути, не удавалось укротить ее кровожадный порыв, то он пожизненно становился заложником, рабом этой неистовой силы. Как есть люди, знающие ключевые слова для укрощения необузданной мощи джинна, вылетевшего однажды из бутылки, так и у Роно были некие таинственные покровители, вовремя сумевшие прийти на помощь, незамедлительно прервав безумное разрушение его психики. Грег и его подчиненные, находясь под влиянием тех же невидимых сил, не сразу заметили, что Роно возобновил движение к замку, бросились было за ним вдогонку, но страх настолько сильно сковал их движения, что не позволил им сделать ни шага. Так и остались они на своих местах, подобно каменным немым изваяниям, с ужасом в глазах наблюдая, как в одиночку уходил Роно в темноту нависших над ним миражей.

Оказавшись по ту сторону крепостной стены, юноша уже не в силах был что-либо ощущать и понимать: чудовищная сила неземной гравитации ворвалась в лоно его души и с мощью бушующего урагана, безжалостно срывающего крыши с домов, с легкостью выдернула её из тела. Волей судьбы он был брошен в пространственно-временной переход, который мгновенно унес сознание, переместив его из земной реальности и погрузив в иное течение времени. Мозг не выдержал напряжения, ноги подкосились, и он, теряя сознание, обессиленно рухнул на землю.

Роно не понимал, что с ним случилось, ему казалось, что он лежит на мягкой пуховой перине, как в далеком детстве, и теплое одеяло обволакивает его тело. Как и тогда, он испытывал блаженство, сладость сна растекалась по его неподвижно лежащему телу. Но, к сожалению, порой ощущения бывают крайне обманчивы: все происходящее с ним, к несчастью, имело иную природу.

Вокруг была убаюкивающая тишина, млечная пелена нависала над его небесной постелью, нежно обволакивая сознание нежной дымкой звездной туманности. Запах озона, свежий и чистый, напоминал ему зимнюю морозную ночь. Он стоял на снегу в реликтовом парке, обледеневшие могучие деревья, как заколдованные лесные исполины, покрытые инеем, голубым блеском отражали лунный свет, а их застывшие серые тени под непосильной тяжестью льда молчаливо склоняли свои заснеженные головы, с покорностью ожидая прихода первых весенних лучей солнца. Он тоскливо вспоминал, хорошо осознавая, что он уже не на Земле, и было очень странно, что о ней осталось

только лишь это холодное воспоминание – неподвижная картина запо-рошенного инеем зимнего леса. В душе юноши что-то болезненно защемило, заклокотало, как мотылек, попавший в коллекционную колбу, ломала она свои крылья о призрачные покрывала смерти. Над ней уже властвовали таинственные силы Куандерона, черные ангелы – вестники смерти, кружили над своей слабеющей жертвой, они приближались к тускнеющему на глазах хрупкому изумрудному огоньку, горящему где-то одиноко в ночи и манящему своей чарующей Божественной негой, возбуждая вампиров Вселенной картиной скорого и вожделенного наслаждения.

Он ощутил сильную усталость и полное отсутствие каких-либо человеческих сил. Тончайшая нить, соединявшая его с Землей, неожиданно оборвалась. Сознание дрогнуло и в тот же момент отделилось от тела; как одинокий хрупкий парусник, идущий по волнам бескрайнего океана, отправилось оно в рискованное путешествие по вселенским волнам времени навстречу своей новой, неизведанной судьбе... Время быстро уносило прочь его воспоминания о недавнем прошлом, как улетал однажды из его счастливых рук подаренный в детстве золотистый воздушный шарик... Он не мог больше сопротивляться и медленно опустил веки – глаза закрылись, померкли небеса, ушел наконец этот назойливый свет звезд, и мозг перестала тяготить бесконечность. Юноша почти смирился с тем, что вечность принимает его таким, какой он есть...

«Господи, помоги!» – это был крик его измученной души, вырвавшийся на мгновение из прочной клетки его духовных заблуждений. Тут же его мозг потрясла до основания одна страшная догадка: да, именно та самая безбожная фраза, так небрежно брошенная им полковнику Грегу о своих будущих апартаментах в аду. Душа ужаснулась, у Роно отпали сомнения, теперь он сверх меры осознал коварную и роковую роль бездумных слов в своей судьбе. Юноша вдруг услышал раскаты саркастического смеха, которые, как ему показалось, раздавались повсюду, они шли уже откуда-то изнутри, причиняя дикую, нечеловеческую боль его сердцу, так рано погибающему под безжизненным взглядом смерти.

«Господи, прости!» – омертвевшими губами безнадежно прошептал он, и это был последний отчаянный крик его обманутой заблудшей души. Его бездыханное тело стало покрываться кристаллами вечного льда, адские апартаменты ожидали прихода своего нового владельца. Как ни покажется странным, но именно этот заказ был исполнен с иезуитской точностью и чек на оплату уже не требовался.

Но так устроена человеческая натура, постоянно мечущаяся между полюсами добра и зла в поисках равновесия с тех самых библейских времен, когда змий искуситель закрыл врата рая для первых людей, заставив идти их детей по пути падших ангелов, оставляя после себя на Земле тяжелый кармический груз своего грехопадения. Но, быть может, в этом и сокрыта великая тайна всепрощения, требующая от человека лишь одного простого шага, имя которого – Покаяние. Всемогущий Бог был милостив к судьбе Роно Моуди, Он услышал обращение потерявшегося в пространстве и времени юного земного гостя. Тотчас некий узнаваемый голос пробудил Роно от вечного сна и благодатно потревожил, казалось, застывший уже навеки мир его мыслей, разорвав оболочку мертвенной тишины, приближаясь к нему все ближе и ближе. Он не давал ему покоя, проникая еще глубже в сознание, обращаясь с мольбою к его терпящей бедствие душе.

– Мама, – слабым голосом прошептал Роно, – я узнал тебя... моя милая мамочка, только не уходи... не оставляй меня, я иду... я иду... к тебе...

Из последних сил, дарованных ему Всевышним, юноша сделал над своим распадавшимся сознанием невероятное усилие и последовал за звуком... Нежный, удивительный, родной голос вел его, словно космический поводырь, ведущий слепого через магистраль времени. И отвлекись он, или не приди к нему вовремя на помощь, кто знает, чем бы закончился его следующий шаг. Судьба улыбнулась погибающей в страданиях несчастной человеческой душе, глаза Роно вновь увидели немеркнущий свет жизни. К счастью, он пришел в себя, и первое, что услышал, были слова христианской молитвы.

– Слава Господу всемогущему! Слава Тебе, Господи, слава! За милосердие и доброту к рабу Твоему Роно Моуди. Не дай умереть, но дай здоровья духовного и силы пройти достойно все неземные испытания, уготованные оному Твоей Божественной волей...

Девушка повторяла молитву еще и еще, и по мере того, как жизнью наполнялось его сердце, живительным эликсиром до краев наполняя клетки тела, Роно отчетливо слышал приближение этого дивного, проникновенного голоса.

Сначала пробудился слух, а за ним постепенно стало возвращаться зрение. Когда перед ним рассеялась темнота, Роно заметил на себе чей-то внимательный взгляд: на него смотрели полные слез, красивые женские глаза. Эти глаза, с легким восточным разрезом, несли свет доброты и человеческого милосердия, они полны были сострадания и смотрели на него с необычайной нежностью и любовью.

Он находился в небольшой светлой комнате, рядом с ним, у изголовья кровати, сидела незнакомая девушка. Горели свечи, на стенах висели иконы, и целебный запах ладана тонким приятным ароматом растекался вокруг, – юноше даже на какое-то мгновение показалось, что он дома, на Земле.

Вскоре где-то совсем рядом раздались быстрые уверенные шаги и мужской властный голос резко прервал тишину. Внезапность и мощь голоса вызвали шок и потрясли сознание Роно, окончательно вернув его в новую реальность. Путешествие закончилось, он прибыл в Куандерон.

– Линда! – снова отчетливо услышал Роно совсем рядом чей-то, как ему показалось, очень знакомый голос.

– Да, сэри Генри! – ответила девушка, вставая со стула и делая легкий полупоклон в сторону входящего.

В комнату вошел высокий худощавый человек лет пятидесяти, с проседью на висках, одетый в дорогой элегантный смокинг черного цвета, белую рубашку, с модным галстуком ярко насыщенного желтого цвета в темную мелкую сетчатую клетку. Заколка и запонки с золотыми вензелями, швейцарские часы ручной работы, на треть виднеющиеся из-под белого перстень на среднем пальце левой руки с изображением герба его старинного знатного рода, инкрустированный изумрудами и необработанными алмазами, сверкал огнем. Роно увидел своего родственника уставшим, если не сказать больше, – чрезмерно изможденным; ему показалось, что дядя Генри ни разу не сомкнул глаз за последнюю неделю.

Ровно столько времени его племянник находился в пограничном состоянии, которое без всякого преувеличения можно сравнить разве что с комой или клинической смертью.

– Надеюсь, он вернулся без последствий для здоровья? – с тревогой в голосе спросил сэри Генри.

– Очнулся только что! Слава Богу, все обошлось! – ответила Линда с нескрываемой радостью в голосе. – Но он еще слаб, очень и очень слаб, – произнесла девушка почти шепотом и незаметно покинула комнату, оставив сэра Генри наедине с племянником.

– Роно! Дорогой мой мальчик, Господи, как я рад тебя видеть! Ты не представляешь: мы переживали за твою судьбу, молили Господа помочь, и Слава Богу! Он услышал наши молитвы! – с радостью произнес он, и юноша к своему величайшему удивлению увидел слезы, катившиеся по впалым бледным щекам дяди. Его могущественный родственник впервые проявил перед Роно несвойственную этому сильному человеку слабость. Юноше показалось, что сэр Генри весь свой запас нежности и любви подарил ему в эти короткие мгновения.

Сэр Генри подошел к нему, присел на кровать, обнял и, уже не имея больше сил сдерживать свои чувства, выплеснул на племянника порцию пережитых сердцем эмоций.

– Милый мой мальчик, прости меня... Господи! – восклицал он, и Роно уже трудно было разобрать слова благодарности, которые он возносил к небесам: в них была и мольба, и радость, и благодарение за бесценную помощь, оказанную его семье... Только сейчас Роно заметил перемены, произошедшие с дядей, и ужаснулся. У его ног на кровати сидел совсем другой человек, – нет, конечно же, это был сэр Генри, но изменившийся, измотанный усталостью, жалкий больной старик – время не пощадило его. Только глаза излучали свет жизни той необычайной силы, при виде которой люди непроизвольно склоняют головы и теряют дар речи, той мощи, которая вознесла его на высочайшие вершины власти в человеческой цивилизации двадцать четвертого века...

Роно не знал, он даже не догадывался о том, чего стоило сэру Генри пережить эти последние, возможно, самые драматичные семь дней его жизни. Двадцатью годами заплатил он за помощь, которую Господь даровал Роно, именно на эти годы сэр Генри сократил свою земную жизнь ради спасения души любимого и единственного представителя древнейшего на Земле царского рода Моуди.

Прошло несколько дней. Роно окреп и почти полностью восстановился, снова был полон сил и энергии. Он успел познакомиться и поговорить с – Линдой милой и приветливой блондинкой, которую первой из всех служащих замка увидел в тот драматичный для него день. Она кое-что успела ему рассказать о Эшамбле, где он оказался по приглашению сэра Генри, и Роно, к своему превеликому удивлению, впервые услышал из ее уст, что замок расположен вовсе не в Барселоне, а в некоем незнакомом ему месте под названием Куандерон.

Роно был потрясен этим известием, и, когда Линда прочла в его взгляде искреннее изумление, она поняла, что сказала лишнее. Больше молодому человеку узнать о замке ничего не удалось.

На следующий день, в полдень, сэр Генри зашел проведать наследника и застал молодого человека лежащим на кровати с мечтательным взглядом и смотрящим в окно на горные пейзажи побережья Коста де Брава.

– Привет, Рони, прости меня, пожалуйста, я не хотел тебя беспокоить, да и дела сейчас идут очень напряженно, требуется мое постоянное присутствие, – вежливо произнес он, присаживаясь в кресло, расположенное напротив кровати. Роно от неожиданности быстро вскочил, но снова сел, остановленный мягким, но решительным жестом руки хозяина Эшамбле.

– Я догадываюсь, что тебя сильно беспокоят вопросы, связанные с пребыванием в этом необычном месте, – после некоторой паузы с некоторой грустью в голосе продолжил сэра Генри. – Впрочем, и земные вопросы, как мне видится, также безраздельно терзают твою душу. Понимаю все, однако прошу тебя не торопиться. Потерпи, ибо то, что предстоит тебе узнать, не просто информация, это огромный пласт знаний, который тебе необходимо постичь, и с этим нужно будет как-то жить и сосуществовать. Мир, в котором ты находишься, не терпит земного легкомыслия, – произнес сэра Генри, взглянув в удивленные глаза племянника с еле заметной улыбкой. – Ты находишься во владениях нашего родового замка Эшамбле. Он расположен на Земле, но не на той, которую ты хорошо знаешь, а в параллельном ей пространстве, Куандероне. Наш привычный земной мир здесь называют Магманом. Так что если быть совсем точным в терминах, твое путешествие в Эшамбле началось из пространства Магмана. Сегодня этот старинный замок принадлежит мне, а после моей смерти его хозяином станешь ты, мой дорогой племянник, это, конечно, не согреет твое сердце, но твоему блестящему разуму, скорее всего, эта мысль должна придать дополнительные силы. Так что, пожалуйста, не стесняйся – смелее осматривай и обживай свои будущие владения.

– Дядя Генри, – улыбнулся Роно, еще не до конца понимая, о чем говорит его родственник, – ты так славно потрудишься на Земле, что мне и десяти лет не хватит для ознакомления с твоим завещанием. Думаю, что когда наступит время моего вступления в права наследования, я уже буду немощным стариком и наследство в Куандероне будет сильно меня тяготить своей непомерной ношей, – с мягкой иронией и озорным огоньком в голосе произнес Роно и громко рассмеялся.

Когда наступило молчание, сэра Генри нежно обратился к племяннику:

– Мальчик мой, ты не представляешь, как я счастлив видеть на твоём лице улыбку. Ты выдержал одно из самых опасных земных испытаний: подобно птенцу, вылупившемуся из своего яйца, ты вырвался за пределы границ Магмана – можешь считать это своим вторым рождением! Теперь тебе предстоит научиться летать, да-да, ты не ослышался, и я помогу тебе обрести крылья, ибо горячо люблю тебя. Я горжусь тобой и очень надеюсь, что ты с пониманием отнесешься к новым жизненным испытаниям. Поверь, это будет нелегкий путь.

Сэра Генри встал, тепло обнял Роно и пристально посмотрел ему в глаза.

– Мне нужно идти, но завтра вечером я вернусь, мы поговорим обо всем, у меня больше не будет от тебя никаких тайн, я обещаю, а сегодня на это нет времени, – сказал он с грустной улыбкой.

Уже в дверях он повернулся к озадаченному юноше, не ожидавшему, что встреча будет такой скоротечной, и с наизиданием заметил:

– Будь осторожен, мысли в Куандероне имеют одно важное свойство: они материализуются. Отдохни, огради свой мозг от ненужных воспоминаний, которые, я знаю, сильно беспокоят тебя. Поверь, завтра будет нелегкий день, впрочем, как и все последующие. Мир Куандерона – реальность, не сомневайся. Твоё присутствие здесь необходимо, это очень важно, – на прощание сказал сэра Генри и вышел из комнаты.

Надежда Жандр

Родилась, выросла, училась в Ленинграде. Образование – филологическое – немецкий язык и литература. Продолжила обучение в Финляндии, в университете города Вааса: немецкая литература и литературоведение. Автор четырёх поэтических сборников: «Королевская охота» (Санкт-Петербург, 2000); «Свирель» (2007), «Пчёлы Рассвета» (2009; Вааса, Финляндия), «Театр бессонниц» (Санкт-Петербург, 2011). Член международной творческой ассоциации «Тайвас» (Хельсинки).

* * *

Касались пальцами, писали письма,
ступали на воду и пели, пели,
и видел нас старик, листвою вяза
лицо своё укрыв. И он был вечер.

Колодец снов, раскидывая блики
по глади камня, слушал, долго слушал.
На глубину кидали поцелуи,
тянулись до его ночного солнца.

И застывали, обратившись в пену
черёмух горьких, золотой корицы,
застав себя врасплох. В его объятьях
лучились, таяли, летели и лучились.

* * *

Ментол и мятая полынь – налёт минутный
по листьям – инеем, по льду – весенней кровью,
Селены солью по губам, горчащей пеной,
черёмух жгучею волной и... поцелуем...

И дрожью свадебных ветвей, весёлой плетью,
и мятным таяньем в груди, и взглядом волчьим,
ожёгом ревности, душою обнажённой,
и тёмным пламенем твоим, и... поцелуем...

И жаром тёмным о шершавые ладони,
и хрустом белого крестца, песчаным смерчем,
молитвой, судорогой, воем, чёрным солнцем,
животной ласкою, клинком и... поцелуем...

И мятным таяньем в груди, и взглядом волчьим,
Селены солью по губам, горчащей пеной,
по листьям – инеем, по льду – весенней кровью,
и тёмным пламенем твоим, и... поцелуем...

* * *

Спи. Спи один – через ночи, на мокром плаще.
Сердца услышишь толчки и, сперва понарошку
ягоды терния пробуя, вечный ничей,
солнечным соком растаешь, на звёздную крошку

соль променяешь, рутину, привычку терпеть,
ждать и бояться, коснётся ли вестник небесный
рыцарских плеч или ляжет тяжёлая плеть.
Плоти сиротской живой, но холодный опреснок

жертвенным жжением, тяжким толчком изнутри,
светом нездешним – клеймом запоздалой любви,
отрока-птицы судьбы причасти и умри,
только воскресни и стань у себя в изголовье.

Спи. Спи один. Ибо ангел терновника – ты,
с пальцев нектар золотой распадётся лучами,
тихо коснётся венца, и возникнут мосты
между тобой и тобой. Эта сила – мы сами.

* * *

И вспомнить голос. Он дрожит,
касясь верхнего регистра,
и словно шелестят ужи
на выдохе, и к уху близко

летит фальцетом нож стрижа
в разрезе звука запредельном.
Ты что-то мне хотел сказать? –
Глубокий вздох и взгляд бесцельный.

И вспоминать твои глаза
цветочно в уголках щечок.
Ну, что ты мне хотел сказать? –
Ресницы, веки, прочерк, прочерк...

Скольжение бусины зрачка –
то нефть играет в поволоке.
Береговая нить Балкан
не мысли – импульсы, истоки...
Да! Мысли вспоминать твои,
в сон по касательной – и мимо.
И центробежно, на крови
несёт челнок любви лавина
беспамятства, безверья, бес...
Не распознать немого слова.
Мгновение – и вот – исчез
мираж. Desipere in loco*.

МАЙРИНК

...читателям «Голема»...

Мастер Пернат сумерек, лёгкой дрожи,
тихих шагов в сон Соляной башни
долго искал лик на себя похожий,
лишь на себя, только чуть-чуть страшно:

вьётся клубок в ночь, нить – паутиной,
в пепельной дрёме гаснут серые свечи,
сердце коралла связано лентой длинной,
сердце граната горем горит вечно.

Тянет туман лента-река – Влава,
тонуший воск – резанное запястье,
губы кривых зеркал шёпотом алым
скажут опять: ты – королевской масти,

мастер шутов, книгу судеб листая,
в доме пустом, где ни дверей, окон,
только услышь, – прошелестит: Шемайя...
только пойми: это не склеп – кокон.

У синагоги – ночь, белые камни
там, на погосте, – сонными мотыльками:
«Мастер – пернат, он отопрёт ставни,
он их найдёт! И улетит с нами».

---

* Безумствовать там, где это уместно (*лат.*)

МИМОЗЫ НЕЖНЫЕ КОМОЧКИ

Мимозы нежные комочки
веснушками по наждаку асфальта
да по щетине
твоих небритых щёк. Восточный
и пряный аромат. Моё контральто.
Глаза мужчины.

* * *

Лечь, обнять, ничего не помнить,
тишину глотать полутёмных комнат,
отвести глаза от стены портретов:
не бесстыдство, нет, но безумство это...

* * *

И было зябко, и качель скрипела
в колодце гулко, капали слова
о том, что жизнь, расчерченная мелом, –
логично-перспективнейший провал.

* * *

А ты листал меня, любимый мой, листал,
дрожал в глазах знакомый беглый почерк:
чернила белой ночи, многоточье...
И ты – устал...

* * *

Медленно курить в шевроле соседа,
отвечать (зачем?) на его улыбки,
просто «никогда», «золотое кредо»,
камнем тянет вниз. Под ногами зыбко.

* * *

Тебе я подарю Троянского коня, –
скреплю моей флотилии обломки.
И рухнут стены! И пойдёт... возня,
лишь только нас окутают потёмки.

* * *

Сон короток, глаза – ночные угли,
полярных сов кочуют облака,
двойняшки инь и янь монеткой круглой
Луну кидают в реку молока.

Виктор Кувшинов

Родился в 1962 году в Петрозаводске, наполовину финн, наполовину русский. В Финляндии уже 17 лет. Профессия – молекулярная биология растений (генная инженерия), доктор наук (Ph D.), доцент. Автор двух десятков научных публикаций. В 2012 году вышли в свет две новые книги «Лэя» и «Пирамиды астрала» в серии «Наши там».

ГЛАВА 9. ЗА ПОРОГОМ

Из романа «Пирамида астрала»

...Голова болталась слева направо, как боксерская груша. Меня нещадно хлестали по щекам, щипали и кололи. Наконец я проснулся, набрал в грудь воздуха, чтобы на полную возмутиться неуважительным отношением к моей персоне, и вдруг увидел склонившееся надо мной испуганное лицо Федьки.

– Уф-ф! Очнулся, – счастливо отдувался он. – Какого лешего ты удрал посреди полета? Вот, зараза, напугал. Я один посреди галактики, несусь незнамо куда, а этот идиот исчез и даже не предупредил.

– Где я? – вылез из меня «умный» вопрос, пока я пытался сообразить, почему и как Федька приперся ко мне в комнату, да еще нахально колотит меня, требуя каких-то объяснений.

Постепенно память и здравый рассудок стали возвращаться, но события всплывали почему-то в обратном порядке.

– А чего ты в моей спальне делаешь? – я оглянулся и запоздало понял, что нахожусь не у себя, а у Феи. Тело затекло и ныло, как после долгого лежания в одной позе. И с головы моей свисала сетка с электродами. – Так, это я ж у тебя в квартире, а не у себя...

– А то где? – удивился друг. – Ты вообще где пропадал?

Я начал понемногу восстанавливать события в хронологическом порядке:

– Да нигде. Я просто страшно испугался этой черной дыры, догоняющей нас сзади и что Земля пропала вместе с Солнцем... – здесь я осекся и уже совсем тихим голосом продолжил. – И оказался у себя в спальне, а потом... – тут я замолчал на еще более продолжительное время.

– Что «потом»? – нетерпеливо спросил Федька и продолжал по инерции меня ругать. – Идиот! Испугался красного смещения. Мы же скорости света достигли. Вот все и сделалось красным, а потом совсем почернело.

– А потом... я прошел к кровати и ОТКИНУЛ ОДЕЯЛО! Ты понимаешь?! И лег в кровать, закутавшись в него! И вообще, было темно, как ночью... а сейчас еще и не вечерело даже... а ты меня разбудил... здесь!

– Ты что, хочешь сказать, что каким-то образом по-настоящему материализовался у себя в квартире, да еще и ночью? Может, тебе все приснилось?

– Спал, будучи вне тела? Странно. Но уж больно все было реально...

– Я как потерю обнаружил, сразу сюда кинулся, а тебя живым нигде нет: ни в подпространстве, ни в пространстве... и что мне оставалось делать? Вот и стал колотить твои тела по всем местам, чтобы разбудить. Но главное, что ты проснулся. Жалко, конечно – до звезд так и не долетели.

– Слушай, Федь! Надо ехать ко мне, проверить: если постель разобрана, то я там побывал, – пришла наконец мне идея, как установить, посещал я свою спальню или нет.

Физик без лишних вопросов вскочил и вперед меня побежал проверять мои гипотезы. Каково же было мое удивление, когда мы нашли мою кровать прибранной, как будто никто на ней и не спал.

– Ну вот! А то материализовался он, понимаешь ли. Пить надо меньше, – ворчал Федя, глядя на мою кровать.

– Что пить? – рассеянно спросил я, лихорадочно соображая. – Нет, слишком реальный сон был. Ты помнишь нашу встречу с теми физиками на Юпитере?

– Да уж.

– Так вот, в последний момент они подумали, что мы «прыгаем» через астрал. Типа чего и спрашивали?

– И каким местом это относится к твоей спальне?

– А если я задержался в астрале, а не выпал сюда, в подпространство? Я же ведь думал, что Земли больше нет и с испуга не знал, куда конкретно прыгать, вот и размазался мыслью по астралу. А там – эти астралийцы говорили, – что угодно можно себе вообразить.

– Ну что ж, вполне жизнеспособная гипотеза. После того, что тебе все приснилось или что ты сбрендил, она, наверно, самая вероятная. Кстати, может, еще какое-нибудь объяснение надумал?

– Да есть одно, но уж совсем бредовое. Если я каким-то образом вдруг прыгнул вперед во времени.

– Ага, и сегодня ночью ты встретишься сам с собой в постели. Счастливо! Таких сексуальных экспериментов я еще не видел, – издевался надо мной приятель.

– Так я ж и говорю: бредовая идея. Давай лучше думать, как проверить, был ли я в астрале или нет и как туда опять попасть, если я там все-таки был?

– А чего тут думать! Надо повторить весь опыт с начала. Вспомни все мельчайшие детали. Потом я тебя еще раз попробую разогнать до скорости света, если хочешь.

– Нет, думаю, скорость света здесь ни при чем. Скорее, тут мой испуг сработал. Второй раз мне не удастся испугаться так сильно, тем более после твоих объяснений. Лучше сделаем так: сейчас еще отдохнем и потом опять «выйдем», а я попробую медитировать «там» на тему моего сна – может, что и получится.

– Почему бы и нет? Давай! Только все дела заброшены... но это все ерунда.

– Кто бы говорил! У меня скоро проблемы со здоровьем начнутся от долгого лежания. Но уж больно интересно...

Пока физик гремел посудой на кухне, пытаясь сообразить скорый ужин, я предался думам. Что-то не давало мне покоя в цепочке событий. Вот я тащусь за Федькой в космосе. Вот пугаюсь, «закрываю глаза» и оказываюсь надолго в полной тишине и темноте...

Вот, нашел! Почему у меня в ушах стоял этот звон колокольчиков? Потом он стал утихать, я открыл глаза и оказался в своей спальне. В реальной комнате. Все органы чувств говорили мне, что я дома. Но я так стрессанулся, что не придал этому значения, а с облегчением завалился спать, даже не вспомнив, что на мне должна быть сетка с электродами. «Уснул», можно сказать, мгновенно. Что же, надо попробовать попасть в ту загадочную комнату!

Вечером мы с Федей пребывали у своих, лежащих на моей кровати, тел и пытались закинуть меня в виртуальную спальню. Мы стояли, что называется, «опустив руки» после нескольких неудачных попыток, в ходе которых я только мигал, на время исчезая из Фединой видимости да еще немного перемещаясь по комнате. Сколько я ни представлял несуществующую спальню, все равно оказывался в своей, натуральной, рядом с терпеливо ожидающим чуда физиком. Я понимал, что делаю что-то не то, но вот что – было загадкой. Наконец до меня дошло:

– Федь «слетай» куда-нибудь. А то вдруг ты фонишь и сбиваешь меня с панталыку? Давай хоть эту возможность исключим из опыта. Потом возвращайся, и если меня не застанешь – опыт удался. Поэтому сразу меня не буди, дай мне «там» побыть подольше.

– Принято к исполнению! – Федька послушно исчез, улетев прямо через стену.

А я остался экспериментировать. Пару раз безуспешно «прыгнул» по спальне и окончательно понял, что так ничего не добьюсь. Остановился, «закрыв глаза» и стал вспоминать в деталях, что тогда произошло. Вот я пугаюсь и оказываюсь в полной темноте... что дальше? Должен быть звук бубенчиков.

Я вслушивался до «звона в ушах», и вдруг, на грани слуха, действительно стал пробиваться легкий перезвон, как будто от очень далеко проезжающей упряжки лошадей. Потом звук затих, но я не спешил «открывать глаза» и продолжал вслушиваться. Ага, вот он снова появился! «Та-та-та, та-та-та». Что-то он мне напоминает? А звук тем временем приближался, но как-то блуждая слева направо и обратно. Потом вдруг до меня дошло, где я этот звук слышал! «Джингл беллс, джингл беллс» – это же звук упряжки рождественских оленей Санта Клауса. Я их еще в свою поездку за кордон до тошноты наслушался. Да и у нас не лучше. Так и споешь рекламу: «Праздник к нам с собой несет... (что-то там еще)... кока кола».

Как только я вспомнил, откуда мне известен этот звук, колокольчики стали звучать громче, явно направляясь ко мне. Я решил «открыть глаза» и увидел себя висающим в абсолютной темноте. А издали, деля красивый вираж, ко мне приближалась упряжка северных оленей. За вожжами на облучке саней сидел красноносый бородатый дядька, сильно смахивающий на Тима Аллена из известного фильма «Санта Клаус». Упряжка летела в

черноте, ничем не подсвечиваемая, но ясно видимая, как под ярким солнцем. Только я подумал о странной неестественности происходящего, как под моими ногами развернулось поле белого, сыпучего и искристого снега.

– О-хо-хо! – по киношному весело прокричал Дед Мороз, и олени спикировали ко мне в снег, подняв тучу морозной снежной пыли. – Кто тут меня дозывается уже который раз?

Страхивая снег с плеч, я заметил, что стою уже по-зимнему одетый, в теплой куртке и каких-то мокалинах, а с синего неба сверкает солнышко. Вдали завиднелся хвойный лес, тоже укрытый снегом. Из рта и ноздрей оленей шел пар, клубясь в ритме их частого дыхания.

– Здравствуйте! – произнес я, обалдело уставившись на Деда Мороза, соскакивающего с саней.

– Приветствую вас, молодой человек! Я – Санта Клаус! – торжественно произнес он, снимая рукавицы и протягивая руку. – А вас как звать-величать?

– Жея! – почему-то по-детски представился я и задал еще более детский вопрос: – А вы что, настоящий Дед Мороз будете?

– Нет! – возмущенно воскликнул он. – Я – Санта Клаус! – и поднял вверх указательный палец, явно долженствовавший показать значительность хозяина этого пальца. – У меня больше всего поклонников.

– А-а, извините! Я первый раз здесь.

– Так чем могу помочь? Если вам непременно нужен Дед Мороз, то могу подвезти, – со вздохом произнес мой странный собеседник, явно удручаясь тем, что перед ним не его почитатель. Я уцепился за эту идею:

– Отлично! Хотелось бы посмотреть, как он там поживает.

– А что старику сделается? – сказал, всхрипнув и повернув голову к нам, передний олень в упряжке.

– Рудольф, я тебе слова не давал, – возмутился Санта Клаус поведением мохнатого болтуна.

– Очень надо! – презрительно взглянул на хозяина олень и отвернулся.

– Да, несколько староват Дед Мороз, – обрадовался Санта Клаус возможности указать на недостатки коллеги и, приглашая меня жестом в сани, продолжил. – Но ничего, побряхтывает. Да и с внучкой его, Снегурочкой, не соскучишься! Ну, садись, поехали! Хей-гой-гой!

Под этот ковбойско-индейский вопль олени припустили в небо, взметнув облако снега, и мы оказались опять в кромешной тьме. Олени стремительно мчались, отмеряя копытами километры невидимой поверхности. Скоро впереди показалась стена северного сияния, красиво переливающаяся в полной темноте голубыми и зеленоватыми тонами. Пока я любовался ею, наши сани под веселое гиканье Санта Клауса влетели прямо в середину светящегося занавеса.

Мир взорвался вокруг всеми цветами радуги, и мы уже неслись по заснеженной улице какого-то праздничного городка. По бокам стояли прянично нарядные бревенчатые домики, украшенные резными наличниками. Наконец мы подъехали к большому, тоже бревенчатому зданию с широким крыльцом.

– Добро пожаловать в Клуб Санта Клаусов! – крикнул мне возница.

– В клуб Дедов Морозов! – басовито смеясь, возразил большущий старик, стоявший в распахнутых дверях. Его убеленная сединами борода и шуба, обшитая красным шелком, ясно говорили, кто появился перед нами.

– Опять начинается! – послышался недовольное ворчание Рудольфа со стороны упряжки.

– Все, голубчики, спасибо! Бегите в стойло! – крикнул оленям Санта и поднялся на крыльцо следом за мной. – Проходи, Женя, это, как ты, наверно, догадался, Дед Мороз.

– Да, проходи, посмотри на место наших вечных споров! – похохатывал в бороду высокий старикан.

– А кто еще сейчас здесь? – спросил Санта.

– Да финский Йоулупукки. Остальные неизвестно где бродят.

– А Женя к тебе, насколько я понял, – сказал Санта Деду Морозу и, уже обращаясь ко мне, продолжил. – Заходи, мы всегда рады гостям!

Мы зашли в просторный, но уютный холл, с массивным столом у светлых окон и огромным камином у противоположной стены. Напротив очага стояло несколько глубоких, обитых зеленым плюшем кресел и журнальный столик, заваленный почему-то не журналами, а бутылками и закусками. В одном из кресел сидел благообразный дедушка в очках, тоже убеленный сединами. Санта скинул шубу и оказался в свитере и синих суконных штанах, заправленных в замшевые унты. Я тоже скинул куртку, и мы прошли к камину.

– Детей не привели с собой? – хитро улыбнулся благообразный старикан.

– Да нет! Пей свою «Коскенкорву»! – усмехнулся Санта.

Очкастый старик довольно крикнул, достал из-за пазухи бутылку финской водки и налил в маленький стеклянный шкалик перед собой.

– Это Йоулупукки, а это Женя! – коротко представил нас Дед Мороз. – Присаживайся! – потом безнадежно махнул рукой на благообразного старца. – Все норовит в одиночку пить. Разве это по-божески?

– Вот поживете с мое – сами запьете. Это процесс философский. Но и за компанию не откажусь, – оживился Йоулупукки и, указывая на стол, предложил. – Однако угощайтесь!

– Итак, молодой человек, – начал Дед Мороз, называя меня то на «ты», то на «вы». – Зачем же вы к нам пожаловали? И кстати, сразу должен объяснить одну вещь. Здесь у нас нечто вроде дискуссионного клуба. Мы хвастаемся друг пред другом, а наши гости выносят свои суждения, кто и в чем лучше других. Давай сделаем так: ты нас рассудишь, а мы тебе поможем, чем можем.

Я лихорадочно соображал, как бы так приврать, чтобы и они рассказали, как побыстрее попадать в астрал, и в то же время не напугать их нашим нестандартным появлением. Поэтому избрал тактику побольше спрашивать и поменьше говорить:

– Я очень благодарен вам за прием и с удовольствием послушаю ваш диспут и, конечно же, постараюсь быть непредвзятым в оценках.

Если бы я знал, на что я подписался, то наверняка сбежал бы сразу. А вам было бы интересно битый час слушать, какое место обитания важнее: Северный полюс, Корватунтури в Лапландии или Великий Устюг? Или о ком раньше упоминают в летописях? Или у кого больше почитателей и так далее, и так далее? Причем все это в сопровождении топаньям ног, криков и длинных сцен ораторского искусства. При этом надо было высказывать свое мнение и стараться сильно не обидеть не вполне нормальных собеседников. Мне повезло, что их было только трое, а не все пятнадцать, о которых то и дело

упоминали присутствующие. Вконец вымотанный и опасаящийся, что Федя начнет меня будить на Земле, я попытался прояснить ситуацию со своим положением и взмолился:

– Мне очень понравились ваши доводы, и должен признать, каждый из вас имеет в чем-то неоспоримые преимущества перед другими. Это делает вас уникальными и востребованными. К сожалению, я очень спешу и прошу вас помочь мне советом.

– Вот так всегда! – воскликнул Санта. – Ни один гость еще не сказал прямо, что я лучше всех. Ладно, что ты хотел узнать?

– Вы знаете, я совсем недавно в астрале.

– Это и так понятно! Чтобы мужик нами интересовался, покрутившись тут годик-другой, слишком маловероятно. Вот если бы ты помоложе был да женского полу, то, может, у нас и задержался.

– Да, у меня проблема с возвращением в астрал после того, как я выхожу оттуда, – врал я, как только мог. – Вот и сориентировался на колокольчики оленей.

– Надо было «динь-дон» слушать, а не «джингл беллс», я бы на своей тройке мигом земляка подхватил! – сразу бросился хвастать Дед Мороз.

– Подожди, – остановил его Санта серьезным тоном. – У парня, наверное, нарушена фиксация астральных объектов в памяти, – и, уже обращаясь ко мне, спросил: – Тебя, что, не учили запоминать занавески?

– Какие занавески? – чувствуя, что «сажусь в лужу», переспросил я.

– Пирамидальные коды! Вроде того, который ты видел, когда мы сюда въезжали. Да откуда ты взялся такой? – все больше удивлялся Санта.

Мне пришлось привирать дальше, чтобы выгащить из них очень нужную нам информацию, и я проканючил:

– У меня сложный случай. Я не учился ничему. Сам по себе.

– Так ты что, дикий? Нет, дикие сюда подняться не могут. Но как же это тебя угораздило? А я-то думал, такого уже и не случается, – видимо, мой собеседник принял меня за какой-то дикий или пиратский вариант и решил-таки помочь. Я молчал, как мышь, боясь спугнуть удачу, а Санта продолжал объяснять: – На первое время вспоминай нашу пирамиду. Помнишь северное сияние?

– Да.

– На него тебя откуда угодно выкинет. А если наше общество надоело, сделай себе астральный якорь и гуляй, где хочешь! Когда захочешь вернуться, вспомни его и все дела.

– А что такое астральный якорь?

– Экий же ты невежа! К ангелам не обращался? Эти-то спасители-хранители вроде как обязаны таких просвещать, – Санта продолжал сокрушаться. – Ну что с тобой будешь делать? Слушай: астральный якорь – это любая твоя воплощенная яркая фантазия, в которой ты можешь пребывать в свободном астрале. Желательно, чтобы она не была идентична какому-нибудь месту на Земле или в пирамидах, типа нашей, чтобы тебя по ошибке не выкидывало в другое место.

– А много таких пирамид? – не удержал я своего любопытства.

– Ну все! Достал, темнота! – воскликнул Дед Мороз. – Пошли, сейчас я тебе придам ускорения, а как окажешься в «свободном полете», так и создавай себе якорь! Дальше сам разбирайся, только поосторожней там.

С этими словами он встал и, взяв меня за плечо, повел к дверям. Я только успел попрощаться с другими бородачами и подхватить куртку. Выведя на крыльцо, он ухватил меня за шиворот и отвесил такого смачного пинка, что я торпедой взмыл в небо. Летя кувырком, пробил их занавеску и, на мгновение увидев северное сияние за собой, оказался в полной темноте.

Итак, я в астрале. В настоящем. Вокруг меня пустота. И как же мне создать якорь? Надо представить какое-нибудь место, которое не похоже ни на какие, ранее видимые мной пейзажи. Я задумался... и представил домик на берегу речки, стоящий на лужайке, заросшей травой. Но пейзаж вокруг него был не простой: за домом росли банановые деревья и пальмы вперемежку с нашими елками и березами. Такого на Земле я уж точно нигде не видел! Открыв глаза, я узрел перед собой воображаемый пейзаж и довольно огляделся.

«Хорошо, что комаров не напредставлял!» – подумал я и тут же услышал занудный звон насекомых. «Если они еще и кусаться будут...» – и сразу же почувствовал первый укус. Надо бежать в дом! – отчаянной мыслью я помчался к постройке. За мной уже неслась туча надоедливых насекомых. Заскочив в дверь, с удовольствием отметил наличие камина и дров в нем. На каминной полке лежал коробок спичек. Все, что нужно человеку для счастья! Быстренько развел огонь и устроился в уютном кресле. А затем сидел расслабившись, слушал треск горящих поленьев и радовался возможности спокойно проанализировать ситуацию.

Можно поздравить себя с успехом – это, похоже, действительно астрал. Что я узнал о нем? Довольно много. Во-первых, у меня есть ориентиры для возвращения. Потом этот якорь, придуманный мной, и дедоморозовская, как ее там... пирамида, кажется. Почему, кстати, пирамида? Или я что-то не так «перевел»? Наученный опытом общения с «инопланетянами» на Юпитере, я сомневался, что все правильно понял в речах Дедов Морозов.

И вообще, не придумал ли я все? Может, это сон? Нет, не бывают сны настолько предметными. К тому же я, может быть, еще и слышал случайно от финского студента о Йоулупукки, но запомнить его имя было почти невозможно. А название горы, где он живет в Лапландии, и подавно незнакомо. Как там оно было? Корватунтури, кажется. Надо будет проверить, когда вернусь на Землю. Да, все-таки Деда Морозы хоть и были слегка сумасшедшими, но вполне самостоятельными личностями. У меня просто фантазии на все это не хватило бы.

Во-вторых (или в каких там?), я могу создавать какую-никакую реальность, а вернее, иллюзию вокруг себя. И это здорово! Всегда мечтал иметь такой «домик в деревне». Даже не так: домик на берегу речки... или озера? А, ерунда – это можно будет подправить на свой вкус. А какой у меня лес за домом! Люди у нас на Земле по грибы ходят, а я заодно и по бананы с кокосами смогу ходить...

Отлично! А от комаров придумаю какой-нибудь вечный репеллент – и все дела. Есть ли что-нибудь «в-третьих»? Да, существуют какие-то ангелы, о которых все говорят и которые должны чему-то учить. Только не те ли это типы, которые Ташу угробили? Так что пока надо быть поосторожней. И еще: надо как-то сюда ребят привести. Но это уже задачи, а не достижения.

И, как всегда, вопросов оказалось больше, чем ответов. Передо мной опять, как и месяц назад, лежал новый, совершенно не изведанный мир. Или

миры. Или ничего, кроме моих фантазий? Нет, про фантазии я уже уяснил – мне все это и в горячечном бреде не приснилось бы.

Итак, что и как делать там, где ничего не видно и ничего не известно? Опять, во-первых, ТБ – техника безопасности то бишь. Не высовываться почем зря. А если не высовываться нельзя или невтерпеж, то высовываться помаленьку. Это чего это я? – эк загнул, что и не разберешься. В общем, как обычно: высунулся, получил по носу и деру домой, пока всего целиком не схавали. Дальше надо позвать Ташу. Если она выйдет к нам или ее отпустят, то сразу все станет понятней и проще. А сейчас надо потихоньку начать исследовать окрестности, но только как?

Я понял одно правило астрала: пока не получишь ориентир, никогда не найдешь нужное место. Мы вообще не могли войти в астрал, пока я случайно не зацепился за эти оленьи бубенчики. В реальном-то мире таких красивых бубенцов нет. Вот я и задержался в астрале, вызывая Санту по колокольчикам. Чем не объяснение? Во всяком случае за неимением лучшего для успокоения дурака и это сойдет.

Дрова в камине стали прогорать. Сколько же я уже здесь тусуюсь? Нет, на первый раз, наверное, хватит. Пора домой! Кстати, а попаду ли я туда?

Но все оказалось в порядке. Когда я открыл глаза, предо мной уже была моя спальня, в которой мое полудрагоценное тело безмятежно отдыхало на кровати. Феде, естественно, в округе уже не наблюдалось. Интересно, куда это он смотал? Но, пролетев по квартире, я нашел приятеля, слушающего музыку в гостиной комнате. Подглядывать за ним я посчитал несолидным делом и поспешил занырнуть в свою брэнную оболочку.

Людмила Кирпу

Родилась в Советском Союзе, училась и работала в Ленинграде. Образование гуманитарное. Печатается в периодических изданиях Хельсинки – поэзия, переводы с финского. Участник многих коллективных сборников. С 1991 года проживает в Хельсинки. Автор поэтического сборника «Недоигранная гамма» (Санкт-Петербург: Геликон Плюс, 2007). Победитель поэтического конкурса в Мюнхене «Пусть нам станет родиной дорога» в 2007 году.

ИЗ ЦИКЛА «МЕЖДУ БЕРЕГАМИ»

* * *

По тонкому льду
от родимого берега
к сторожке на дальнем
чужом берегу
тянет женщина-девочка
так неуверенно
день уходящий...
По тонкому льду
салазки скрипят,
будто плачут, –
Родимая, не оступись,
скоро будет рассвет!
И чёрную прорубь
на глади обманчивой
сможешь увидеть!
Светает уже...

* * *

Зачем?!..
Ты покинул город дождей,
всю меня зачеркнул на бегу,
оставив кому-то сонату ночей
и наши следы на снегу.
Помнишь?!..

Сотни мостов прокричали: «Вернись! –
и словно руки к объятью раскрылись. –
Не предавай! Уходя, оглянись!
Видишь, кони вдогонку пустились?»
Но ушёл...
И в безмолвье застыли столбы,
нет огня на Ростральных колоннах,
и последний троллейбус уже не спешит
с поля Марса к уснувшему дому...
Всё! Прости...
Как тебе в том заморском раю?
Всё ли снится ещё Эльдorado?
Я?.. Нормально... Спешу...
Я бегу на Неву
встретить белую ночь у ограды.

* * *

Привет! Я в Петербурге снова,
не знаю, поздно или рано.
Багаж? Письмо, в котором слово –
незаживающая рана.
Брожу по улицам чужая,
ушедших лет ищу приметы,
и даже в грохоте трамвая
я слышу: где ты... где ты... где ты?
Всё тот же крест над куполами
и под ногами те же лужи,
но нет моста меж берегами.
А разве памяти он нужен?

2004 г.

ИЗ ЦИКЛА «ДАВАЙ СЫГРАЕМ В ДУРАКА!»

* * *

Давай
сыграем в дурака –
первоапрельского...
Пока
ещё блефует снег,
шут –
очень нужный человек!
Ну, а потом...
откроем дверь,
чтобы распутница капель
размыла след
зимы суровой.
Что?.. снова пас?..
А я готова!

* * *

На пастбище слов...
усталый пастух,
стадо спасавший
от блох или мух,
уснул.
Ка-ра-уул!..
Рифмы шальные,
что строчки жевали,
вдруг, в одночасье,
загон поменяли...

Ну, что же! – воскликнул,
проснувшись, пастух. –
Теперь отбивайтесь
сами от мух!

* * *

Кому в наследство гениальность,
кому здоровье, мне – совет:
«Наивность и сентиментальность
возьми в друзья. И пусть от бед
тебя хранит, как амулет,
чухонский наш менталитет»...

Сентиментальность расплыла,
наивность в бедах утопила...
Давно, разбившись о реальность,
уже гибридная ментальность
со мной «оформила развод» –
своих корней не признаёт.

Так вот:
Совет – полезнейшее средство,
когда к нему и ум в наследство.

ИЗ ЦИКЛА «ХАЙКУМАНИЯ»

ВНЕВРЕМЕННОЕ

загадка гейши
древнейшее искусство
запах кимоно

*

дерево жизни
на обломанной ветке
новая почка

*

прилив и отлив
ускользнувшее время
размыло следы

*

счастья минута
как радуга над полем
была и нету

УТРЕННЕЕ

чистая любовь
прозрачная росинка
цветок целует

*

туманность зеркал
помешала рассвету
нет отраженья

*

ночи рисунок
бабочкою на теле
утро ревнует

ДНЕВНОЕ

полтинник солнца
на дно реки упала
шуту награда

*

большая стирка
на медных нитях солнца
сохнут облака

*

солнечный зайчик
притаился в лукошке
каков урожай

ВЕЧЕРНЕЕ

открытый урок
этиюд в багровых тонах
солнце рисует

*

слезный рисунок
на паперть откровений
присела память

*

чувств обнаженность
старый фонарь подмигнул
сад освещая

Дмитрий Суйканен

Родился в 1991 году в Новокузнецке. Живет и в Финляндии, и в России. В 2007 году издан сборник его стихов «Книга жизни». Берётся за сложные гражданские темы, имеющие социальное значение. Связь поколений, память об историческом прошлом, судьба России, современные общественные проблемы, локальные конфликты – всё это находится в поле зрения автора. Он верит в лучшие качества людей, ценит благородство и подвиги.

СЛУЧАЙ

Он пришёл из ниоткуда
 И вернулся в никуда,
 Его день летит секундой,
 Утекая, как вода.
 Он – творец самозабвенный
 Нашей неги и невзгод,
 Его плот, как дух, нетленный,
 Устремлён теченьем вод.
 Он летит над нашей жизнью,
 Обращая к нам свой лик,
 Он изменчив и, как призма,
 Преломляет солнца блик,
 Как невидимый подвижник,
 Царь судьбы, слуга богов,
 Чародей и чёрнокнижник
 Потаённых миров.
 Его суть испепеляет,
 Иль возносит до небес,
 Он обличье принимает
 То трагедий, то чудес.
 Мы клянём его за горе,
 Почитаем за успех,
 Он бескрайнейшее море,
 Поглощающее всех.

АВТОРСКИЙ ПОЧЕРК

Что можно услышать в стихах?
Что скрыто у них между строчек?
О каких необычных вещах
Нам поведает авторский почерк?
Быть может, в них мягкость шелков,
Таинственность запертой двери,
Мгновенье из жизни цветов
И вечность погибших империй,
Молитва печальной души
И грустная исповедь скрипки,
Прохлада вечерней тиши
И свет лучезарной улыбки,
Сиянье восторженных глаз,
Влюблённого сердца биенье,
Тоска недосказанных фраз
И горьким вином опьяненье,
Дожди из невысохших слёз
И груз обезличенных истин,
Раскаты бушующих гроз
И блюз опадающих листьев.
В стихах можно видеть весь мир,
Лишь стоит взглянуть между строчек –
И сладостной музыкой лир
Откроется авторский почерк!

ВОЛКИ

Я не терплю удара в чью-то спину,
Коварен точный дьявольский расчёт.
Пусть клин, как раньше, вышибают клином,
Но месть в ответ на зло – не лучший ход.

Точить ножи и заряжать двустволки
В наш дерзкий век – обыденный обряд.
Так неужели мы друг другу волки,
И полон ненависти каждый взгляд?

Не верю я, что всё уже прогнило
И что глаза нам ослепит корысть,
Ведь волки в мире от рожденья были,
Которым лишь друг дружке глотки грызть.

Но знаю: меж волков тех наберётся
Хотя бы уж полсотни и иных,
Тех, у кого на сердце всколыхнётся
И не поднимется рука против своих.

КОШКА И ЗЕРКАЛО

Однажды очутился в лапах кошки
Осколок зеркала. Она, подумавши немножко,
Решила в зеркало взглянуть,
Чтоб для себя своею красотой блеснуть.
Хотя, по правде говоря,
блистать-то нечем было:
Былую красоту в кошачьих драках
Как водою смыло.
Оборваны усы и хвост,
Торчит клочками шерсть –
Неужто в сраме этом
Хоть доля шарма есть?
Но глупой кошке это не понять:
Она всё хочет красотой своей блистать.
Как зеркало ни повернёт за уголки,
Но видит шерсти лишь клочки
Да морду без усов.
Про зеркало вердикт её суров:
– Неправильное зеркало пришлось мне повидать,
Коль красоты моей оно не в силах передать.

ЛУНА

Луны кошачий глаз
Уставился в окно,
Таинственно блестят
Плеяды ярких звёзд.
Что ожидает нас,
Давно предreshено,
Узнать судьбу сулят
Осколки вечных грёз.
Небес четвёртый Рим
Скрывает море тайн,
За тёмной пеленой
Секреты мирозданья.
Чтоб смыть весь этот грим,
Скажите – WORLD IS FINE! –
И кладезь неземной
Поделится познанием!

* * *

Стучится сердце, бьётся гулко,
Мясистым боком тычет в рёбра.
Маршруты тёмных переулков
Извилисты, как тело кобры.

Иду домой. Никто не слышит
Шагов, скользящих по асфальту.
Листвой пожухлой осень дышит,
И ветер тонко воет альтом.

Замёрзли руки. Мокрой спичкой
Пытаюсь тщетно высечь пламя,
А небо, следуя привычке,
Развесило заката знамя.

Из-под земли ревёт стихия –
Метро стучит на стыках рельсов,
Вагоны синие, лихие
Летят в депо обратным рейсом.

А я плетусь – сама беспечность!
Уютный дом раскрыл мне дверцу.
А впереди ещё вся вечность
Длиною в два биенья сердца.

Светлана Кочергина (Алания Брайн)

Светлана Кочергина родилась во Владивостоке, лингвист, окончила Санкт-Петербургский Институт Иностранных Языков. Несколько лет работала переводчиком в Москве. В настоящее время учится на факультете Изыщных Искусств Сорбонны, живет в Париже. Дипломант конкурса молодых поэтов Санкт-Петербурга «ПОЭТому» (2008, Санкт-Петербург), дважды финалист конкурса молодых поэтов зарубежья под патронатом княжны Елены Волконской «Ветер странствий» (2010-2011, Рим), финалист 9-го международного турнира поэтов «Пушкин в Британии» (2011, Лондон). Стихи публиковались в литературных сборниках «Живой Звук» (2010, Смоленск), «Орден зажженной искры» (2011, Москва), в журнале «Обзор» (2010, Чикаго, США) и альманахе «Глаголь» (2011, Париж).

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКЕ. № 2

*Било пять часов пополудни.
Было ровно пять часов пополудни.
Принес простыню крахмальную мальчик
в пятом часу пополудни.
И корзину с известью негашеной –
в пятом часу пополудни.
А над всем этим – смерть,
одна только смерть
в пятом часу пополудни.*

Ф.Г. Лорка

мне плохо. кружится голова.
контрастна температура кожи
твоим стихам. –
теперь все делю пополам с тобой, –
пополам,
как обреченный, на краешке
ледника.

я помню цвет этих глаз
 перед натиском стывших дул, –
 уже было ясно все, –
 ты искал ее в каждом дне,
 и в свете твоих бесконечно песочных лун
 я псом андалузским так же бреду за ней.

и скрежет металла, и крик за моей спиной, –
 мир катится к черту, – но я без тревог иду, –
 нам смерть умещается тонким пером в ладонь
 и память, как кудри, разносится на ветру.

У МЕНЯ ХАРАКТЕР ПИКАССО

у меня характер Пикассо, –
 исключительно безобразный,
 передать его лучше в масле,
 по-Сутински, – багрово-красным.

в бесконечно-желтом Ван-Гога,
 заподозрив природу в смерти,
 отразить мою веру в Бога
 завихрением круговерти.

мою душу – по Врубелю, синим,
 над обрывом, где Демон плачет,
 чтобы вышло слегка спесиво,
 глубоко и немного мрачно.

изо всех художников мира,
 одного лишь во мне выделяя,
 ты, как Жанна, за столь любимым,
 и безумным идешь Модильяни.

КОНЕЧНО, БОГ

*Разница между прозой и поэзией
 примерно такая же, как между
 пехотой и военно-воздушными
 силами.*

Иосиф Бродский

в серебряных лучах крошился талый снег,
 и ангельская музыка свисала
 над влажностью полуприкрытых век
 среди Дворцовой камерного зала.

прожекторы искали выход ввысь
на плотном сером небе Петербурга,
и я подумала, что все мы родились
от взмаха кисти злого драматурга;

что наша жизнь – аквариум с водой,
мы рыбы, не всплывавшие на сушу.
а там вверху, над самой головой,
хмельной писатель правит наши души.

он нам сулил незаурядный рок, –
«поэзии как ВВС – на фоне прозы», –
твоей рукой писал, конечно, Бог,
и по любимому лицу катились слезы.

ПРОИДЯ ПОСЛЕДНИЙ, СЕДЬМОЙ, КРУГ АДА

пройдя последний, седьмой, круг ада,
мы становимся чистыми перед миром.
твои руки пахнут табачным ядом,
как мышеловки – предсмертным сыром.

зритель расходится по ролям,
по потаенным углам своим, по планетам.
мы остаемся. (за кадром.) Нам
не хватает пространства, времен и света.

мы, отражением стенных теней,
теперь осознанным и безгрешным,
привносим трепет в глаза людей, –
тем обрекая себя на нежность.

не видим букв – только между строк
читать умеем. и много курим.
я по привычке взвожу курок,
ты – загораживаешь от пули.

здесь не помогут ни поезда,
ни покровители, ни гримеры, –
в нас вся вселенская острота,
мятежно рвущаяся на волю.

Л.Ю.Б.Л.Ю.

И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Владимир Маяковский. Лиличке

Дни идут.
Как горошины из стручка в детстве,
ссыпались в оборки платья.
Как деревянный колодец со скрипом натянутого ведра.
Как непрошенные объятия
вернувшейся с молоком старухи.
Как вытянутые от скрупулезной работы руки.
Как вечная кинолента без монтажа.
Как порез
Лезвием втрое сложенного ножа –
Дни.

Март еще не разменян, но обречен.
Она одергивает плечо. –
Четырнадцатого
Покончу счеты.
Свобода сгорбливается в крючок
Того коридора, где вешал свое пальто,
Где сердцем, не легким, постиг глоток,
И строки рубил, и вмещал меж строк
Взведенный дважды (не у виска) курок.

Там
я узнаю, что Бог
Есть.
И что решения исконно равны нулю,
Что смыслы все закольцованы в Л.Ю.Б.Л.Ю.Б.Л.Ю..

**ДАЖЕ КРАСИВЫЕ КОЖАНЫЕ ПЕРЧАТКИ
НЕ СОГРЕВАЮТ ПАЛЬЦЕВ**

даже красивые кожаные перчатки не согревают пальцев, –
в холодном маршрутном такси нет возможности потеплеть.
мутных глаз сидящих напротив людей естественно испугаться,
и, отвернувшись, на снег в узорном стекле смотреть.

и вдруг отчетливо видеть здания. Откуда они здесь выросли? чьи-то дома, – в празднично приглушенный предновогодний свет плывут горстями к гостям в гостиные тени людей, нанизанных на стержень быта, забот, игрушек, диванно простых бесед. девица, воюя с микроволновкой, готовит, должно быть, рыбу, мужчина с Ахматовским профилем пьет холостой коньяк, – мне жизнь захотелось прожить вдруг рядом с каждым из них. губительно любопытство, – но все же какой бы была я?

любила бы Бродского? Каннинггема? Оскара Уайлда? Булгакова? страдала артритом? Пьесы, картины писала так же? – жутко бывает в маршрутках, когда подсознание играет фактами любой из прожитых жизней – что много теплее вашей.

МЫ СЛИШКОМ ВОЛШЕБНЫ, ЧТОБЫ МИРИТЬСЯ С СОБСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ

мы слишком волшебны, чтобы мириться с собственной реальностью. знай, мне нравится, как ты зажимаешь камертон одним пальцем. зачем ты перекрасился в белый? до чего же смешные волосы. спустя нашу бессмертность в церковном хоре я узнала тебя по голосу. видишь, я выбилась в дирижеры, а ты поешь сложные партии соло... мне бы только однажды обнять тебя, но ты уходишь со сцены в другую сторону. я теперь не стану следовать за тобой, потому что стала мудрей и старше. просто, когда будешь кланяться, знай, – мне нравится как ты пахнешь... ты уходишь в другую сторону с улыбкой о нашей тайне на выпевшихся губах, и все, что останется между нами – Твои Брамс, Мендельсон и Бах, но, клянусь, этого более чем достаточно, чтобы дожидаться известной встречи, – где я в первый раз беру тебя на руки... или ты обнимаешь меня за плечи..

Игорь Белкин

Живет в Эстонии. Его лирический герой – то философ, то романтик, то реалист, который глядя на жизнь сквозь свои далеко не розовые очки, ухитряется находить забавное во всех проявлениях жизни. Послевоенное детство, отложило неизгладимый отпечаток на все творчество поэта. Многие произведения поэта автобиографичные. Участник многих коллективных сборников. Победитель международного поэтического конкурса «Время любить» 2008 г. (Новосибирск). Автор поэтических сборников «Состояние души» 2008 г., «Как странен мир, в котором мы живём» 2011 г.

Из цикла НЕПРАВИЛЬНЫЕ СТИХИ

Посиделки с Пушкиным

Алексан Сергеич, лето вместе с комарами
убежало от поэта задними дворами, так что Вы жары не бойтесь, мух не бойтесь синих, приезжайте пить настойку «Водка на рябине»; будут сливки от коровы, монпансье-ландрины, пара девушек дворовых разомнёт Вам спину. Будет месяц рыжей долькой улыбаться мило... Жаль, сестриц Татьяну с Ольгой я позвать не силах, ибо замуж вышли девы, нарожали деток не от Вашего посева, не из Ваших клеток. Ах, да что теперь об этом, жизнь – любви цепочка, и от Вас пошли по свету деточки-грибочки!

Алексан Сергеич, осень нервно шурит глазки,
у берёз желтоволосых листья, словно маски, обрывает и разносит по речному плёсу, и сверкают ночью росы звёздностью с откосов. Там репы, чертополохи, жухлая крапива, Черномора дикий хохот и Додон спесивый; там и мой герой незваный, бабник и филистер – в меру трезвый, в меру пьяный, на руку нечистый. Да-да-да, нечист! Ну, что Вы, мы же с Вами пара, любим стягивать в альковах с женщин пеньюары...

После выстрела Дантеса в цель, не вхолостую,
на планете Ваше место всё ещё пусто, ни один поэт России, пожиная лавры, рядом с Вами быть не в силах, как ни бей в литавры...

Алексан Сергеич, горло пересохло что-то...
Молния сверкнула гордо, рухнул гром в болото; бес подкрался к стогу
сена, девушек шекочет, дождь свежее, чем вербена, самовар клокочет;
тёплый крендель на подносе, сушки да баранки, снова Болдинская осень
выпала за рамки бесконечностью своею, Вашим вдохновеньем;
факел Вы, вдали я тлею бледной-бледной тенью...

А вот и Пушкин...

А вот и Пушкин...
Здравствуй, Поэт!
С рождения две сотни долгих лет
Вы дарите благословенный свет
народу, не понявшему свободу
как нужный исторический процесс
и жизни отдающему в угоду
избранникам с ухмылкой на лице,
взращённым этим самым же народом!

Конечно, лизоблюдствуя всерьёз,
жить можно при любом раскладе призмы
на семицветья радуг или грёз,
шагая за царизмом и вождизмом,
благословлять и осенять крестом,
на ратный подвиг шествовать с усладой:
я патриот, я защищаю дом,
а большего мужчине и не надо!..

А вот и Пушкин...
Здравствуй, Поэт!
Я снова погружён в поэмы ваши
и пью любовь из драгоценной чаши,
не делая из этого секрет!
Татьяной будь она, Людмилой будь,
неважно это, главное – забраться
нам в тень каштанов или в сень акаций –
и будь что будет, мир, не обессудь!

Прошу принять скабрёзности мои
не сердцем, а сознанием!..
Эпохи
меняются, ссыпаются горохом,
весна во льду буравит полыньи,
а мы стоим у прежнего порога,
надежду ожидая...
Боже мой,
она опять упала на прямой
дороге, но с разметками тревоги!

А вот и Пушкин...
Здравствуй, Поэт!
Черёмуха осыпала соцветья,

а вы без орденов, без эполет
идёте по России за столетья,
за мрак времён и за рассветный миг,
взрывающийся огненной петардой,
и не найти селения на карте,
где вас бы не читали, чёрт возьми!

В унисон с В.В.М.

Не интересно, ЧТО вы пишете,
ибо всё уже раньше сказано,
мне интересно, КАК вы пишете,
какими общими словами-фразами
акцентируете на том, что было и
отображаете то, что есть,
как проявляете самцами-гориллами
к женскому полу интерес.
Или с разворотом на полоборота,
если вы женщина на все сто,
не попадаете в переплёты
из-за рябого коня в пальто;
или в социуме шершавом
не забываете быть человеком
и помогаете вместо Минздрава
жаждущим ласки и просто калекам.

Мне интересно, КАК вы слышите,
ушами или напрягая извилины,
не призывая на помощь Всевышнего
при обессоливании и при бессилии;
многие дуют в дудки по нотам,
мало способных создать мелодию –
и жизнь проходит по общему счёту
с равным расстоянием между годами.
Всё по ранжиру и ничего нового,
всё вокруг серо или всё – благодать,
и только где-то кричит взволнованно
тот, кому нечего дать и взять...

Печаль по Есенину

Вам тридцать лет, мне более, чем вдвое,
устали вы, и я давно устал
в сердцах об стенку биться головою,
желая жизни с нового листа.
На горле шнур, зато в руках корона,
запятнанная человеческим злом...
Провидцы не рождаются на тронах,
крестьянский отруб – их родимый дом!

Там корни света, не в цветных чертогах,
опутанных всезавистью людской,
там день одушевлён, промыт, простроган
и стать готов иконною доской.

Серёженька, а вы шутить не мастер,
у вас печаль – печатью на лице...
И сердце разрывается на части,
на блёстки-искры в липовом корце –
медовость слов и нежная влюблённость –
нет, не моя, а ваша – в эту жизнь,
вопящую как юный воронёнок:
пустите в небо, обожаю высь!
Но притяженье равнодушной ядер,
летающих в человека, не в мишень,
и воронёнок начинает падать
неоперённым в синеглазый день.

Я вашу боль переложил частично
не на кого-то, только на себя,
вплетая в русский слог метафоричность,
когда тупоголово мне грубят
за собственные взгляды на проблемы
и за лиричность в сфере бытия,
за полустёртый родословный лемех
с налипшею стернёю от жнивья...
Вы молоды, Серёжа, вы красивы!..
Вас нет давно, и всё же помнит Русь
душевных строк печальную правдивость,
читаемую нами наизусть.

Поэта убить – раз плюнуть

Поэта убить – раз плюнуть –
выстрел в спину и контрольный в голову,
и погаснут в глазах его нотки весёлого
недоиспользованного июня;
или августа плодоносного,
или залихватского февраля,
бушующего где-то в центре Грозного
и добравшего до Кремля.
Кто и зачем, бесполезно спрашивать:
у политиканов своя омерта,
если поэт негоден заживо,
будет угоден после смерти –
можно в учебник вклеить портрет
или статейку в энциклопедию,
но человек, которого нет,
ничего человечеству не поведает...

Константин Мелихан (Россия)

Автор юмористических книг для взрослых и детей, карикатурист, эстрадный исполнитель собственных произведений. Создал афористические образы российского джентльмена и российского донжуана (70-е гг.), «Календурь» (1990). Зав. отделом сатиры журнала «Аврора» (1983-1996). Участник телепередач «Вокруг смеха» (1985-1991), «Смехопанорама», «Классики юмора», «Шутка за шуткой», «Юрмала» (2008, 2009). Автор миниатюр, исполняемых артистами эстрады, а также в программах «Аншлаг», «Городок» и др. Вошел в антологии и энциклопедии афоризма, рассказа, юмора в России и за рубежом.

В любимом человеке нравятся даже недостатки, а в нелюбимом раздражают даже достоинства.

В молодости изменяешь даже тому, кого любишь, потому что в старости не изменить даже тому, кого разлюбил.

Глупые женятся, а умные выходят замуж.

Днем любят за достоинства, а ночью – за пороки.

Должен ли джентльмен провожать даму из гостей, если он в гостях у дамы?

Должен ли джентльмен при виде дамы говорить: «Ого!» – если он уже сказал другой даме: «Ага!»?

Ей нравились только непьющие, а она нравилась только пьяным.

Если ваш муж начал следить за модой, начинайте следить за мужем.

Если донжуан поклялся уйти в монастырь, значит, монастырь женский.

Если женщина холодна, как рыба, мужчина должен быть терпелив, как рыбак.

Жена – это вторая половина мужа, а любовница – первая.

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

Женщина ищет мужчину с большим будущим, а мужчина ищет женщину с маленьким прошлым.

Женщина любит, когда привыкла, а мужчина любит, пока не привык.

Изменяя, женщина ищет лучшее, а мужчина – новое.

Когда мужчине плохо, он ищет женщину, а когда ему хорошо, он ищет еще одну.

Мода – это когда все носят то, чего нигде не достать.

Можно ли прожить на одну зарплату? Можно, если жить один день.

Молодость живет будущим, старость – прошлым, и только детство – настоящим.

Мужчина – как клубок ниток: когда его отпускают, он распускается; когда берут в руки – сматывается.

Надеждой можно питаться дольше, чем счастьем.

Не горюй, если у твоей жены кто-то был до тебя: хуже, если у нее кто-то будет после.

Одержать победу ради женщин иногда легче, чем над ней.

Покайся, грешник! Поделись опытом.

Ради дамы кавалер бросает деньги, а донжуан – другую даму.

Сколько же времени и сил должен потратить мужчина, чтобы воспользоваться минутной слабостью женщины!

Хочешь выглядеть моложе – говори, что ты старше.

Хранить верность нелюбимому человеку – значит, изменять самому себе.

Чего женщина не может забыть, того мужчина не может вспомнить.

Человек может все, но не больше.

Чем отличаются сионисты от антисемитов? Сионисты говорят, что среди евреев много знаменитостей, а антисемиты говорят, что среди знаменитостей много евреев.

Чем сильнее горит сердце, тем слабей варит котелок.

Чем тяжелее работа, тем легче на нее устроиться.

Чтобы искать человека без изъянов, надо быть человеком без извилин.

Ирина Акс (США)

Родилась в Санкт-Петербурге. Окончила Ленинградский горный институт, в многотиражке которого и дебютировала в 1977 году со стихами и статьями. С 2000 г. живёт в Нью-Йорке. Стихи и проза публиковались в журналах «Автор» (Санкт-Петербург), «Гайд-Парк» (Лондон), «Галилея» (Израиль), «Метро» (Нью-Йорк), «Обзор» (Чикаго), «Чайка» (Балтимор) и других, в альманахах «Теремок», «Санкт-Петербург – 2000», «Неразведенные мосты», была редактором и составителем сборников «Наш Альманах» (1-ый и 2-ой выпуски), «Нам не дано предугадать...» (3-й выпуск). Автор книги стихов «В новом свете» (2006).

Из цикла «Времена года»

Невеселые осенние раздумья

Осень хлюпает в ботинке
и течет за воротник...
Неохота ни к Маринке,
ни к Наташке и ни к Зинке,
даже в скверик на пикник.

В сквере – мокрая скамейка
и шмурдяк без стакана,
дома – вся моя семейка...
А из тучи – как из лейки,
и душа моя больна.

Я с утра – тоской объятый,
с грустной думой ни про что.
Может, осень виновата?
А в карманах – ни копя-то...
Выпил пива. Не прошло.

Вот бреду унылой тенью
меж унылых голубей
и печалюсь целый день я.
Были ж чудные мгновенья!
Но – не помню, хоть убей.

Новогоднее

Опять грядет черед шампанского и студня,
а также время подводить итоги года...
Ах, как небрежно мы пролистывали будни –
как в толстой книжке описания природы!

Нетерпеливо поторапливали стрелки:
скорей бы вечер (праздник, отпуск, новоселье...)!
Для нас рутинные занятия слишком мелки –
мы алчем бурного, пьянящего веселья,

хотя пора б уж стать мудрее: время длится,
и все в нем ценно – взгляд, улыбка, борщ, котлета,
уменье вглядываться в линии и лица...
Вот – отгуляли Новый Год...
Скорей бы лето!

ПАРОДИИ

Чужие цитаты

...или чужую цитату раскурит...

*...Бессонница. Гудзон. Тугая кобура
ночного патруля. Фонарь. Аптека.*

Георгий Садхин

Нам не дано понять, что бренно, что нетленно,
что в жизни потому, что в судьбах вопреки,
где с чохом чех, где грек с украденной Еленой,
где рак за руку цап из Делавер-реки.

Ломается строка на клеточках тетради,
горит моя звезда в лиловой вышине,
а там, где сладкий Грез, где поцелуй украден,
шагает Шаганэ в потертом шушуне,

и мысли мельтешат... но вишенкой трамвайной
до дожидчика в четверг я все же доживу.
«Что хочешь – выбирай!» – нашепчет каравай нам...
Бессонница. Садхин. Тугое дежавю.

Собачья радость

Нам церберов пустить бы на хотдоги...

Ал. Габриэль

Корейской кухни вежливый оскал
напомнит нам о чем-нибудь великом...
Вот Цербер нас куда-то не пускал.
Как он хорош с кинзой и базиликом!

Собака Баскервилей, гений тьмы,
нам нравится! Особенно – в лазанье.
Да, скифы мы, да, азиаты мы
с голодными зубами и глазами.

Не зря среди березовых лесов
псов-рыцарей решительно разбили!
Готовы мы созвездье Гончих Псов
догнать, создав Созвездье Чахохбили!

Вот наш обед прощально вякнул «гав» –
и мы достигли кулинарной цели,
попутно кое-что зарифмовав:
мы ж на стихах давно собаку съели!

* * *

В наше время порой бесконфликтность приводит к беде:
как нам плыть по течению в стоячей болотной воде?

* * *

Дороги жизни каменисты,
а мы – почти что коммунисты:
в любом краю по-большевистски
мы любим водку больше виски!

* * *

Поэты делят лавры... всякий раз
доходит не до драки – так до ора...
Над ними в облаках парит Пегас,
даря их конским яблоком раздора.

* * *

Жребий брошен! Все что есть – на кон!
Наконец решился... дальше – проще...
Вот он, мой заветный Рубикон!
«Это – Стикс», – поправил перевозчик.

Анатолий Зусман
(Израиль)

У ЗУБНОГО ВРАЧА

Юмореска

– Здравствуйте, доктор! Я к вам.

Почему я стою у двери и не прохожу? Спасибо! Отсюда мне ближе к выходу.

Вы спрашиваете, какие у меня проблемы? Доктор, если я сейчас начну рассказывать о своих проблемах, то боюсь, через пару дней ваша контора закроется.

Ах, простите, вас интересуют мои проблемы с зубами? Я сразу не понял. Нет, нет. Проблемы с зубами не у меня. Раз я здесь, то проблемы уже у вас. Что мне делать здесь, да ещё с проблемами? Их у меня дома хватает.

Доктор, вы не нервничайте. Вы хотите, чтобы я вам сказал, зачем пришел? Пожалуйста. Но только скажите мне, я правильно пришел? Здесь можно удалить зубы и сделать протез?

Какой протез? Ну конечно, зубной. Вы говорите, что я пришел правильно. Это замечательно.

С вами, доктор, очень приятно поговорить, сразу видно, что вы интеллигентный человек. Как мало сейчас осталось настоящих интеллигентных людей. Но я не об этом. У меня зубы.

Вы мне предлагаете сесть и открыть рот. Я всегда боюсь, когда мне предлагают сесть. Это у меня с детства...

Хорошо-хорошо, я уже сижу. Теперь открыть рот? А разве я его закрыл? Знаете доктор, я утром, как только открываю один глаз, неважно какой – у меня сразу же открывается рот и уже не закрывается до тех пор, пока я не лягу спать и не закрою оба глаза.

Да-да, вот здесь. Здесь у меня было четыре зуба, потом один не дождался своих товарищей и выпал. Вы говорите, что надо удалить всё, что осталось? Да... я понимаю.

А скажите мне, доктор. Но это только строго между нами. Сколько это всё будет стоить? Сколько-сколько? Я не ослышался? Может, нам лучше перейти на иврит? Что, на иврите цена не изменится? Но мне так будет легче, я иврит не знаю.

Доктор скажите мне по секрету, вы не экономист? Просто я знал одного экономиста, у него ещё борода была, как у нашего ребе. Он писал толстые книги, но его мало кто понимал. Так вот все, кто не понимали, потом куда-то исчезли.

Вы говорите, что надо удалить три зуба. А где вы видите эти зубы? Доктор! Если бы я видел здесь зубы, я разве сюда бы пришел? Сюда разве приходят с зубами?

Ну, хорошо, вы меня уговорили. Ну, а как же с крупным оптом? Вы же деловой человек! Я, когда иду на базар, если жена поручает мне купить один вилок капусты за 6 шекелей, а она все цены знает, ещё в детстве мечтала стать счетоводом, то я делаю оптовую покупку. Я беру два вилка и плачу за них десять. Правда, пока доходит очередь готовить второй вилок, он успевает испортиться, и его выбрасывают, но это уже другое дело. Так как вы смотрите на три по цене двух? Ну, как же?

Вы посмотрите на средний. Это же не зуб. Балерина крутится вокруг своей оси хуже, чем этот симулянт у меня во рту.

Вы говорите – преискурант. Я вас умоляю! Вы мне скажите, вы не экономист? У меня такое впечатление, что я не у зубного врача, а в министерстве финансов. И вы сейчас решаете проблему – как обеспечить всё население Израиля деньгами.

Вы предлагаете сделать перерыв и выпить по чашечке кофе? Доктор, как приятно с вами иметь дело!

Елена Лапина-Балк
(Финляндия)

ИСТОРИИ ОДНОГО ЧУДАКА...

(продолжение, начало в альманахе № 5)

МИГЛИН ДАЁТ ИНТЕРВЬЮ...

А что? Я согласился... сразу... Ну и пусть... название у газеты «Жареный петух», какая разница, как знаменитым стать?

Спрашивают, а как у вас ЭТО началось, они имели ввиду, конечно же, когда и как во мне талант-то засвербил?

Признаюсь, ждал я этого вопроса и основательно готовился к нему. Добрые люди подсказали: придумать, говорят, надо легенду, да с участием известных фамилий. Я подумал и решил – Иосиф Бродский очень подходящая личность, да и умер недавно...

Вот я им и выдал свою легенду:

Перед тем как умереть, Бродский ко мне забежал... во сне... и говорит:

– Вот думаю, Гера, передать тебе мой талант, – заметьте на «ты» ко мне обратился, знал, на меня можно положиться. Я же честный, бескомпромиссный, с обостренным чутьём на несправедливость. Ну, я ему:

– Всё, друг, исполню, приму твой дар и буду его преумножать и шлифовать!

А что, неправда? Всё можно шлифовать и даже Бродского! А уж тем более мне!

Ну, вы же знаете, кто Я?!

А на завтра в газетах прочитал, что умер Иосиф Бродский... Вещий был сон!

И вот тут со мною что-то стало твориться: в рифму заговорил, потом и думать стал в рифму, и дышать, и смотреть, да и делать... по-маленькому (писать) тоже в рифму!

А вы как думали?!

Я сразу понял, душа Бродского в меня переехала, жаль нобелевку, вернее, что от неё осталось, с собой не прихватила. А то ведь я небогат, чтобы две души содержать, ну, да с божьей помощью, или социалка что подбросит!

Видели бы вы лица этих газетчиков! В глазах огонь, восторг, клонуло их, жареным запахло! Ну, это и понятно, сенсация же!

Подумываю, на первое время второй мобильный на прокат взять, звонить ведь начнут наперебой, жаль не дозвонятся если...

Наталья Резник
(США)

ЖЕНСКОЕ ЭРОТИЧЕСКОЕ

Готовим, гладим, вяжем, шьем,
Но все напрасный труд.
Мы почему-то им даем.
Они же нас берут.

«Где унижения края?»
Шепча в ночную тьму,
Решила: буду я не я,
Но я сама возьму!

Брала, брала до искр из глаз,
С ладонями в поту.
Брала за каждую из нас,
За общую мечту.

В конце, ночам утратив счет,
Затихла на краю.
И слышу: «Ну, давай еще!»
... Теперь опять даю.

СКЛЕРОЗ

Я помню: все чего-то ищут.
Не победил меня склероз.
Врач-дерматолог ищет прыщик,
Врач-лор разыскивает нос.

Развратник ищет гонорею,
Суворов – крепость Измаил.
А русский – в поисках еврея,
Который бы его спойл.

Емеля вдруг отыщет шуку.
Военкомат найдет дурак.
И лишь одно в ужасных муках
Припомнить не могу никак.

Не вспомнить. Хоть бери уроки,
Хоть колотись об стенку лбом.
Что ищет парус одинокий
В тумане моря голубом?

ОСЕНЬ

Осень выплунет снежком
Пережеванное лето.
Ты – в автобус? Я пешком.
Мы бродячие, поэты!

Сырость чувствуя щекой,
Дефилирую по лужам.
Нам, поэтам, вот такой,
Непрогретый, воздух нужен.

Град раскрошенным стеклом
Брызнет в темя с небосвода.
Нам, поэтам, поделом.
Нет у нас плохой погоды.

Передохли комары.
Голы веточки на дубе.
Нет унылее поры.
Это мы, поэты, любим.

Обожаю тусклый свет
И осенние хворобы.
В этом смысле я поэт!
Сочинить еще чего бы...

Содержание

Валерий Попов. К читателям	3
Взгляд в прошлое	
Елена Лапина-Балк	5
Тамара Скобликова	10
Екатерина Асмус.....	15
Екатерина Муртузалиева	27
Австралия	
Наталья Крофтс	35
Сергей Ерофеевский.....	42
Нора Крук	44
Бельгия	
Майя Шварцман	46
Болгария	
Христо Граматиков	51
Германия	
Анна Сохрина.....	56
Анна Людвиг	65
Михаил Левин.....	68
Греция	
Елена Андрейченко	77
Грузия	
Георгий Гамсахурдия.....	81
Израиль	
Людмила Клёнова	92
Анатолий Зусман	97
Арье Бацаль	101
Валерий Пайков	107
Испания	
Наиля Гарипова	111
Италия	
Наталья Пейсонен	116
Яна Ниemi.....	119
Кипр	
Александра Шнеур	122
Молдавия	
Виктория Чембарцева.....	126
Новая Зеландия	
Юрий Горбачев	130
Россия	
Алексей Филимонов	140
Ольга Виор.....	145
Вячеслав Лейкин	149
Галина Гампер.....	154

США

Наталья Резник.....	159
Ольга О'Нил.....	163
Михаил Этельзон.....	167
Михаил Садовский.....	171
Александр Немировский.....	175

Таиланд

Леонид Сторч.....	180
-------------------	-----

Финляндия

Андрей Карпин.....	186
Дмитрий Плесецкий.....	190
Надежда Жандр.....	196
Виктор Кувшинов.....	200
Людмила Кирпу.....	208
Дмитрий Суйканен.....	212

Франция

Светлана Кочергина (Алания Брайн).....	216
--	-----

Эстония

Игорь Белкин.....	221
-------------------	-----

Юмор

Константин Мелихан.....	225
Ирина Акс.....	227
Анатолий Зусман.....	230
Елена Лапина-Балк.....	232
Наталья Резник.....	233

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ МИРОВОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ
6/2012

Корректор *Т. Рыжкова*

Верстка *Н. Нутрихина*

Обложка *О. Маркина*

Подписано в печать 20.10.2012. Формат 70 x 90^{1/16}

Гарнитура Times New Roman Суг. Печ. л. 17,2

Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга

191119, ул.Звенигородская, д. 22, каб. 22

Тел (812) 404-63-10

souzypisateley@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии